

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 2
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 2
2020

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 2
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 2
2020

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджея Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карилов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мاستепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шutow**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	25.05.2020
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan
- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsyvk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	25.05.2020
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» и пандемия коронавируса	120
<i>Майкл Х. Глянц</i>	

«Мягкая сила»: специфика отечественного понимания	130
<i>Алексей В. Борисов</i>	

Содружество независимых государств как организация региональной безопасности	142
<i>Станислав И. Чернявский</i>	

Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия	154
<i>Юлия В. Воробьева</i>	

Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению	171
<i>Марк А. Неймарк</i>	

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Россия и финансовый мир: на пороге системных трансформаций	190
<i>Алексей В. Кузнецов</i>	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Особенности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе	208
<i>Диана С. Айвазян</i>	

О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне	219
<i>Андрей В. Ишин</i>	

Трансграничная политика Румынии на примере «еврорегионов»	227
<i>Даниела Г. Драган</i>	

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Буддизм в Центральной Азии и России: история и современность	237
<i>Ирина В. Колосова</i>	

Борьба Украины за автокефальную церковь в контексте политизации религии	250
<i>Ольга А. Грива, Наталья В. Якса</i>	

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

China's One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Coronavirus Pandemic	120
---	------------

Michael H. Glantz

«Soft Power»: Specificities of Domestic Understanding	130
--	------------

Alexey V. Borisov

Community of Independent States as an Organization of Regional Security	142
--	------------

Stanislav I. Chernyavskiy

The Role of the UN Security Council in the Process of Securitization of World Cultural Heritage	154
--	------------

Iuliya V. Vorobyova

Russian Foreign Policy: from “New Thinking” to New Strategic Thinking	171
--	------------

Mark A. Neimark

ECONOMY

Russia and Financial World: on the Threshold of System Transformations	190
---	------------

Aleksei V. Kuznetsov

POLITICS

Particularities of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region	208
--	------------

Diana S. Ayvazyan

About Geopolitical Strategy of NATO in the Black Sea Pool	219
--	------------

Andrey V. Ishin

Romania's Cross-border Policy towards Euroregions	227
--	------------

Daniela G. Dragan

HISTORY AND RELIGION

Buddhism in Central Asia and Russia: History and Present State	237
---	------------

Irina V. Kolosova

The Fight of Ukraine for the Autocephal Church in the context of politicization of Religion	250
--	------------

Olga A. Griva, Natalia V. Yaksa

Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» и пандемия коронавируса

Майкл Х. Глянц

Университет Колорадо, Боулдер, США,

glantz@ucar.edu

Аннотация: Коронавирус (и заболевание, которое он вызывает, COVID-19), как оказалось, переживает кризис. В том смысле, что он начался в центральной части Китая и распространился на запад, в Индо-Тихоокеанский регион, к Европе и, в тоже время, на восток, в Северную Америку. Его влияние ощущалось наиболее интенсивно в нескольких возникших горячих точках, таких как Испания и Италия. Через несколько месяцев эта проблема стала глобальным пандемическим и экономическим кризисом. Он распространяется на все континенты. Для Китая, где коронавирус начался как национальная эпидемия, проблемы носили двоякий характер: во-первых, вирус нарушил производственные процессы в Китае, поскольку работники заразились быстро и легко распространяющимся вирусом, во-вторых, нарушил цепочку поставок в результате чего, внутренние и экспортные товары и услуги быстро сократились.

Ключевые слова: COVID-19, Китай, Европа, Северная Америка

Для цитирования: Глянц М. Г. Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» и пандемия коронавируса. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):120-129. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>

Статья поступила 13.04.2020

Принята в печать 29.04.2020

Опубликована 25.05.2020

China's One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Coronavirus Pandemic

Michael H. Glantz

University of Colorado at Boulder, USA,

glantz@ucar.edu

Abstract: The coronavirus (and the disease it causes, COVID-19) has proven to be a rolling crisis. Rolling in the sense that it began in central China and spread westward to the Indo-Pacific

region toward Europe and at the same time eastward into North America. Its impacts have been felt most intensely, so far, in several emerging hotspots along the way, such as Spain and Italy. In a matter of a few months it became a truly global pandemic and economic crisis. It continues to spread to all inhabited continents.

For China, where the coronavirus started as a national epidemic, the problems were two-fold: first the virus disrupted China's manufacturing processes as workers became infected with a fast and easy-spreading coronavirus and, secondly, disrupted the supply chain as demand for its domestic and export goods and services rapidly decreased.

Keywords: COVID-19, China, Europe, North America

For citation: Glantz M. H. China's One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Coronavirus Pandemic. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):120-129. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>

Received 13.04.2020

Revised 29.04.2020

Published 25.05.2020

INTRODUCTION

The novel coronavirus is an unknown virus never before encountered and, as a result, medical experts worldwide are learning about it in real time until enough data has been collected to be able to create a vaccine. Being novel, the infectious disease experts in all countries (both in industrialized and emerging economies), were unaware of and unprepared for how dangerous this virus could be. When it came to understanding the characteristics and behavior of and response to the virus, global governments, including China, soon realized they had to be on a steep learning curve to not only try to mitigate the rapid increase of infection, but also understand the virus itself.

While a growing number of cases of the virus was detected in December 2019, Ma wrote that «Interviews with whistle-blowers from the medical community suggest Chinese doctors only realized they were dealing with a new disease in late December» [1]. The epicenter was identified as Wuhan, one of China's major manufacturing hubs (Hubei Province). Coronavirus has proven to be highly conta-

gious and spreads easily and quickly. Because it was novel, and so easily spread, no on-the-shelf or ready-to-use vaccine exists. An intensive search for a potential vaccine has already begun, but the likelihood of success vaccine is still roughly a year or so away from completion.

While the number of coronavirus infections in various countries in Europe and in the US are rising exponentially into Spring 2020, COVID-19 cases are expected to increase dramatically in sub-Saharan Africa, South, Central and Southeast Asia. While several parts of the world are struggling to contain the spreading of COVID-19, China has apparently made significant progress toward containment. In mid-March the Chinese government reported that the virus tide in China had begun to ebb, as new cases were apparently declining for the first time since the outbreak. Only the next several months will tell how successful national efforts at controlling the community spreading of COVID-19 have been. However, governments are under pressure to get their

economies back on track again and getting workers' lives back to normal. As containment of the virus appears to be working, there is a risk of that governments will remove restrictions such as stay-in-place quarantines. American epidemiologist, Anthony Fauci has, in essence, warned political leaders in the US that the disease not the politicians will determine when COVID-19 has been successfully dealt with.

Korea and Hong Kong have been relatively successful in their effort to cope early with the first wave of coronavirus cases in their countries. Taiwan is another success story from Asia. Yip noted that «With only 67 cases as of March 16 and 1 death, Taiwan's use of social awareness, appropriate action of infected individuals and big data analysis has given the country an upper hand in controlling the spread of the virus and has been able to achieve better results than China, but without the draconian measures of martial law and forced quarantine» [2]. As China attempted to bury the information that Chinese Dr. Li discovered, Taiwan used that information as an early warning about a possible pandemic.

Chinese leaders have been criticized for their lack of transparency during the onset of the domestic virus outbreak [3]. The South China Morning Post (Hong Kong) noted that the US, for example, now in the midst of its own coronavirus epidemic, questions the official Chinese numbers of its virus cases and deaths as U.S. reported numbers well surpassed those of China. Creating a name for the virus has been used politically as a weapon by those wanting to blame China for this pandemic. For example, the virus has been pejoratively labeled as the Chinese Communist Party virus (CCP virus), or the China and the Wuhan virus (by President Trump). A Chinese official then suggested that the virus was started in China by a US military operation with the intention to cripple the Chinese economy. a US Congressman, similarly, suggested *his* conspiracy

theory that the pandemic was the result of an inadvertent release of the virus by a Chinese biological warfare research institute in Wuhan.

Both conspiracy theories have been discredited and refuted. In fact, blaming the coronavirus release is one way that a government can weaponize the situation by creating an imaginary external rival which deflects and distract the public eye away from domestic problems: for the US that «rival» is China [4]. Zimmer reported that the most recent study on the origin of the coronavirus outbreak in the New York (east coast) area identified Europe as the source, not China. He wrote, «New research indicates that the coronavirus began to circulate in the New York area by mid-February, weeks before the first confirmed case, and that travelers brought in the virus mainly from Europe, not Asia» [5].

These concerns — a politically inspired «blame game» — are best addressed once the pandemic has ended. They should not detract from the apparent positive outcome of China's swift draconian quarantine and lockdown measures in Wuhan, in Hubei Province and then throughout the country. Such unprecedented actions are proving to have gained control over community spread of the virus within its borders. If sustained, it provides hope to other nations that effective ways do exist to mitigate the community spread of the virus, e.g. very early testing, 'contact tracing' and lengthy quarantines or lockdowns.

SELECTED IMPACTS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE (BRI)

China's economy, its population's well-being and its global reputation as a rising superpower was each affected by the initial outbreak and its corresponding responses to the coronavirus over only a few months. A key aspect over the past several years of its rising superpower status has been its Belt and Road

Initiative (BRI). Facts as well as speculation have now surfaced about the virus's effect on the China-sponsored infrastructure projects to foster connectivity, enhancing effective and efficient trade. Former Australian Prime Minister Rudd suggested that «[T]he coronavirus represents the single biggest challenge for Xi Jinping since he became general secretary of the CCP in 2012» [6].

The following paragraphs provide some examples of the impacts of the coronavirus on One Belt One Road (OBOR)/BRI while the global pandemic is still in progress. They are taken from popular news sources. The comments are clustered into the following categories:

1. OBOR/BRI-related impacts of coronavirus within China;
2. Pandemic-related impacts on BRI partner countries;
3. Actions of BRI partners toward China during the pandemic;
4. General impacts (domestic and international) on China's BRI;
5. International speculation about the future of BRI as a result of the pandemic.

BRI-RELATED IMPACTS OF CORONAVIRUS INSIDE CHINA

Compounding the economic and political consequences of the US-inspired trade war with China on the Chinese economy, the outbreak of the novel coronavirus set off a chain of events that further worsened China's economic situation as it entered 2020. Confronted with the challenge of mitigating the impacts of a new type of highly infectious coronavirus, there was no quick way to identify those infected and no vaccine had yet been created. With cases rising rapidly in its national epidemic, the government took draconian measures to lock down the country at the end of January, which happened to coincide with the onset of the Chinese Lunar New Year hol-

iday. During an interview, a Wuhan respiratory disease doctor was asked «What would have happened if Wuhan had not closed?». He responded: «The closing took place on the eve of the Chinese New Year holiday. This period represents the largest migration on the planet. It is a Chinese tradition to come home to visit relatives. Our population would have moved in large numbers, more than any other country. For us, this measure was essential» [7].

The Chinese population had already begun to visit their families in other parts of the country. As a result, workers who had traveled home were unable to get back to factories where they were employed because of the quarantine. Without their workforce, factories and businesses were forced to close. Domestic and global supply chains were disrupted not only by the slowdown or shutdown of factories, but also by travel bans to producers (China) and consumer countries including BRI partners — many of which rely heavily on material, management and labor support from China.

Some observers suggested that internal pressure was mounting about China's spending abroad (such as for the BRI) instead of at home. For example, one response to the pandemic was that China's banks were ordered to support activities and workers in OBOR countries concerned about importing the virus from foreign visitors. According to one source, even the Chinese Communist Party, was also concerned that Xi's BRI financial commitments abroad (centered on OBOR partners) were overextending China's financial capabilities [6].

CORONAVIRUS PANDEMIC-RELATED IMPACTS ON BRI PARTNER COUNTRIES

Many Chinese laborers, engineers and project managers who had returned to China during the Chinese New Year were denied visas to reenter the various BRI countries in which they had been working, as a result of various

travel restrictions. Restrictions were levied by China and BRI countries. BRI governments feared that travelers arriving from China might carry the virus into their countries. Chinese workers that had stayed in the BRI country of their employment during the Chinese holiday were quarantined. Also, supply chain disruptions of varying degrees impacted machinery and construction material deliveries, hindering work on OBOR infrastructure projects. Zhai and Tostevin, for example, reported that, as of mid-February, «Many factories in China remain closed; those that are open cannot reach full capacity... Since many BRI projects tend to source equipment and machinery from manufacturers based in China, the disruptions in industrial production and supply chains will cause further delays» [8].

Commenting on a report focused on COVID-19 impact on the BRI in Africa, a news release by Baker McKenzie noted that «the ripple effects of COVID-19 are affecting the nature, pace and scope of China's BRI activity in Africa, mostly for the short term» [9]. The release included a succinct statement by the company's manager in South Africa: «Any largescale outbreak of COVID-19 in Africa will put pressure on already strained public health systems». The new release concluded with the following: «The project delays are expected to be mostly short term; and future initiatives will now have a heightened focus on sustainability — improving not only their long-term outlook, but also the sustained health of the environment and most importantly, Africa's people» [9].

Some writers suggested that the virus-related delays in progress on the BRI infrastructure and trade projects had provided time for both parties, China and project partners, to renew, review or reconsider their loans agreements or their commitments to their cooperative BRI infrastructure construction projects. Shepard reported that before the coronavirus epidemic

emerged, China as well as some of its country partners were already rethinking various aspects of BRI: there could be a greater focus on the greening of OBOR [10]; China could make its loans less aggressive; it could focus on fewer projects [11].

ACTIONS OF BRI PARTNERS TOWARD CHINA DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC

During the pandemic, various BRI countries took action to block the entry of any travelers coming from China, including returning BRI Chinese workers, engineers and managers. Those coming back from China as permitted workers into a BRI country were required to be tested and quarantined for several weeks. Chinese workers already in a BRI country were also tested and quarantined. However, BRI country responses varied: Pakistan, for example, a flagship project of the BRI, asked Chinese workers associated with CPEC projects in Pakistan to delay their return from China. Thus, the pandemic brought to a temporary (e.g. short term) halt some on-going BRI works [12]. For its response, Kazakhstan suspended issuing visas to visitors from China and closed the borders of its free trade zone [12]. Indonesia banned flights from China. Restrictions ratcheted upward, as various OBOR governments took the pandemic's impacts more seriously and restricted visas for returning workers from China to work on their infrastructure and other construction projects.

GENERAL IMPACTS ON CHINA'S BRI

There are wide-ranging views, spanning from supportive to critical, about various aspects of the novel coronavirus's outbreak and China's lack of transparency about it as well as its handling of global spread to other countries. Several articles related to the virus's adverse impacts on OBOR/BRI. The Nikkei Asian Review suggested, «the epidemic will not

only affect international freight trains that run between Wuhan and Duisberg, Germany but will also negatively impact the infrastructure drive» [13].

Fazl-e-Haider's article was entitled «Coronavirus brings halt to China's Trillion-dollar Belt and Road Initiative» [14]. Ahmed suggested the «coronavirus... created a global health emergency, dented the global economy and can hamper China's ambitious BRI» [13]. He wrote that «Wuhan's position as a strategic hub has backfired and worked as a negative factor». He also suggested that «No propaganda could damage or hamper China's ambitious BRI as the coronavirus outbreak has done in a month hampering the mega trade and infrastructure plan» [13].

On the positive side, Lancaster et al. observed that «the Chinese government is clearly trying to bolster its own global governance role by establishing itself as a country-COVID-19 leader in word and deed... China is even beginning to provide material aid to BRI countries afflicted by the pandemic» [3]. The World Economic Forum-Beijing identified some ways that Chinese companies were providing help at home and abroad to those affected by the virus, such as «donating supplies to affected areas and "working to keep the supply chains open"» [15]. Rudd strongly suggested that President Xi's China will continue its «effort to become a 'technological Superpower with 5G dominance, semiconductors, supercomputing and artificial intelligence» [6]. He also wrote that China sees BRI «as a Chinese international institution, as China wants to rebuild the world international order in which it holds key positions» [6].

There are also neutral views as reported by the media, e.g. existing projects delayed and timelines for their completion revised. New projects or aspects of them that are under negotiation are likely to be reconsidered.

SPECULATION ABOUT OBOR'S POST-CORONAVIRUS FUTURE

Speculative comments about the sustainability of the OBOR's post-coronavirus future, had a more positive tone. Chinese government sources suggested there were no lengthy delays in OBOR projects. Reports noted that the BRI is not only a symbol of President Xi's regime, but it is also a symbol of China as a great power. So, «Beijing is not likely to abandon BRI anytime soon» [16]. Shepard speculated that «foreign firms will not look for alternative supply chains because of coronavirus» [10]. More so now that new Chinese cases are declining, quarantines starting to be lifted, and factories are re-opening or getting back to full-time operation. Shepard also noted that Xi wants to get OBOR projects going again to show life has returned to normal.

The reinstating of the OBOR/BRI initiative at its full operational capacity is a question that only time will answer. As China begins to lift its quarantine measures, some BRI countries (as well as other countries not affiliated with OBOR/BRI) are speculating that allowing the Chinese economy to restart is too soon. He noted in her article that «the pandemic is still wreaking havoc on the rest of the world, raising fears of a potential second wave of infections as people return from overseas and bring the virus with them. Add to that the risk of another outbreak, if the virus hasn't been totally eradicated in local communities» [17]. Fear that a resurgence of the COVID-19 virus not only in local economies, but nationwide has created a barrier to distancing and self-solitary confinement that China will have to overcome in order to regain its full economic operational strength.

President Xi asked the Prime Minister of Italy at the height of the pandemic about developing a Health Silk Road [18]. This call for a health silk road has found support in Europe [19]. OBOREurope [20] also stated

that «the BRI can ... act as a global platform to study new threats to health and find solutions by strengthening cooperation between Chinese and foreign labs». At the least, «health has been added under sustainability for BRI project workers and partner country inhabitants» [11].

There have been many critiques of OBOR/ BRI ever since it was launched in September 2013, mostly from countries that are China's regional or global political rivals (e.g. the United States under President Trump, India, Japan, Korea). While they might have cheered China's initial economic downturn — because of the impacts of Trump's trade war and now as a result of the coronavirus pandemic — the pandemic may prove to be having the opposite effect. Rogin reported that while President Trump is using this virus as a reason to decouple the US and Chinese economies, China is viewing this pandemic as a way to further cooperation and interconnectedness. He wrote «China intends to seek out more foreign direct investment, seize market share in critical industries and try to stop the West from confronting its bad behavior» [21].

CONCLUDING THOUGHTS

The definition of crisis in the Chinese language is made up of two characters: one is danger and the other is opportunity. It should not be surprising, then, to find articles in which the writer(s) use both negative (e.g. danger) and positive (e.g. opportunity) aspects of the coronavirus pandemic in the same thought. China has been criticized for its initial secrecy resulting from a general lack of transparency that delayed the raising of awareness about the novel coronavirus. The Chinese doctor who warned the people and government to the dangerous virus was heavily criticized for causing panic and put under house arrest. He later died from COVID-19 but was later praised as a national hero.

However, once the Chinese government realized that the coronavirus was truly a national epidemic, it instituted strict quarantine measures first in Wuhan, then across the entire country. The coronavirus apparently peaked four months later in March and restrictions began to be lifted in various places.

Although China was criticized for its lack of openness about an emerging pandemic, it is increasingly being praised for its quarantine measures within its borders. Today, by providing health-related guidance and medical materials, its help is being praised by developing countries beginning to suffer from the coronavirus. This turnaround is being acknowledged on an increasing basis through the media as exemplified in the title of the article «China and Coronavirus: From home-made disaster to global mega-opportunity» [22] and its subtitle, «Despite an initially horrendous response, China now utilizes its Coronavirus campaign to build global soft power».

Wu and Wong provided similar examples [23]:

- «The notion of 'health silk road' could cover up Beijing's mistakes in handling early stages of coronavirus outbreak».
- «In health, China has consolidated its leading role among belt and road partner nations as the coronavirus outbreak has spread».
- «COVID-19 is a golden opportunity for China to demonstrate leadership and responsibility».
- «The underlying contradiction, however, is that belt and road is a symbol of Chinese-led efforts at promoting the benefits of connectivity, while the virus has exposed the risks and weaknesses of connectivity on a global scale».
- «Its ability to meet the demands of countries - especially those with less developed public health systems - could also give China an opportunity to draw a veil over its mistakes in the initial stages of the virus outbreak».

CONCLUSION (WHAT IS NEXT FOR OBOR?)

As the pandemic continues to «roll» around the globe, speculation will continue to grow about what the post-coronavirus world might look like, not only within China and scores of OBOR countries, but around the globe. The global economy will need time to recover from the cost to national economies as a result of the extreme measures of shutdowns imposed by governments to combat the pandemic. It appears that support for «globalization» is under threat, because of pre-existing poverty resulting in disproportionate impacts of the virus within and among industrial and developing economies. A recent article suggested that OBOR provides a pathway, through connectivity and trade, for disease spreading, citing pandemics that occurred in

past centuries [24], The New Silk Roads, cited in Shepard [10].

In his article with a sub-section labeled «stealing the soft power mantle from the U.S.», Kurlantzick offered the following perspective: «Ultimately, Beijing seems ready to use the outbreak to more broadly signal that China's model of governance is effective, particularly in a crisis, and especially when compared to that of most democracies» [22]. On the other hand, the Council of Foreign Relations correctly warned its readers that «It is too soon to say precisely how the pandemic will change the broad contours of Chinese foreign policy, but it has already highlighted some of the frailties of the Belt and Road Initiative Xi's signature foreign policy agenda to build traditional and digital infrastructure around the world» [3].

REFERENCES

1. Ma J. «Coronavirus: China's first confirmed COVID-19 case traced back to November 17». *SCMP*. 2020. March 17. https://www.scmp.com/news/china/society/article/3074991/coronavirus-chinas-first-confirmed-COVID-19-case-traced-back?utm_source=mailchimp&utm_medium=email&utm_content=coronavirus&utm_campaign=GME-O-100days&MCUID=4003e80019&MCCampaignID=a53db80096&MCAccountID=-7b1e9e7f8075914aba9cff17f [Accessed: 18.03.2020]
2. Yip H. «Fear of China Made Taiwan a Coronavirus Success Story». *Foreign Policy*. 2020. March 16. <https://foreignpolicy.com/2020/03/16/taiwan-china-fear-coronavirus-success/> [Accessed: 17.03.2020]
3. Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. «What the COVID-19 Pandemic may mean for China's Belt and Road Initiative». Council on Foreign Relations (New York, USA). 2020. March 17. <https://www.cfr.org/blog/what-COVID-19-pandemic-may-mean-chinas-belt-and-road-initiative> [Accessed: 26.03.2020]
4. Campbell K.M. and R. Doshi «The coronavirus could reshape the global order: China is maneuvering for international leadership as the United States falters». *Foreign Affairs*. 2020. March 18. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order> [Accessed: 25.03.2020]
5. Zimmer C. «Most New York Coronavirus Cases Came From Europe, Genomes Show». *The New York Times*. 2020. April 8. <https://www.nytimes.com/2020/04/08/science/new-york-coronavirus-cases-europe-genomes.html> [Accessed: 08.04.2020]
6. Rudd K. «The Coronavirus and Xi Jinping's Worldview». *Project Syndicate*. 2020. February 8. <https://www.project-syndicate.org/commentary/coronavirus-will-not-change-xi-jinping-china-governance-by-kevin-rudd-2020-02> [Accessed: 10.03.2020]
7. Wuhan Pulmonologist: «Why Didn't Other Countries Learn the Lesson?» *Latin American*

- Herald Tribune*. 2020. April 9. http://www.iaht.com/article.asp?ArticleId=2491066&-CategoryId=13936&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=-Feed%3A+iaht%2Fmailer+%28Latin+American+Herald+Tribune%29&utm_content=Feed-Burner [Accessed: 10.04.2020]
8. Zhai K., Tostevin M. «Coronavirus slows China's Belt and Road push». *Reuters*. 2020. February 18. <https://www.reuters.com/article/us-china-health-silkroad/coronavirus-slows-chinas-belt-and-road-push-idUSKB-N20C0RF> [Accessed: 18.02.2020]
 9. Baker McKenzie «The impact of COVID-19 on China's Belt and Road Initiatives in Africa», news release for the Economist Corporate Report «BRI Beyond 2020». Sponsored by McKenzie Baker. 2020. March 31. <https://www.bakermckenzie.com/en/newsroom/2020/03/bri-africa> [Accessed: 01.04.2020]
 10. Shepard W. «Coronavirus Outbreak Puts Belt and Road Projects On Hold, For Now». *Forbes*. 2020. February 29. <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2020/02/29/coronavirus-outbreak-puts-belt-and-road-projects-on-hold-for-now/#382748766a2f> [Accessed: 02.03.2020]
 11. Shullman D. «Protect the Party: China's growing influence in the developing world» Brookings Institute. 2019. January 22. <https://www.brookings.edu/articles/protect-the-party-chinas-growing-influence-in-the-developing-world/> [Accessed: 25.01.2020]
 12. Aljazeera. «Coronavirus: Travel restrictions, border shutdowns by country». Aljazeera, 2020. March 10. <https://www.aljazeera.com/news/2020/03/coronavirus-travel-restrictions-border-shutdowns-country-200318091505922.html> [Accessed: 17.03.2020]
 13. Ahmed A. «Coronavirus to affect China's Belt and Road Initiative», *Business Recorder*. 2020. February 8. <https://www.brecorder.com/2020/02/08/569103/coronavirus-to-affect-chinas-belt-and-road-initiative/> [Accessed: 15.03.2020]
 14. Fazl-e-Haider S. «Coronavirus brings halt to China's Trillion-dollar Belt and Road Initiative». *The New Arab*. 2020. March 11. <https://english.alaraby.co.uk/english/indepth/2020/3/11/chinas-belt-and-road-initiative-affected-by-coronavirus> [Accessed: 13.03.2020]
 15. World Economic Forum Beijing. «Five ways Chinese companies are responding to coronavirus». 2020. February 20. <https://www.weforum.org/agenda/2020/02/coronavirus-chinese-companies-response/> [Accessed: 21.02.2020]
 16. Haenle P. «What the coronavirus means for China's Foreign Policy». *Carnegie Endowment for International Peace*. 2020. March 11. <https://carnegieendowment.org/2020/03/11/what-coronavirus-means-for-china-s-foreign-policy-pub-81259> [Accessed: 12.03.2020]
 17. He L. «China is trying to revive its economy without risking more lives. The world is watching». *CNN Business*. 2020. March 24. <https://www.cnn.com/2020/03/24/economy/china-economy-coronavirus/index.html> [Accessed: 25.03.2020]
 18. Escobar P. «China rolls out the Health Silk Road». *Asia Times*. 2020. April 2. <https://asiatimes.com/2020/04/china-rolls-out-the-health-silk-road/> [Accessed: 03.04.2020]
 19. IOBOReurope. «For a Health Silk Road». 2020. March 23. <https://www.oboreurope.com/en/for-a-health-silk-road/> [Accessed: 01.04.2020]
 20. IOBOReurope. «Global fight against coronavirus, more BRI, not less». 2020. February 11. <https://www.oboreurope.com/en/bri-global-health/> [Accessed: 12.03.2020]
 21. Rogin, J. «How China is planning to use the coronavirus crisis to its advantage». *Washington Post*. 2020. March 16. <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/16/how-china-is-planning-use-coronavirus-crisis-its-advantage/> [Accessed: 28.03.2020]
 22. Kurlantzick J. «China and Coronavirus: From Home-made disaster to global Mega-opportu-

nity». *The Globalist*. 2020. March 16. <https://www.theglobalist.com/china-soft-power-coronavirus-COVID19-pandemic-global-health/> [Accessed: 24.03.2020]

23. Wu W., Wong C. «How China's coronavirus response may shape the future of its flagship Belt and Road Initiative». *South China Morn-*

ing Post. 2020. March 21. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3076210/how-chinas-coronavirus-response-may-shape-future-its-flagship> [Accessed: 22.03.2020]

24. Frankopan P. «The Silk Roads: A New History of the World». Paperback, Vintage publishing. 2017. March 7. *passim*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майкл Глянц, Университет Колорадо, США; Regent Administrative Center 2055 Regent Drive, Rm. 101 Boulder, CO 80309-0020;
glantz@ucar.edu

Michael H. Glantz, University of Colorado Boulder, USA; Regent Administrative Center 2055 Regent Drive, Rm. 101 Boulder, CO 80309-0020;
glantz@ucar.edu

«Мягкая сила»: специфика отечественного понимания

Алексей В. Борисов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

aborisof@gmail.com

Аннотация: Концепция «мягкой силы» давно уже стала предметом отечественного общественно-политического и научного дискурса. Вместе с тем сложившаяся в России специфика понимания «мягкой силы», как «комплексного инструментария» решения внешнеполитических задач без применения средств вооруженного насилия, приводит к попыткам выявления ее структуры, измерения ее эффективности и последующей оптимизации. Подобный подход порождает целый ряд последствий. Во-первых, он обедняет научную дискуссию, а, во-вторых, приводит к неэффективному выстраиванию системы коммуникаций с внешнеполитическим окружением. Инструментальный подход, сложившийся в отечественной политической науке и внешнеполитической практике, отвлекает внимание и ресурсы на создание каналов и форм коммуникации в ущерб ее содержанию. Ключевая же проблема, по мнению автора, заключается в содержании каналов коммуникации, использовании исторической памяти, как основного ресурса «мягкой силы». Апелляция к общему историческому прошлому затрудняет коммуникацию на постсоветском пространстве, особенно в период создания постсоветскими государствами национальных версий «длинной» истории и вызывает настороженность у политических элит на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: коммуникация, культура, мягкая сила, национальная идентичность, ценности

Для цитирования: Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):130-141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>

Статья поступила 16.04.2020

Принята в печать 05.05.2020

Опубликована 25.05.2020

«Soft Power»: Specificities of Domestic Understanding

Alexey V. Borisov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
aborisov@gmail.com

Abstract: The concept of «soft power» has long been the subject of domestic social, political and scientific discourses. At the same time, the current specificity of the Russian understanding of “soft power” as “comprehensive toolkit” for achieving country’s foreign policy objectives without the use of armed violence leads to attempts to define its structure, measure its effectiveness and further optimization. Such an approach has a number of consequences. Firstly, it impoverish the scientific discussion, secondly, it leads to an inefficient building of a communication system with the foreign policy environment. An instrumental approach that prevailed in the domestic political science and foreign policy practice deflect the attention and the resources to create channels and forms of communication to the detriment of its content. The key problem, according to the author, is the content of communication channels, the use of historical memory, as the main resource of “soft power”. An appeal to a common historical past makes it difficult to communicate in the Post-Soviet space, especially during the creation by the Post-Soviet community their national versions of the “long” history and it causes the alarm among political elites in Post-Soviet space.

Keywords: communication, culture, soft power, national identity, values

For citation: Borisov A. V. «Soft Power»: Specificities of Domestic Understanding. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):130-141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>

Received 16.04.2020

Revised 05.05.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Тема «мягкой силы» давно уже стала предметом отечественного общественно-политического и научного дискурса. Предметом для обсуждения становятся:

во-первых, подходы к ее определению, тем более что Дж. Най, предположив «мягкую силу» США в качестве источника победы последних в холодной войне, не предложил исчерпывающего определения данного понятия;

во-вторых, вопрос использования «мягкой силы» во внешней политике государств, с акцентом на деструктивное ее использование оппонентами России и недостаточно эффективное использование отечественным внешнеполитическим ведомством;

в-третьих, пути повышения эффективности использования «мягкой силы» во внешней политике России, в том числе за счет создания организационных структур и механизмов, позволяющих обеспечить воз-

действие на общественное мнение внешне-политических контрагентов.

СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Предложенный перечень не может претендовать на исчерпывающее описание направлений исследования «мягкой силы», но все же он более или менее отражает сложившуюся в отечественной политической науке и публицистике практику инструментальной трактовки означенного феномена. Отечественный исследователь М. М. Лебедева, описывая существующее положение дел, заявляет: «Самое распространённое понимание «мягкой силы» и явно доминирующее в России — это невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [1].

Подобная практика может быть определена как итог некой интеллектуальной эволюции — изначально попытка интерпретации, теоретического обоснования и легитимации высказываний должностных лиц, определяющих внешнюю политику страны, таких как Президент и Министр иностранных дел России [2; 3], а затем использование ангажированных определений в научных статьях, учебниках и, что имеет определяющее значение, в документах стратегического планирования Российской Федерации.

Инструментализация «мягкой силы» обедняет научную дискуссию. Инструмент находится вне анализа целей и анализа средств. Вне анализа средств потому, что, сам являясь таковым, исключает анализ альтернативных вариантов, пока не будет доказана неэффективность инструмента, либо возможность применения альтернативы. Но определение эффективности или рассмотрение альтернативы невозможно вне анализа целей, для достижения которых может быть применен инструмент.

Именно поэтому анализ эффективности у нас подменяется обзором рейтингов «мягкой силы» государств, которые представляют, по большей степени, экспертные оценки качества государственного управления, системы образования, разветвленность и сила дипломатической сети и т. п. И тут допустим вопрос — а какое значение имеют вышеперечисленные компоненты для оценки «мягкой силы» того или иного государства?

Но и анализ сущности «мягкой силы» в рамках системы целей невозможен. Так использование «комплекса инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия» [3] не связано с конкретными целями внешней политики. Применение того или иного инструмента не связано с целью — книга может выступать как источником информации, так и подставкой для чайника. И в первом и во втором случае книга является инструментом, но цели ее применения устанавливает тот, кто использует этот инструмент. Разочарование мартышки очками, описанное в басне И. А. Крылова «и тот дурак, // Кто слушает людских всех врак: // Всё про Очки лишь мне налгали; // А проку на-волос нет в них» [4, с. 24], — не доказывает бесполезность очков, но лишь описывает неумелое использование средства. Так и заявление, сделанное в прогнозном докладе «Международные угрозы 2020. Каждый — за себя», что «... во время передела на первый план выступает реальная сила. Право писать новые правила игры можно либо завоевать, либо купить» [5], не свидетельствует о неактуальности «мягкой силы» в связи с изменением мирополитической конъюнктуры, а лишь отражает специфику отечественного понимания последней — это инструмент, который можно использовать для достижения предельно широкого круга целей.

Проблема заключается в том, чтобы не только определить — что представляет собой инструмент и обозначить цели, для достижения которых он предназначен, но и ответить на принципиальный вопрос, а инструмент ли это, действительно ли «мягкая сила» является «комплексным инструментарием решения внешнеполитических задач» [6], как на то указывалось в Концепции внешней политики 2013 года, и ее использование для решения внешнеполитических задач является «неотъемлемой составляющей современной международной политики» [7], как заявляется в действующей редакции Концепции.

Работы отечественных обществоведов и политических деятелей, рассматривающих «мягкую силу», на что справедливо указывает М. А. Неймарк в своей монографии, посвященной данному феномену, «... базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Найа» [8, с. 15], однако, на мой взгляд, содержат принципиальную ошибку, корни которой в переводе «soft power» как «мягкой силы». Как результат — игнорируется многоаспектность понятия «власть» в американской политической науке. Сошлюсь на слова автора концепции «soft power»: «Власть как погода. Все зависит от нее и говорят о ней, но мало кто понимает. ...Власть похожа на любовь, ее легче переживать, чем определить или измерить, но от этого она не становится менее реальной» [9].

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК НАРРАТИВ

В отечественном варианте перевода с английского «власть» сводится к влиянию, упускается из виду, что поведенческая трактовка власти, как «нечто такое: «А» обладает властью над «В» в такой степени, в какой он может заставить «В» сделать нечто, что «В» иначе не сделал бы» [10, с. 203], является далеко не единственной

и не исчерпывает всех подходов к определению власти. Тем более, что и Р. Даль, автор приведенного выше определения власти, склонен разделять власть как способность, которая базируется на наличии ресурсов, позволяющих спровоцировать поведенческий отклик, и власть актуальную, как «успешную попытку «А» получить «а», чтобы сделать нечто, чего иначе ему бы сделать не удалось» [10, с. 203]. Концепт Р. Даля критиковали многие, и эта критика достаточно полно изложена в работе Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд» [11].

Рассуждения Найа не базируются на «поведенческом» определении власти. Более того, он показывает ее ограниченность, указывая то, что «В», следуя указаниям «А», совсем не обязательно делает то, что в противном случае делать бы не стал. Но власть и не обладание ресурсами, поскольку трудно понять и предсказать, какие ресурсы и в какой момент будут актуальны.

Дж. Най не сделал открытия, утверждая несводимость власти к действию, находящую выражение в своих крайних формах в насилии, и не был первым, кто говорил об этом. Практически все исследователи власти и властных отношений утверждают о согласии повинующихся (хотя бы минимального) как сущностного атрибута власти [12; 11]. И разве не современно концепции Дж. Найа звучат слова А. Грамши: «...когда социальная группа, имеющая собственное мировоззрение (пусть существующее еще только в зародыше, проявляющееся лишь в ее действиях и, следовательно, не постоянно, а от случая к случаю), приходит в движение как органическое целое, она, будучи интеллектуально зависима от другой социальной группы и подчинена ей, руководствуется не своим мировоззрением, а позаимствованным ею у этой другой группы. Она утверждает это мировоззрение

на словах и даже верит в необходимость следовать ему, потому что она следует ему в «нормальные времена», то есть когда ее поведение еще не стало независимым и самостоятельным, а остается подчиненным и зависимым» [13, с. 351]. И в этом заключается ключевой момент — Най пишет о «мягкой силе» в конце восьмидесятых годов, подводя итоги холодной войны.

Многие помнят слова 41-го президента США Дж. Буша старшего, сказанные им 28 января 1992 года — «с помощью Господа Америка победила в холодной войне», — но в этой же речи: «...и даже сейчас, спустя месяцы после неудавшегося путча, который низверг в пропасть несостоятельную систему, я не уверен, что мы осознаем случившееся в полной мере. Коммунизм в этом году умер» [14]. Джозеф Най, вводя в работе «Обреченные на лидерство. Изменяющийся характер американской власти» [15] термин «мягкая сила», пытается ответить на вопросы — за счет чего США одержали победу в холодной войне, каким должен стать мировой порядок и каким образом США смогут оказать влияние на его формирование.

Дж. Буш констатировал не только факт победы в холодной войне, он констатировал смерть тотальной идеологии, слом ценностно-нормативной системы, которая помимо того, что служила источником целей, норм, символов, упорядочивающих рамок, ритуалов, выступала основой советской идентичности и базой социального порядка. Распад социальной системы и слом социального порядка сделали советское, а затем и российское, общество восприимчивым к внешней социальной информации. В условиях дискредитации ценностей, которые определяли социальный порядок, структуру и формы социального взаимодействия, вполне объяснима потребность в информации, которая описывала

успешную модель социального поведения, притом, что успешность этой модели была провозглашена официально. Достаточно вспомнить эпизод, когда на совещании работников сельскохозяйственных областей и автономных республик в мае 1957 года Н. С. Хрущев выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», утвердив США в качестве лидера гонки, которую СССР очевидно проиграл в 1990 году.

Проблема была не в том, что США целенаправленно распространяли информацию, дискредитирующую Советский Союз, и пропагандировали «либеральные» ценности. СССР занимался тем же самым и, на определенном этапе, достаточно эффективно, что нашло отражение в названии книги Фредерика Баргхорна «Советское культурное наступление. Роль культурной дипломатии в Советской внешней политике» [16]. В документе Государственного департамента США, подготовленном в январе 1959 года, констатировалось: «Не будучи связанными с колониальными державами, Советский Союз и его союзники могут открыто и последовательно отстаивать интересы борцов против колониализма на международной арене ... В глазах африканцев, стремящихся к независимости, Советский Союз все больше приобретает репутацию ведущей антиколониальной державы» [Цит. по: 17, сс. 29-30]. Вопрос готовности реципиентов информационного воздействия воспринимать, интериоризировать и операционализировать информацию — вот центральный вопрос «мягкой силы». На чем основывается готовность? Из приведенной выше цитаты можно предположить, что доверие к информации и готовность действовать в соответствии с ней базируется на репутации источника воздействия. Но не стоит забывать о том, что репутация тесно связана с ожиданиями

потенциальных благ, которые приобретает, или, как ему кажется, может приобрести потребитель информации.

Брежнев Л. И., выступая в иранском парламенте в ноябре 1963 года, апеллировал не к культурным традициям СССР и России, или же факту победы во второй мировой войне, он апеллировал к успешной социально-политической и экономической модели: «... мы горды тем, что Советский Союз является мощной движущей силой мирового научного прогресса. ...голос советского человека из космоса звучит как торжество разума и справедливости коммунизма. В этой великой победе человеческого гения — триумф ленинских идей, проявление грандиозных успехов нашего народа» [Цит. по: 18, с. 253]. Именно успех страны в послевоенном восстановлении народного хозяйства, освоении космоса, противостоянии с США, позволял СССР достаточно эффективно осуществлять свою внешнюю политику в отношении стран третьего мира.

В начале девяностых годов, рефлексировав по поводу российских либеральных реформ, авторы монографии «Реформы и контрреформы в России» пишут: «Когда анализируешь аргументы в пользу возвращения России в «европейский дом», бросается в глаза преобладание наивно-утилитарного пафоса, беззаботного по части культурно-цивилизационных реалий, традиций. Запад опередил нас в технико-экономическом соревновании, победил в «холодной войне», — следовательно, наша традиция плоха, надо скорее от нее избавиться, присоединиться к Западу, дабы разделить его успех» [19, с. 367]. Авторы не призывают к отказу от традиции и безоглядному и некритичному принятию ценностей западной цивилизации, указывая на наивность подобного поведения. Но они обращают внимание на главное — готовность разделить успех

победителей в «холодной войне», пусть даже ценой отказа от традиции. Информационное сообщение лишь тогда становится элементом системы, обеспечивающей трансляцию мягкой силы, когда оно опирается на успех источника информационного сообщения.

«Мягкая сила» лежит в основе воздействия — она позволяет менять повестку дня, создавая тот социальный порядок, который соответствует целям ее обладателя. Дж. Най подчеркивал, что способность заставить кого-либо сделать что-то противное его воли, не означает обладание властью: «диктатор может отправить в заключение или же казнить диссидента, но, если диссидент стремился стать мучеником, невозможно говорить о власти диктатора. Власть всегда зависит от контекста, в котором существуют отношения» [20, с. 18]. Но отношения властвования это не только учет существующего контекста, это и его создание.

В шестидесятых годах, рассуждая о внешнеполитических целях государств, американский политолог А. Уолферс выделяет два вида целей — «цели обладания» и «цели среды». Первые описывают то, чем то или иное государство пытается обладать или же сохранить, что представляет для него ценность, вторые относятся к формированию контекста: «В данном случае будет уместно провести аналогию с поведением человека. Любого человека будут считать не просто эгоистичным, но и близоруким с точки зрения его собственных интересов, если он прилагает все усилия для приобретения и защиты богатства, оставаясь безразличным к миру и порядку, благополучию общества, в котором он живет и работает. Одно дело быть богатым и здоровым в процветающем обществе под защитой закона, но совсем другое — быть богатым и здоровым среди нищеты, болезней, отсутствия общественного

порядка и взаимного недоверия. И разница не только в безопасности приобретенного богатства, она также может означать разницу в ... будущих возможностях» [21]. Достижение «целей обладания», вне работы по созданию благоприятной среды, контекста — возможно. Но подобная практика порочна и затратна.

«Мягкая сила» — формирование контекста. И если А. Уолферс отстаивает в своей работе важность и необходимость программ помощи, экономической, так и помощи в обеспечении безопасности, как ключевых инструментов формирования контекста, то Дж. Най, выдвигая концепцию «мягкой силы», идет дальше — он говорит о достаточности создания нарратива. Рассказанная история успеха привлекает и побуждает к интериоризации целей, выраженных в ценностях и воплощении их в поведении, которое базируется на разделяемых нормах. Представляется принципиальным, что создание и трансляция нарратива не имеет четко заданного алгоритма в силу множественности источников информации и относительной дешевизны доступа к каналам коммуникации. Нация, а не государство, выступает источником «мягкой силы», но усилия последнего позволяют создать условия для ее трансляции, как инфраструктурные, так и ресурсные.

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Отечественная трактовка «мягкой силы» как «комплексного инструментария решения внешнеполитических задач» приводит к попыткам выявления его структуры, измерения его эффективности, как в целом, так и его структурных элементов, и последующей оптимизации. Это ведет к тому, что, уделяя внимание инструментам, таким как расширение ареала изучения русского языка, консолидации русской диаспо-

ры, созданию инфраструктурных условий для въездного туризма, обучению иностранных студентов, медиапроектам и многим-многим другим, мы забываем о том, что лишь умело рассказанная история национального успеха формирует позитивные ожидания от возможного сотрудничества для достижения выдвинутых нами, но разделяемых всеми целями.

Выдвижение целей, которые могут быть достигнуты с помощью «мягкой силы», создание и последующее финансирование организаций, отвечающих за ее продвижение, приводит к дискредитации концепта — государство тратит ресурсы на то, чтобы рассказать о своих целях. «Мягкая сила» страны не сводима к продвижению и навязыванию ценностей и норм, воздействию на массовое сознание, информационному сопровождению внешнеполитических усилий государства. «Мягкая сила» — рассказ об успехе нации, побуждающих тех, кому этот рассказ адресован, следовать нашим путем. Однако для такого рассказа необходим успех, но успех, который обращен в будущее и, как следствие, может быть разделен. Именно это позволяет реализовать то, что Най определял в качестве «мягкой силы» — «способность влиять на других путем средств сотрудничества и формирования программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия» [22, с. 56]. Но мы заменяем рассказ об успехе открытием центров русского языка и культуры, проведением публичных мероприятий, образовательными обменами и прочим, что позволяет отчитаться о расходовании государственных средств, но не способствует «мягкой силе» России.

Это особенно ярко проявляется на постсоветском пространстве, которое в Концепции внешней политики России обозначено в качестве приоритетного направления

внешней политики [7]. Не до конца понимая значение и назначение «мягкой силы», отечественные политики и сосредотачиваем свои усилия на продвижении русского языка и поддержке соотечественников.

При этом не принимается во внимание, что русский язык, как и любой другой, выступает лишь средством коммуникации, ценность и востребованность которого определяется привлекательностью страны. В Стратегия «Казахстан-2050», представленной в 2050 году, содержится утверждение: «Мы должны сделать рывок в изучении английского языка. Владение этим «лингва франка» современного мира откроет для каждого гражданина нашей страны новые безграничные возможности в жизни» [23], которое недвусмысленно указывает на приоритеты языковой политики Республики Казахстан.

Так и поддержка соотечественников зачастую рассматривается как разновидность вмешательства во внутренние дела государств и поощрение ирредентизма русскоговорящей общины. Транслируя «мягкую силу» на постсоветское пространство, мы обращаемся к соотечественникам, о чем заявляется не только в выступлениях должностных лиц, ответственных за проецирование мягкой силы России [24], но и в Концепции внешней политики: «...Российская Федерация: ... активно способствует развитию взаимодействия государств - участников СНГ по вопросам сохранения общего культурно-исторического наследия, расширения сотрудничества в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах, уделяет особое внимание поддержке соотечественников, проживающих в государствах - участниках СНГ, содействию международно-правовых инструментов защиты их прав и законных интересов в образовательной, языковой, социальной, трудовой, гуманитарной и иных

сферах» [7]. Обращение к соотечественникам, вне трезвой оценки их возможностей по оказанию конвенционального способа воздействия на общественное мнение страны пребывания и лиц, принимающих решения, ведет к тому, что соотечественники подвергаются социальной стигматизации в стране пребывания.

Ключевая же проблема России заключается, прежде всего, в содержании каналов коммуникации, использовании исторической памяти, как основного ресурса «мягкой силы». Переходя из имперского состояния в состояние государства-нации, мы конструируем историю, создавая славное прошлое, которое выступает в качестве основы для национальной идентичности, определяет и закрепляет статус великой державы. Сосредоточенность на прошлом затрудняет обращение к будущему. Тем более недопустимо, что эта сосредоточенность определяет коммуникацию на постсоветском пространстве.

Исторический нарратив, центрированный на победе во второй мировой войне, не может служить ресурсом мягкой силы лишь потому, что страны постсоветского пространства создают собственные версии «длинной» национализированной истории, позволяющей обосновать уникальность нации и государства. Именно поэтому упование на общее культурно-цивилизационное наследие, как «важный ресурс СНГ в целом и каждого государства-участника в отдельности» [7], является, по меньшей мере, заблуждением. Тем более недопустимы заявления, подобно главе Россотрудничества Э. Митрофановой, что нашим преимуществом на постсоветском пространстве является «уникальный исторический опыт многовекового сосуществования в составе одного государства, сотрудничества, взаимопроникновения культур, экономической взаимодополняемости» [25]. Уникальный

исторический опыт многовекового сосуществования указывает лишь на точку отсчета, которая определяет начало, направленность и характер национального исторического нарратива. Советский период истории, вне зависимости от оценок последнего, в рамках истории национальной всегда будет представлен в качестве эпизода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эрнест Ренан, выступая в Сорбонне в 1882 году, подчеркивает значимость истории для нацистроительства: «Нация, как и индивидуумы, это результат продолжительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков — самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея» [26, с. 100]. Пытаясь апеллировать к общ-

ности исторического наследия, мы подвергаем сомнению существование наций на постсоветском пространстве. Тем более, что в условиях откровенной слабости гражданского общества, как в России, так и на постсоветском пространстве, мы обращаемся к элитам, чья незаинтересованность в декларации общности исторических судеб определяется использованием исторического мастер-нарратива в качестве источника собственной легитимности.

Пора отказаться от инструментализации «мягкой силы» России, воспринимая ее в качестве средства по продвижению государственных интересов с помощью информационных и гуманитарных технологий, которые являются лишь способом доведения до контрагента информации о преимуществах сотрудничества. Мягкая сила кроется внутри страны и ее успеха. Лишь в этом случае язык будет востребован, а наша система ценностей разделяема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017;3(54):212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
2. Шестаков Е.Ю. Мягкая сила. Накануне Всемирной конференции соотечественников глава МИДа Сергей Лавров дал эксклюзивное интервью «РТ». URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html>. 2008. 30 октября. (дата обращения: 15.04.2020).
3. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>. 2012. 27 февраля. (дата обращения: 16.04.2020).
4. Крылов И.А. Мартышка и очки. В: Крылов И.А. Полное собрание сочинений (в трех томах). Т. 3. Москва: Гос. изд-во художественной литературы; 1945-1946. 620 с.
5. Международные угрозы 2020. Каждый — за себя. Ежегодный прогноз консалтингового агентства «Евразийские Стратегии». Евразийские стратегии. 2020. 18 января. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2020/> (дата обращения: 16.04.2020).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 года). 2013. 18 февраля. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/122186 (дата обращения: 16.04.2020).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., N 640). 2016. 30 ноября. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.04.2020).

8. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; 2017. 272 с.
9. Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power. *Political Science Quarterly*. 1990;105(2):177–192. DOI: 10.2307/2151022
10. Dahl R.A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;2(3):201-215. DOI: 10.1002/bs.3830020303
11. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. Москва: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики; 2010. 240 с.
12. Арендт Х. О насилии. Москва: Новое издательство; 2014. 148 с.
13. Грамши А. Избранные произведения. Москва: Политиздат; 1980. 422 с.
14. President George H.W. Bush, State of the Union address. 1992 January 28. 2010. 18 августа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N2SDqiPbS2Y> (дата обращения: 12.04.2020).
15. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books; 1990. 336 p.
16. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Praeger; 1960. 353 p.
17. Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2015. 318 с.
18. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. Москва: Политическая энциклопедия; 2018. 623 с.
19. Панарин А.С., Ахиезер А.С., Ильин В.В., редактор. Реформы и контрреформы в России. Москва: Изд-во МГУ; 1996. 400 с.
20. Nye J.S.Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
21. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1962. 283 p.
22. Най Дж.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. Москва: АСТ; 2014. 444 с.
23. Стратегия «Казахстан-2050». 2012. 15 декабря. URL: https://www.akorda.kz/ru/official-documents/strategies_and_programs (дата обращения: 15.04.2020).
24. Забродин А., Байкова Т. «Россия всегда дорожила отношениями с близким ей грузинским народом». Замглавы МИД РФ Андрей Руденко — о контактах с Тбилиси, потеплении с Кишиневом и будущем Союзного государства. *Известия*. 2020. 11 февраля. URL: <https://iz.ru/974385/aleksei-zabrodin-tatiana-baikova/rossiia-vsegda-dorozhila-otnosheniami-s-blizkim-ei-gruzinskim-narodom> (дата обращения: 14.04.2020).
25. Макеева Н. Глава Россотрудничества назвала главной миссией расширение круга друзей РФ. 2019. 10 апреля. URL: <https://riafan.ru/1168796-glava-rossotrudnichestva-nazvala-glavnoi-missiei-rasshirenie-kruga-druzei-rf> (дата обращения: 15.04.2020).
26. Ренан Э. Что такое нация? В: Ренан Э. Собрание сочинений (в 12 томах). Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев: Издание Б.К. Фукса; 1902-1903. 164 с.

REFERENCES

1. Lebedeva M.M. «Soft Power»: the Concept and Approaches. *MGIMO Review of International Relations*. 2017;3(54):212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (In Russ.)
2. Shestakov Ye.Yu. Soft power. On the eve of the World Conference of Compatriots, For-

- eign Minister Sergei Lavrov gave an exclusive interview to RG. 30 October 2008. URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
3. Putin V.V. Russia and the Changing World. 27 February 2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 4. Krylov I.A. Monkey and Glasses. In: Krylov I.A. Complete Works (in three volumes). In.: Vol. 3. Moscow: Public Publishing House of Fiction; 1945-1946. 620 p. (In Russ.)
 5. International threats 2020. Everyone is for himself. The annual forecast of the consulting agency «Eurasian Strategies». Eurasian Strategies. 18 January 2020. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2020/> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 6. Concept of the foreign policy of Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin February 12.02.2013. 18 February 2013. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 7. Concept of the foreign policy of Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin November 30.11.2016. N 640). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> [Accessed: 16.04.2020] (In Russ.)
 8. Neimark M.A. «Soft Power» in the World Politics. Moscow: Publishing and trading corporation «Dashkov and K»; 2017. 272 p. (In Russ.)
 9. Nye J.S.Jr. The Changing Nature of World Power. *Political Science Quarterly*. 1990;105(2):177-192. DOI: 10.2307/2151022
 10. Dahl R.A. The Concept of Power. *Behavioral Science*. 1957;2(3):201-215. DOI: 10.1002/bv.3830020303
 11. Lukes S. Power: a Radical Review. Moscow: Ed. house of state. University - Higher School of Economics; 2010. 240 p. (In Russ.)
 12. Arendt H. On Violence. Moscow: New Publishing House; 2014. 148 p. (In Russ.)
 13. Gramsci A. Selected Works. Moscow: Politizdat; 1980. 422 p. (In Russ.)
 14. President George H.W. Bush, State of the Union address, January 28, 1992. 18 August 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N2SDqiPbS2Y> [Accessed: 12.04.2020]
 15. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books; 1990. 336 p.
 16. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Praeger; 1960. 353 p.
 17. Mazov S.V. Cold War in the «Heart of Africa». USSR and Congolese Crisis, 1960-1964. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2015. 318 p. (In Russ.)
 18. Shattenberg S. Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country. Moscow: Political Encyclopedia; 2018. 623 p. (In Russ.)
 19. Panarin A.S., Akhizer A.S., Ilyin V.V. (ed.) Reforms and Counter-Reforms in Russia. Moscow: MSU Publishing House; 1996. 400 p. (In Russ.)
 20. Nye J.S.Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
 21. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1962. 283 p.
 22. Nye J.S.Jr. The Future of Power: How Smart Power Strategy is Changing the 21st Century. Moscow: AST; 2014. 444 p. (In Russ.)
 23. Strategy «Kazakhstan-2050». 15 December 2012. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
 24. Zabrodin A., Baykova T. «Russia has always treasured its relations with the Georgian people close to it». Russian Deputy Foreign Minister Andrei Rudenko — on contacts with Tbilisi, warming with Chisinau and the future of the

- Union State] [website]. *Izvestiya*. 11 February 2020. URL: <https://iz.ru/974385/aleksei-zabrodin-tatiana-baikova/rossiia-vsegda-dorozhila-otnosheniami-s-blizkim-ei-gruzinskim-narodom> [Accessed: 14.04.2020] (In Russ.)
25. Makeeva N. The head of Rossotrudnichestvo called the main mission to expand the circle of friends of the Russian Federation. 10 April 2019. URL: <https://riafan.ru/1168796-glava-rossotrudnichestva-nazvala-glavnoi-missiei-rasshirenie-kruga-druzei-rf> [Accessed: 15.04.2020] (In Russ.)
26. Renan E. What is a Nation? In: Renan E. (Complete Works in 12 Volumes). Translation from French edited by V.N. Mikhailovsky. In.: Vol. 6. Kiev: Edition B.K. Fuchs; 1902-1903. 164 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Борисов, Кандидат философских наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov, Ph.D. (Philosophy), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; aborisof@gmail.com

Содружество независимых государств как организация региональной безопасности

Станислав И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений МИД России,

Москва, Россия,

chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется деятельность Содружества Независимых Государств как организации региональной безопасности. Несмотря на то, что после распада Советского Союза прошло около 30 лет, правящие элиты Новых Независимых Государств продолжают поиски собственных векторов внешней и оборонной политики. Автор полагает, что в погоне за многочисленными атрибутами независимости, эти элиты до сих пор не определили для себя четкие границы, где можно поступиться национальным суверенитетом во благо собственного развития, но в рамках тесного сотрудничества с соседями. СНГ как зонтичное объединение постсоветских республик по-прежнему остается площадкой для диалога лидеров нового поколения, не связанного советским прошлым. В их внешней политике доминируют прагматизм и многовекторность. Поэтому отсутствие в Содружестве жесткой управленческой доминанты является для них залогом успешности данного регионального формата. Как представляется, это значит, что, используя СНГ, как удобную и не обязывающую ни к чему сцену для общения, государства-участники будут по-прежнему искать для себя наиболее выгодные сферы сотрудничества — пусть даже методом проб и ошибок. В подобном контексте, главными направлениями взаимодействия будут оставаться борьба с терроризмом и организованной преступностью, а также использование российского опыта в отражении новых вызовов и угроз.

Ключевые слова: Договор о коллективной безопасности, военное сотрудничество, беспилотная авиация, Антитеррористический центр, обеспечение информационной безопасности

Для цитирования: Чернявский С. И. Содружество независимых государств как организация региональной безопасности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):142-153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153>

Статья поступила 28.02.2020

Принята в печать 14.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Community of Independent States as an Organization of Regional Security

Stanislav I. Chernyavskiy

Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia,

Moscow, Russia,

chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Abstract: The article analyzes the activities of the Commonwealth of Independent States as an organization of regional security. Despite the fact that after the collapse of the Soviet Union about 30 years have passed, the ruling elites of the New Independent States continue to search for their own vectors of foreign and defense policy. The author believes that in the pursuit of the many attributes of independence, these elites still have not defined clear boundaries for themselves where they can sacrifice national sovereignty for the benefit of their own development, but in close cooperation with their neighbors. The CIS, as an umbrella association of the post-Soviet republics, continues to be a platform for dialogue between the leaders of the new generation, not connected by the Soviet past. Their foreign policy is dominated by pragmatism and multivectorness. Therefore, the absence of a rigid managerial dominance in the Commonwealth is for them the key to the success of this regional format. It seems that this means that, using the CIS as a convenient and non-binding stage for communication, the participating states will continue to search for themselves the most profitable areas of cooperation, even if through trial and error. In such a context, the main areas of cooperation will remain the fight against terrorism and organized crime, as well as the use of Russian experience in reflecting new challenges and threats.

Keywords: Collective Security Treaty, military cooperation, unmanned aircraft, Anti-terrorism Center, ensuring information security

For citation: Chernyavskiy Stanislav. Community of Independent States as an Organization of Regional Security. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):142-153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153>

Received 28.02.2020

Revised 14.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Содружество Независимых Государств, возникшее в декабре 1991 г., является крупнейшей региональной организацией Евразии. Ее цели и задачи полностью соответствуют ст. 52 Устава ООН, закрепляющей возможность создания региональных организаций безопасности «для разрешения

таких вопросов по поддержанию мира, которые являются подходящими для региональных действий».

Несмотря на «пророчества» многих иностранных и российских экспертов о «неминуемом» развале СНГ, Содружество продолжает свою деятельность при ведущей

роли России. Однако, хотя сырьевой, демографический и производственный потенциал нашей страны превосходит совокупные возможности партнеров, это не закрепляет за ней автоматически статус интеграционного лидера¹.

Существенные различия производственного и человеческого потенциалов, недоверие части элит стран-участниц к перспективам наднационального регулирования, а также опасения за судьбу своего многовекторного сотрудничества остаются основными препятствиями при реализации интеграционных проектов Содружества. Они многократно и в различном исполнении используются критиками интеграционных процессов и российского лидерства на пространстве СНГ. Те же доводы приводит и американская дипломатия, предлагая себя в качестве «защитника» суверенитета Новых Независимых Государств перед лицом угроз, которые якобы возникают со стороны России и Китая. При этом в основе подобных негативных оценок российской политики лежит не столько содержательное неприятие, сколько желание тех или иных деятелей усилить личную конкурентоспособность [1].

Переформатирование постсоветского пространства, связанное с итогами «цветных революций» на Украине и в Грузии, привело к смене властных элит и изменению политической ориентации государств, входящих в состав Содружества. Однако и в их среде происходит определенное «отрезвление» под воздействием таких фактов как скандал вокруг бывшего вице-президента США Д.Байдена, который открыто управлял Украиной, снимал с работы украинского генерального прокурора и устраи-

вал собственного сына руководить местной прибыльной газовой компанией [2].

Напористые действия администрации Трампа, откровенное презрение к общепринятому «кодексу поведения», готовность «подставить» под удар союзников в угоду собственным внутривосточным интересам способствовали в истекшем году более внимательному подходу властных элит государств-участников к интеграционным процессам вне СНГ. В этом плане характерно заявление президента Азербайджана И.Алиева, который, комментируя гипотетическое присоединение к Евросоюзу, заявил 24 декабря 2019 г.: «Свою судьбу мы не можем отдать в другие руки. У нас своя история, свои ценности» [3].

В истекшем году тенденция к усилению центростремительных тенденций как в рамках Содружества, так и в его смежных организациях — ЕАЭС, ОДКБ заметно окрепла. Свидетельство тому, в том числе, Обращение глав государств СНГ к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, принятое 11 октября 2019 г. на саммите СНГ в Ашхабаде, а также итоги неформального саммита СНГ в Петербурге 20 декабря 2019 г. Эти действия подтверждают заинтересованность властных элит стран-участниц СНГ в сохранении общего советского прошлого — по крайней мере, его героического сегмента.

Анализ деятельности органов Содружества в 2019 г. свидетельствует о заметном повышении интереса государств-участников к возможностям, предоставляемым им интеграцией в данном формате. Особое внимание с их стороны уделяется военному сотрудни-

¹ По объему ВВП Россия больше Казахстана в десять раз, Белоруссии — в 28,8 раза, Армении — примерно в 200 раз, а Киргизии — более чем в 700 раз. Объем внешнеторгового оборота России больше объема внешнеторгового оборота Белоруссии в 23 раза, Казахстана — в 44 раза, Киргизии — в 580 раз, Армении — в 870 раз. В России сосредоточено более четверти природных ресурсов Земли

честву, а также взаимодействию правоохранительных органов и совместному обеспечению информационной безопасности [4].

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ СНГ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ

Распад Советского Союза привел к ликвидации структуры национальной безопасности, а попытка Москвы создать вместо нее что-то подобное встретила жесткое сопротивление бывших союзных республик. Латвия, Литва и Эстония сразу же взяли курс на вступление в НАТО. Украина претендовала на роль основного партнера США и евроатлантических структур в мировых делах, целенаправленно оттесняя Россию на второй план [5]. Взаимодействие обеих сфер безопасности (национальной и глобальной) проходило в условиях растущего влияния извне — как со стороны региональных государств (Польши, Турции и Ирана), так и буферных конфликтных зон (в первую очередь, Афганистана) региона [6].

Самоликвидация Советского Союза «сверху» произошла настолько стремительно, что никаких реальных моделей его замены не существовало, а «проект СНГ» носил скорее декларативный характер.

Его появлению способствовала, в том числе, обеспокоенность мирового сообщества тем, что в результате распада СССР, обладавшего мощным ракетно-ядерным потенциалом, произойдет превращение в ядерные державы не только России, но и Украины, Белоруссии и Казахстана, а с учетом возникших межреспубликанских противоречий это будет способствовать конфликту с применением оружия массового уничтожения [1].

С первых же дней лидеры Новых Независимых Государств столкнулись с трудностями внутривнутриполитического и социально-экономического характера [7]. Однако наиболее серьезной проблемой стала их

неспособность обеспечить собственную национальную безопасность на односторонней основе. Военная инфраструктура бывшего Союза ССР (системы ПВО и ПРО, стационарные радары, военные порты, линии связи, арсеналы, склады вооружений и другие компоненты комплекса безопасности) была построена в соответствии с требованиями национальной безопасности страны. Поэтому вопрос раздела этого «наследства» шел непросто — каждый выдвигал свои завышенные требования. Не менее болезненно проходил и разрыв сотрудничества в рамках ранее единого военно-промышленного комплекса [8].

Отсутствие контроля над вооруженными силами СССР (особенно ракетно-ядерными) в момент его распада создавало серьезные проблемы безопасности для всего международного сообщества. Тем более, что военнослужащие были сильно политизированы и расколоты по национальной принадлежности.

В тот период российское руководство предложило собственную Концепцию трансформации советских Вооружённых Сил (ВС) в Объединенные вооружённые силы (ОВС) СНГ, в соответствии с которой предполагалось в течение 5 последующих лет сохранить под единым командованием общие структуры и системы управления обороной, а государствам СНГ — воздержаться от создания самостоятельных ВС до завершения трансформации единых вооруженных сил. Вопросы охраны ранее общей государственной границы и морской экономической зоны должны были обеспечивать единые Пограничные войска СНГ. Ракетные войска стратегического назначения переходили под управление Российской Федерации [9].

Попытки России создать под своим руководством «объединенные вооруженные силы СНГ» не увенчались успехом, ее пред-

ложения воспринимались как «возрождение имперских замашек» и, как правило, поддержки не получали. Новые Независимые Государства приступили к неконтролируемому разделу и приватизации многомиллионного военного имущества и воинских контингентов. Начавшееся уже весной 1992 г. формирование отдельными государствами национальных вооружённых сил на базе поглощения группировки войск Советской Армии и Военно-Морского Флота, которые дислоцировались на территории той или иной советской республики, подорвало выдвинутую Москвой Концепцию сил общего назначения. В результате раздела российской армии отошла самая многочисленная группировка войск — почти 3 млн. человек, 387 тыс. достались Украине, 238 тыс. — Белоруссии и 167 тыс. — Казахстану.

Однако желание иметь собственные армии не соответствовало возможностям новых государств как с точки зрения финансирования, материального снабжения, так и в том, что касается кадрового состава и оборонной инфраструктуры. Кроме того, преднамеренная политизация властными элитами собственных вооружённых сил создавала взрывоопасную обстановку в войсках и требовала принятия коллективных решений, позволяющих избежать опасных последствий. Явное противоречие между стремлением иметь собственные вооружённые силы и неспособностью обеспечить национальную безопасность заставило лидеров Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана подписать 15 мая 1992 г. в Ташкенте Договор о коллективной безопасности (ДКБ). В последующем к нему присоединились Азербайджан (24.09.1993), Грузия (09.12.1993) и Беларусь (31.12.1993) [10].

В Договоре государства-участники подтверждали свои намерения воздерживаться от применения силы или угрозы силой

в межгосударственных отношениях, разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами, воздерживаться от вступления в военные союзы или группировки государств (ст.1).

В качестве основного механизма противодействия возникшим угрозам (безопасности, территориальной целостности, суверенитету, угрозы международному миру) Договор указывает на «совместные консультации с целью координации позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы» (ст.2).

В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со ст.51 Устава ООН (ст.4). Ст.6 говорит о том, что решение об использовании вооружённых сил в целях отражения агрессии принимается главами государств-участников.

В соответствии с договором были созданы Совет коллективной безопасности (СКБ) в составе Глав государств-участников и Главнокомандующего Объединёнными Вооружёнными силами СНГ. На него возложена координация и обеспечение совместной деятельности государств-участников в соответствии с Договором.

Подписание ДКБ явилось важным этапом на пути превращения СНГ в более понятную межгосударственную структуру, нацеленную на конкретные действия военно-политического характера. России это дало возможность «задержаться» в некоторых странах — аренда военно-морской базы в Крыму, базы в Грузии, Армении, Азербайджане и Таджикистане. Но ожидания Азербайджана, Грузии и Узбекистана, что им удастся в рамках обязательств по договору урегулировать вооружённые конфликты с соседями

(также подписавшими договор) не оправдались и по истечении срока действия договора (1999) они покинули ДКБ.

В результате на первоначальном этапе развития СНГ попытки создания единой системы безопасности закончились провалом, а сотрудничество реализовывалось путем установления временных конъюнктурных военно-политических связей, обреченных на неминуемую деградацию [11].

В начале 2000-х годов стало очевидно, что надежды некоторой части правящих элит как в России, так и в странах СНГ на мирное сотрудничество с «коллективным Западом» обречены на провал. Запад, озабоченный своими нарастающими экономическими трудностями, намеревался компенсировать их за счет неокOLONиального ограбления постсоветского пространства, которое представлялось открытым полем для утверждения и реализации его геополитических и экономических интересов. Между бывшими республиками СССР — Арменией и Азербайджаном — шла кровавая война за Нагорный Карабах. Северный Кавказ превратился в очаг международной напряженности. Вспыхнул осетино-ингушский конфликт, разгорались сепаратистские настроения в Чечне, лилась кровь в Грузии, Абхазии и Южной Осетии. Один за другим формировались не без иностранного участия конфликты и «цветные революции» в других бывших союзных республиках. Возник очаг международной напряженности в Приднестровье [12]. Нарастала угроза военной интервенции со стороны радикальных исламистских формирований с территории Афганистана. Неспособность Новых Независимых Государств (особенно в Центральной Азии) обеспечить национальную безопасность собственными силами в условиях превращения международного терроризма в дестабилизирующий фактор мирового масштаба стала очевидна.

Под воздействием указанных причин возродились надежды на помощь России, как единственного союзника, способного оказать адекватную военную помощь. В результате оживилась деятельность рабочих органов СНГ, ответственных за военное сотрудничество.

В настоящее время эта сфера деятельности СНГ регулируется в рамках Совета министров обороны СНГ и его рабочих органов. Функционирует ряд совместных систем военного назначения (противовоздушной обороны, контроля и оценки радиационной, химической и биологической обстановки, совместная система связи и автоматизации и др.). Ключевым элементом их взаимодействия является проведение совместных практических мероприятий [13].

Военное сотрудничество государств Содружества в 2019 г. носило многоплановый, насыщенный и динамичный характер — проведено более 70 учений различного формата, направленных на реализацию долгосрочных программ развития систем военного назначения, совершенствование профессионального мастерства военнослужащих и полевой выучки войск. Особое внимание уделяется применению беспилотной авиации и борьбе с ней. За 2018–2019 гг. удалось добиться значительных успехов в развитии взаимодействия в этой области за счет совершенствования организационно-правовых аспектов взаимодействия, подготовки специалистов и их военно-профессиональной выучки. Особое внимание уделено обмену опытом применения беспилотной авиации в ходе антитеррористической операции в Сирии и внедрению в практику подготовки войск вопросов противодействия беспилотным летательным аппаратам.

В рамках совершенствования взаимодействия в 2019 г. согласован проект Концепции военного сотрудничества государств

участников СНГ до 2025 г., в котором с учетом достигнутого уровня многостороннего военного сотрудничества конкретизированы цели и ключевые задачи очередного, среднесрочного этапа [14]. Определены его приоритетные направления, уточнен механизм координации. В подготовленном проекте Основных направлений развития Объединенной системы контроля и оценки радиационной, химической и биологической обстановки до 2025 г. предусмотрен ряд мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию указанной системы военного назначения.

Анализ проведенной странами СНГ в 2019 г. совместной работы дает основание говорить о стремлении оборонных ведомств к расширению военно-профессиональных контактов и наращиванию уже достигнутого уровня взаимодействия за счет внедрения новых направлений и форм. В значительной степени это стремление проявилось в увеличении количества практических мероприятий совместной подготовки войск и различных военно-патриотических конкурсов, выступающих универсальным инструментом укрепления международного военного сотрудничества и повышения боевой готовности вооруженных сил государств Содружества [4].

Одним из важных компонентов оборонного сотрудничества в рамках СНГ остается миротворческая деятельность Содружества. Пик ее активности приходится на середину 1990-х годов, когда возникла необходимость экстренно развёртывать операции по поддержанию мира, овладевать одновременно теорией и практикой всех аспектов деятельности по предотвращению и урегулированию конфликтов, адаптируя при этом имеющийся у мирового сообщества опыт к конкретным условиям стран СНГ [8].

Основные политические решения по вопросам конфликтов и их урегулированию принимал Совет глав государств. Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны, обладавшие достаточными полномочиями и инфраструктурными ресурсами, сыграли реальную роль в урегулировании конфликтов в Таджикистане и Абхазии/Грузии. Министры обороны, действуя через Штаб по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ, сформировали Коллективные миротворческие силы четырех государств (России, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана) для Таджикистана.

Базовым инструментом миротворческой деятельности в СНГ является положение Устава ООН о возможности использования региональных организаций, их органов и соглашений для поддержания мира в регионе. С предоставлением ООН в марте 1994 г. Содружеству Независимых Государств статуса региона, государства-участники получили законное право проводить региональные миротворческие операции. Более того, статус СНГ в международном сообществе позволяет добиваться полного признания данного региона в качестве подпадающего под положение главы VIII Устава ООН (региональные соглашения) со всеми вытекающими последствиями, в том числе относительно права использования миротворческих сил для урегулирования конфликтов [15].

В настоящее время миротворческие функции СНГ отошли на второй план, и перешли к Организации Договора о коллективной безопасности.

В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ, НОВЫМИ УГРОЗАМИ И ВЫЗОВАМИ

Государства СНГ столкнулись с угрозой терроризма и экстремизма задолго до событий 11 сентября 2001 г., после которых борь-

ба с названными угрозами приобрела глобальный масштаб. Основная часть вызовов и угроз (терроризм, экстремизм, наркотрафик) в тот период исходила с территории Афганистана. В настоящее время в связи с появлением новых трендов активности международных террористических организаций, прежде всего ИГИЛ (организация, запрещенная в России), ареал угроз значительно расширился. Кроме того, возросла угроза возвращения на родину участников боевых действий и формирования из них «спящих» или «замороженных» ячеек.

Для более компетентного и эффективного противостояния угрозам терроризма и экстремизма в Содружестве созданы специализированные управленческие структуры — советы высокого уровня, координационные комитеты и центры [16]. В разное время были учреждены такие руководящие органы как Советы командующих пограничными войсками, министров внутренних дел, министров обороны, руководителей миграционных органов, органов безопасности и специальных служб, пенитенциарных служб и финансовой разведки. Характерно, что вся эта система была постоянно востребована и никакие политические разногласия руководителей государств-участников не препятствовали ее работе.

Базовой рабочей структурой, в функции которой входит борьба с терроризмом и иными проявлениями экстремизма является Антитеррористический центр (АТЦ), предназначенный для координации взаимодействия компетентных органов [17].

Важнейшее направление работы АТЦ СНГ — координация межгосударственного розыска террористов. За последние годы АТЦ накоплена развернутая информация в отношении 10 тыс. лиц, объявленных в межгосударственный розыск, из них свыше 5 тыс. — лица, принимающие (или принимавшие) участие в боевых действиях на территории

государств, не входящих в СНГ. Собрано почти 4000 фотоизображений лиц указанных категорий, что позволило существенно облегчить розыск. В результате предоставленных Центром сведений выявлены и задержаны десятки лиц, в отношении которых информация направлена инициаторам розыска, начаты мероприятия по их экстрадиции [18]. Органами безопасности и специальными службами государств-участников СНГ при содействии АТЦ СНГ ежегодно проводится комплекс согласованных розыскных мероприятий под условным наименованием «Трал-Антитеррор».

В настоящее время повышенный интерес спецслужб вызывает тема противодействия использованию в террористических целях беспилотников. По экспертным оценкам АТЦ СНГ только в коммерческом сегменте США эксплуатируются не менее 1,5 млн беспилотных летательных аппаратов. В России легально эксплуатируется около 60 000 квадрокоптеров в любительском сегменте и около 3000 — в коммерческом. Кроме того, возникает вероятность использования в противоправных целях беспилотных автотранспортных средств.

Ожидается, что количество малоразмерных, сложных в обнаружении и нейтрализации, доступных по цене и условиям эксплуатации БПЛА как военного, так и невоенного назначения в ближайшее время значительно возрастет так же, как и уровень их доступности. Оснащение самых обычных дронов соответствующей техникой превратило их и в разведчиков, и в мини-бомбардировщиков.

Современная цифровая трансформация практически всех сфер жизни позволяет вести масштабные разрушительные враждебные действия. Поэтому одной из приоритетных сфер сотрудничества государств-участников СНГ становится обеспечение информационной безопасно-

сти. Эксперты по антитеррористической деятельности считают, что активными мероприятиями с использованием информационных технологий можно напрямую воздействовать на гражданское общество противника, оказывать психологическое влияние на массовое сознание и политическую ситуацию, угрожать конституционным основам и всестороннему развитию государства. Кибератакой можно проникнуть вглубь территории для выведения из строя автоматизированных систем управления гражданской и военной инфраструктурой, разрушения объектов экономики, энергетики, транспорта, финансового сектора. В политических, военных, разведывательных, экономических, преступных и иных целях подвергать деструктивному воздействию информационные ресурсы с большими объемами данных. В последние годы актуальной становится проблема кибербезопасности, к примеру, медицинских учреждений, защита которых намного слабее по сравнению с финансовым сектором. Речь идет об особом формате кибертерроризма. По некоторым оценкам, в мире каждые 14 секунд совершается та или иная кибератака [18].

Потенциальные вооруженные конфликты и войны характеризуются смещением акцентов в информационную сферу, появлением новой области противоборства — кибернетического пространства. Происходит переход к военным действиям в глобальных информационных (и электромагнитных) сетях. Ответом на эти новые угрозы является повышенное внимание стран СНГ к созданию в вооруженных силах стран Содружества научных рот, рот информационных технологий, военно-научных взводов.

Информационная безопасность сегодня является ключевым фактором всей системы национальной безопасности, включая ее политические, военные, экономические, экологические, энергетические, транспорт-

ные и иные аспекты, то есть все составляющие устойчивого сбалансированного развития человека, общества и государства. Эти новые вызовы и угрозы диктуют необходимость принятия на национальном уровне концептуальных документов по обеспечению информационной безопасности. Такая работа в рамках СНГ ведется планомерно и целенаправленно.

28 сентября 2018 г. семь стран СНГ подписали межгосударственное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. Это документ создает правовые основы и определяет четкие формы взаимодействия, совершаемыми в области информационных технологий, выделены в 2019 г. в отдельную сферу деятельности. Сохраняя преемственность основополагающих документов, принятых в рамках СНГ, и дополняя их с учетом современных реалий, на прошедшем 25 октября 2019 г. саммите глав правительств утверждена Стратегия обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ.

В последние годы более активным стало сотрудничество подразделений финансовой разведки государств — участников СНГ в выявлении и отслеживании денежных потоков, полученных в результате экономических преступлений, а также в пресечении попыток их направления на финансирование терроризма.

Важным позитивным фактором в работе АТЦ СНГ является его активное сотрудничество с соответствующими международными структурами. Подписание в 2018 году Меморандума о взаимопонимании между АТЦ СНГ и ООН в лице ее Контртеррористического управления дает возможность инициировать совместные проекты и программы в области борьбы с терроризмом для поддержки сбалансированной импле-

ментации Глобальной контртеррористической стратегии ООН, осуществлять обмен информацией, проводить совместные мероприятия и консультации в области предотвращения и борьбы с терроризмом. Ранее, в 2016 г., АТЦ СНГ стал членом Глобальной исследовательской сети исполнительного директората Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН. 25 сентября 2019 г. в Совете Безопасности ООН состоялся брифинг, посвященный сотрудничеству СНГ, ШОС и ОДКБ с ООН и вкладу этих организаций в противодействие террористическим угрозам [4].

Одним из востребованных направлений сотрудничества в рамках СНГ остается взаимодействие на правоохранительном треке. Для придания системности и согласованности этой деятельности компетентных органов государств Содружества разрабатываются и утверждаются целевые среднесрочные программы. В 2018 г. Совет глав государств СНГ одобрил Межгосударственную программу совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы, впервые объединившую пять специализированных программ.

Важной составляющей в противостоянии преступным действиям является подготовка высококвалифицированных кадров. Для реализации этой цели более десяти учебным заведениям государств-участников СНГ (Россия, Белоруссия, Казахстан) придан статус базовых организаций Содружества, в которых каждый год проходит обучение по различным направлениям не-

сколько тысяч сотрудников правоохранительных органов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что после распада Советского Союза прошло около 30 лет правящие элиты Новых Независимых Государств продолжают поиски собственных векторов внешней и оборонной политики. В погоне за многочисленными атрибутами независимости, они не определили для себя четкие границы, где можно поступиться национальным суверенитетом во благо собственного развития, но в рамках тесного сотрудничества с соседями. СНГ как зонтичное объединение постсоветских республик по-прежнему остается площадкой для диалога лидеров нового поколения, не связанного советским прошлым. В их внешней политике доминируют прагматизм и многовекторность. Поэтому отсутствие в Содружестве жесткой управленческой доминанты является для них залогом успешности данного регионального формата.

Как представляется, это значит, что, используя СНГ, как удобную и не обязывающую ни к чему сцену для общения, государства-участники будут по-прежнему искать для себя наиболее выгодные сферы сотрудничества — пусть даже методом проб и ошибок. В подобном контексте, главными направлениями взаимодействия будут оставаться борьба с терроризмом и организованной преступностью, а также использование российского опыта в отражении новых вызовов и угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика России 1991-2016. Москва: МГИМО; 2017. С. 140.
2. Внешняя политика стран СНГ. Москва: Аспект-Пресс; 2017. 496 с.
3. Интервью Президента Азербайджана И.Алиева. URL: <https://easaily.com/ru/news/2019/12/24/aliev-azerbaydzhanu-es-nenuzhen-svoyu-sudbu-my-ne-otdadim-v-drugieruki> (дата обращения: 24.01.2020)

4. Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина 19 октября 2019 г. на заседании Совета глав государств СНГ в узком составе URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61782> (дата обращения: 18.02.2020)
5. Miller E. To Balance or Not to Balance. Alignment Theory and the Commonwealth of Independent States / E. Miller E. Aldershot: Taylor and Francis; 2017. 206 p.
6. Buzan B. and Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security/ B.Buzan B. and O.Wæver. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. С. 397.
7. Czerewacz-Filipowicz K., Konoplenko A. Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States. Economic and Political Factors / K. Czerewacz-Filipowicz, A. Konoplenko. Berlin: Springer; 2017. С. 15.
8. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. Москва: Навона; 2009. С. 112-186.
9. Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. Москва: Аспект-Пресс; 2017. 384 с.
10. Договор о коллективной безопасности. Интернет портал СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=9866> (дата обращения: 24.09.2019)
11. Driscoll J. Warlords and Coalition Politics in Post-Soviet States/ J.Driscoll. London: Cambridge University Press; 2015. С. 25.
12. Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: The Case of Moldova, Georgia and Tajikistan/ D.Lynch. Berlin: Springer; 1999. С. 145-148.
13. Сотрудничество в сфере безопасности. Интернет портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2828/> (дата обращения: 24.01.2020)
14. Концепция военного сотрудничества государств-участников СНГ. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/05/ministry-oborony-stran-sng-soglasovali-plan-y-voennogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 24.01.2020)
15. Mackinlay J., Cross P. Regional Peacekeepers: The Paradox of Russian Peacekeeping/ J. Mackinlay, P. Cross. Geneva: United Nations University Press; 2003. С. 15-18.
16. Сотрудничество в сфере безопасности. Интернет портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2828/> (дата обращения: 24.01.2020)
17. Антитеррористический центр СНГ. Интернет портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3140/77478/> (дата обращения: 24.01.2020)
18. Интервью ТАСС руководителя АТЦ СНГ А. Новикова. *Красная звезда*. 2020. 13 января.

REFERENCES

1. The foreign policy of Russia 1991-2016. Moscow: MGIMO; 2017. p. 140 (In Russ.)
2. Foreign policy of the CIS countries. Moscow: Aspect-Press; 2017. 496 p. (In Russ.)
3. Interview with President of Azerbaijan I. Aliyev. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/24/aliev-azerbaydzhanu-es-ne-nuzhen-svoyu-sudbu-my-ne-otdadim-v-drugie-ruki> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
4. Speech by President of the Russian Federation Vladimir Putin on October 19, 2019 at a meeting of the CIS Council of Heads of State in a narrow composition. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61782> [Accessed: 18.02.2020] (In Russ.)
5. Miller E. To Balance or Not to Balance. Alignment Theory and the Commonwealth of Independent States / E. Miller E. Aldershot: Taylor and Francis; 2017. 206 p.
6. Buzan B. and Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan B. and O. Wæver. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. С. 397.

- zan B. and O.Wæver. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. p. 397.
7. Czerewacz-Filipowicz K., Konoplenko A. Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States. Economic and Political Factors / K. Czerewacz-Filipowicz, A. Konoplenko. Berlin: Springer; 2017. p. 15.
 8. Nikitina Yu.A. CSTO and SCO: models of regionalism in the security sphere. Moscow: Nавона; 2009. p.112-186. (In Russ.)
 9. Nikitin A.I. International conflicts: intervention, peacekeeping, settlement. Moscow: Aspect-Press; 2017. 384 p. (In Russ.)
 10. Collective Security Treaty. Internet portal of the CIS. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=9866> [Accessed: 24.09.2019] (In Russ.)
 11. Driscoll J. Warlords and Coalition Politics in Post-Soviet States/ J.Driscoll. London: Cambridge University Press; 2015. p. 25.
 12. Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: The Case of Moldova, Georgia and Tajikistan/ D.Lynch. Berlin: Springer; 1999. p. 145-148.
 13. Security cooperation. Internet portal of the CIS. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2828/> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
 14. The concept of military cooperation of the CIS member states. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/05/ministry-oborony-stran-sng-soglasovali-plany-voenno-go-sotrudnichestva> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
 15. Mackinlay J., Cross P. Regional Peacekeepers: The Paradox of Russian Peacekeeping/ J. Mackinlay, P. Cross. Geneva: United Nations University Press; 2003. p. 15-18.
 16. Security cooperation. Internet portal of the CIS. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2828/> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
 17. Anti-terrorist center of the CIS. Internet portal of the CIS. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3140/77478/> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
 18. TASS interview with the head of the ATC CIS A. Novikov. *Red Star*. 2020, January 13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Станислав И. Чернявский, Доктор исторических наук, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Stanislav I. Chernyavskiy, Doctor of Science in History, Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Moscow, Russia; bld. 76, Prospect Vernadskogo Str., Moscow, 119454, Russia; chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия

Юлия В. Воробьева

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

iuliya.vorobeva@gmail.com

Аннотация: Целенаправленная деятельность террористических группировок по разрушению объектов культурного наследия и общечеловеческой ценности спровоцировала процесс секьюритизации таких объектов. Среди акторов секьюритизации особую роль играет Совет Безопасности ООН, как главный орган на международной арене, ответственный за обеспечение и поддержание мира и безопасности. В рамках резолюций Совета Безопасности ООН происходила постепенная подготовка базы, связывающей разрушение и разграбление объектов всемирного культурного наследия, незаконный оборот культурных ценностей с финансированием террористической деятельности. Этот процесс происходил в русле секьюритизации, все прочнее связывая вопросы защиты культурных объектов с поддержанием международного мира и безопасности. В статье дается оценка влияния деятельности Совета Безопасности ООН на процесс секьюритизации всемирного культурного наследия и на развитие регионального законодательства в сфере защиты такого наследия.

Ключевые слова: секьюритизация, Совет Безопасности ООН, культурное наследие, ЮНЕСКО, ОДКБ

Для цитирования: Воробьева Ю. В. Роль Совета Безопасности ООН в секьюритизации всемирного культурного наследия. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):154-170. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-154-170>

Статья поступила 12.03.2020

Принята в печать 14.04.2020

Опубликована 25.05.2020

The Role of the UN Security Council in the Process of Securitization of World Cultural Heritage

Iuliya V. Vorobyova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
iuliya.vorobeva@gmail.com

Abstract: The deliberate activity of terrorist groups to destroy cultural heritage sites triggered the securitization of World Cultural Heritage concept. Among the actors of the securitization process, the UN Security Council plays a special role as the main body responsible for ensuring and maintaining international peace and security. Within the framework of UN Security Council resolutions, the base was gradually prepared linking the destruction and plunder of World Cultural Heritage sites, the illicit trafficking of cultural property with the financing of terrorist activities. This process took place in line with the securitization process, increasingly linking the protection of cultural sites with the maintenance of international peace and security. The article assesses the impact the in activities of the UN Security Council on the process of securitization of the World Cultural Heritage and on the development of regional legislation in the field of protection of such heritage.

Keywords: securitization, UN Security Council, cultural heritage, UNESCO, CSTO

For citation: Vorobyova Y. V. The role of the UN Security Council in the process of securitization of World Cultural Heritage. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):154-170. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-154-170>

Received 12.03.2020

Revised 14.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия культурное наследие и исторические памятники все чаще становятся объектами террористических атак и разграблений. Оборот черного рынка и нелегальный вывоз культурных ценностей постоянно растет, становясь источником финансирования террористических организаций. С начала 2000 г. культурное наследие Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии и Мали подвергается преднамеренному и систематическому разрушению террори-

стическими группировками: было уничтожено более половины древних артефактов музея Мосула (Ирак), три погребальные башни в Долине гробниц (Сирия), поврежден крупнейший амфитеатр Сирии в городе Бусра – символ Древнего мира, разрушена «колыбель цивилизаций» сирийский город Пальмира. Деятельность террористических группировок по целенаправленному и преднамеренному разрушению объектов наследия ЮНЕСКО – символов общечело-

веческой ценности спровоцировало начало процесса секьюритизации такого наследия.

Опираясь на теорию представителей Копенгагенской школы безопасности Б. Бузана и О. Вейвера, исходим из того, что секьюритизация всемирного культурного наследия — это целенаправленный процесс включения рядом акторов вопросов защиты объектов всемирного культурного наследия в повестку для по обеспечению международной безопасности. Этот процесс происходит путем формирования секьюритизирующего наследие человечества дискурса, в котором указывается срочность и неотложность спасения объектов культурного наследия, используются лексемы, относящиеся к сфере безопасности, такие как «культурная чистка», «военное преступление», «культурный терроризм» и предлагается адаптация чрезвычайных мер, выходящих за рамки традиционных разработанных процедур.

Лидерами процесса секьюритизации всемирного культурного наследия является такой специализированный орган ООН, как ЮНЕСКО, и такие государства, как Италия и Франция. Совет Безопасности ООН и его резолюции сыграли большую роль в ускорении этого процесса. Региональные организации также начали активно развивать такое направление сотрудничества, как защита культурного материального и нематериального наследия в русле процесса секьюритизации. Кроме того, государства совершенствуют свое внутреннее законодательство с целью большей защиты такого наследия.

В этом плане интересен опыт государств-членов ОДКБ: например, в Республике Казахстан закон «О национальной безопасности Республики Казахстан» в числе основных угроз национальной безопасности называет утрату культурного и духовного наследия народа Республи-

ки Казахстан (ст. 6). Специальные законы об охране объектов культурного (историко-культурного) наследия приняты и специальные органы контроля и управления в сфере культурного наследия учреждены во всех в странах СНГ [1].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ЗА ЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА

Контроль за законным оборотом предметов искусства и их охрана в мирное время регламентируются несколькими международно-правовыми документами. В ноябре 1970 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Она стала первой международной конвенцией, касающейся незаконного трафика предметов искусства, которая признает, что ввоз, вывоз и передача прав собственности, совершенные в нарушение положений Конвенции, являются противоправными деяниями (ст. 3), как и принудительные вывоз и передача прав, являющиеся результатом оккупации страны (ст. 11) [2]. Конвенция побуждает государства принимать превентивные меры, совершенствовать национальное законодательство, укреплять международное сотрудничество, запрещать ввоз похищенных объектов, способствовать возвращению незаконно вывезенных ценностей и др.

Недостатком конвенции является то, что эти положения касаются только описанных ценностей, похищенных из музеев, религиозных или светских памятников, то есть под защиту не попадают ценности, похищенные в результате нелегальных раскопок или украденные из частных коллекций. Конвенция также не контролирует системы последовательных перепродаж,

а за реституцией по Конвенции обратиться может только государство, что лишает частных коллекционеров или музеев возможности получить такую выплату.

В целях создания единой правовой базы по борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота культурными ценностями и исправления недостатков Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. Международный институт унификации частного права в Риме (УНИДРУА) в 1995 г. принял Конвенцию УНИДРУА об украденных или незаконно экспортированных культурных ценностях [3]. Конвенция УНИДРУА устанавливает единый подход к реституции и возврату похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей (ст.3): украденное произведение искусства должно быть возвращено первоначальному собственнику при любых обстоятельствах (реституция и возврат больше не привязаны к обязательной описи, как в Конвенции ЮНЕСКО 1970 г.). «Добросовестный приобретатель», в соответствии со статьями 4 и 6, обязан «открыто владеть» ценностью, а в случае запроса на возврат или реституцию доказывать, что предпринял все попытки выяснить происхождение объекта, но был обманут. Также необходимо отметить, что заявителями теперь могут быть не только государства, но и физические, и юридические лица, что означает, что музеи и владельцы предметов искусства смогут обращаться в соответствующие судебные органы (ст.5 и п.1 и п.2 ст.8) [3].

Нововведения были восприняты очень неоднозначно: музеи, владеющие богатыми коллекциями, большинство экспонатов которых были либо приобретены в эпоху колониальных войн, либо не имеют достоверного происхождения, боятся потерять их значительную часть, что тормозит ратификацию Конвенции ведущими мировыми державами.

В 2000 г. была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, под положения которой также подпадает незаконный оборот культурными ценностями. Эта Конвенция, насчитывающая 170 участников, создает практически универсальную основу для сотрудничества государств в области содействия проведению уголовных расследований в связи со всеми формами серьезных преступлений, включая незаконный оборот культурных ценностей, однако лишь немногие страны на регулярной основе применяют ее в рамках дел, связанных с незаконным оборотом культурных ценностей. По мнению государств, отсутствие единообразия в уголовном законодательстве является главным препятствием для охраны культурных ценностей. В уголовном законодательстве многих государств отсутствуют специальные нормы об охране культурных ценностей. В некоторых странах хищение культурных ценностей преследуется согласно общим нормам уголовного кодекса так же, как кража любого другого предмета, без учета их особого характера и ценности, нет четко сформулированного состава преступлений, связанного с незаконным оборотом культурных ценностей и смежными противоправными действиями [4].

БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕЗОЛЮЦИЯХ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

В рамках Совета Безопасности ООН увязывание разрушения и разграбления культурного наследия и незаконного оборота культурными ценностями с финансированием террористической деятельности происходило постепенно. В случае с вооруженными конфликтами в Кувейте (1990-1991 гг.) [5] и в Ираке (2003 г.) [6]. Совет Безопасности ООН играл роль главного законодательного органа в сфере защиты

культурного наследия. Действуя согласно Главе VII Устава ООН, Совет Безопасности установил обязывающие предписания, дополняющие и вновь подтверждающие приверженность существующим международно-правовым обязательствам по защите культурного наследия.

Первые шаги СБ ООН по увязыванию разграбления культурного наследия и терроризма происходит в Резолюции 1267 (1999) по Афганистану, когда СБ ООН призвал к «уважению культурного и исторического наследия Афганистана», выражая свою озабоченность тем, что часть территории государства находилась под контролем Талибана. В п. 4b СБ ООН постановил заморозить финансовые ресурсы, включая средства, получаемые или извлекаемые благодаря имуществу, находящемуся во владении или под прямым или косвенным контролем движения «Талибан» [7].

В 2003 г. после вторжения в Ирак в Резолюции 1483 (2003) СБ ООН подчеркнул необходимость уважения археологического, исторического, культурного и религиозного наследия Ирака и необходимость обеспечения безопасности музеев, библиотек, памятников и других культурных объектов и призвал все государства-члены предпринять соответствующие шаги, чтобы содействовать возвращению в сохранности иракским учреждениям иракской культурной собственности и других предметов, имеющих археологическое, историческое, культурное, редкое научное и религиозное значение, незаконно изъятых из Иракского национального музея, Национальной библиотеки и других учреждений в Ираке после принятия резолюции 661 (1990) от 6 августа 1990 года, в том числе путем введения запрета на куплю-продажу или передачу таких предметов и предметов, в отношении которых существуют разумные основания подозревать, что они были незаконно изъят

[8]. После этой резолюции некоторые государства (например, Великобритания, Швейцария) внедрили на национальном уровне ряд запретов по ввозу артефактов искусства [9:7]. Необходимость уважать культурное наследие Ирака также было упомянуто в Резолюции СБ ООН о переходе власти в Ираке к демократически избранному Временному правительству в 2004 г. [10]. Таким образом, данная резолюция, как обязывающий международный инструмент, устанавливает обязательства *erga omnes* по обеспечению возврата незаконно вывезенного из Ирака культурного наследия [11:33].

Подобным образом, ряд резолюций СБ ООН по ситуации в Мали, Сирии и Ираке касается обязывающих международно-правовых положений, запрещающих разрушение объектов культурного наследия, а также их разграбление и продажу. В 2012 г. в Резолюции 2056 по ситуации в Мали СБ ООН решительно осудил «осквернение, повреждение и разрушение священных исторических и культурных объектов, особенно (но не только) включенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО, в том числе в городе Тимбукту» и подчеркнул, «что совершение нападений на здания религиозного значения или исторические памятники может являться нарушением международного права» [12]. Спустя несколько месяцев в резолюциях 2071 (от 12 октября 2012 г.), 2085 (20 декабря 2012 г.), 2100 (25 апреля 2013 г.) Совет Безопасности ООН вновь осудил разрушение культурного и религиозного наследия.

В отношении ситуации в Сирии, в которой в 2011 г. началась гражданская война, Совет Безопасности ООН также высказал озабоченность положением культурного наследия в этом государстве, хотя лишь в 2014 г., в то время как ЕС в 2013 г. ввел запрет на импорт артефактов искусства из Сирии [13]. В Резолюции 2139 (от 22 февраля 2014 г.) СБ ООН призвал все стороны спасти бо-

гатое разнообразие общественного уклада и культурное наследие Сирии и предпринять надлежащие шаги для обеспечения защиты объектов всемирного наследия на территории Сирии [14].

В Резолюции 2170 (от 15 августа 2014 г.) СБ ООН осуждает разрушение террористами культурного наследия и затем в Резолюции 2199 (2015) СБ ООН повторяет свое осуждение разрушения, в особенности ИГИЛ и ФАН, культурного наследия в Ираке и Сирии в результате как случайных, так и преднамеренных действий, включая целенаправленное уничтожение мест отправления религиозных обрядов и культовых предметов [15, 16].

Ряд резолюций СБ ООН – 1373 (2001), 1989 (2011), 2170 (2014), — включая резолюции по ситуации в Мали и Сирии, содержали положения по пресечению финансирования терроризма, но в первую очередь связывали это с незаконным оборотом наркотиков и оружия, а не артефактов искусства. В 2014 г. в Резолюции 2195, касающейся терроризма в Африке, СБ ООН выразил озабоченность, что террористы извлекают выгоду из транснациональной организованной преступной деятельности, в том числе из незаконного оборота предметами культуры [17].

В 2015 г. в Резолюции 2199 Совет Безопасности ООН проводит четкую и явную взаимосвязь, отмечая, «что ИГИЛ, ФАН и другие лица, группы, предприятия и организации, связанные с «Аль-Каидой», прямо или косвенно участвуя в разграблении предметов культурного наследия и их незаконном вывозе из мест археологических раскопок, музеев, библиотек, архивов и из других объектов в Ираке и Сирии, получают доход, за счет которого финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты» [16]. В Ре-

золюции СБ ООН также вновь подтвердил свое решение, содержащееся в пункте 7 Резолюции 1483 (2003), и постановил, что «все государства-члены должны принять надлежащие меры для предупреждения торговли культурными ценностями Ирака и Сирии и другими предметами, имеющими археологическое, историческое, культурное, ценное научное и религиозное значение, которые были незаконно изъяты из Ирака после 6 августа 1990 года и из Сирии после 15 марта 2011 года, в том числе путем запрещения трансграничной торговли такими предметами, что создаст возможность для их безопасного возвращения в конечном счете народам Ирака и Сирии» [16]. То же самое было подтверждено в Резолюциях 2253 (от 17 декабря 2015 г.) и 2368 (от 20 июля 2017 г.).

Резолюция СБ ООН 2199 (2015) налагает обязательства на все государства предпринимать, при содействии ИНТЕРПОЛ, ЮНЕСКО и других международных организаций, необходимые меры для противодействия торговле незаконно вывезенными из Сирии и Ирака артефактами искусства, науки и религии в целях прекращения финансирования терроризма путем незаконной продажи артефактов искусства на черном рынке. Имплементация этих положений привела к созданию национальных и региональных инструментов для усиления контроля пограничных перевозок культурных объектов из указанных конфликтных зон. Около 50 государств уже усилили свою законодательную базу и начали обмениваться информацией и данными в целях уничтожения существующих маршрутов незаконных перевозок культурных ценностей и возвращения таких ценностей на территорию государства, из которого они были украдены [11:33].

На региональном уровне были осуществлены значительные меры в рамках ЕС, где был принят ряд актов о контроле им-

порта культурных материалов из Сирии и Ирака [18].

Резолюция СБ ООН 2199 также была предпосылкой к Абу-Дабийской декларации по охране наследия, находящегося под угрозой (2016 г.), которая в свою очередь стимулировала развитие национальных законодательств государств (например, во Франции и Швейцарии) по созданию безопасных зон для объектов культурного наследия, находящихся в зонах конфликтов.

Таким образом, Совет Безопасности ООН, апеллируя к коллективной ответственности государств-членов ООН, в п.7 Резолюции 1483 и в п.17 Резолюции 2199 налагает на них юридические обязательства по борьбе с вывозом ценностей искусства из Ирака и Сирии, обязательства, которыми государства прежде связаны не были. Обладая нормотворческими полномочиями Совет Безопасности налагает обязательственную модель поведения по вопросу разграбления и незаконного оборота культурными ценностями, связанными со спонсированием терроризма. Эффективность существующих конвенций по этим вопросам зависит от количества присоединившихся и ратифицировавших их государств. По полномочиям VII главы Устава ООН СБ ООН создает императивную норму, распространяющуюся на все государства, и обязательную к исполнению. Коллективная ответственность по исполнению п. 17 Резолюции 2199 призвана усилить обязательство обычного права по уважению наследия человечества и консолидировать *erga omnes* природу этого обязательства [19]. По словам И. Боковой Резолюция 2199 показала позитивные результаты, которые выразились в укреплении национальных законодательств (это сделали около 50 государств) и усиления взаимодействия по линии обмена информацией для пресечения незаконного оборота антиквариатом [9:11].

Вместе с тем, СБ ООН не предпринял никаких действий в ситуации с Ливией, где культурное наследие также подвергалось преднамеренному разрушению, и в ситуации в Йемене, когда Старый город в Сане, внесенный в 2015 г. в Список Всемирного культурного наследия, находящегося под угрозой, был подвергнут бомбардировке. ЮНЕСКО призывает государства расширить ограничения по вывозу артефактов искусства из Сирии и Ирака также на артефакты из Ливии и Йемена [9:15].

В 2016 г. в Резолюции 2322 СБ ООН вновь выразил особую озабоченность по поводу расширения масштабов причастности террористических групп, особенно в районах конфликтов, к уничтожению культурных ценностей, незаконной торговле ими и совершению связанных с этим преступлений [20]. В п. 12 Резолюции СБ ООН настоятельно призывает «государства развивать, в том числе по запросу, при содействии УНП ООН и в тесном взаимодействии с ЮНЕСКО и Интерполом широкое сотрудничество правоохранительных и судебных органов в деле предупреждения и пресечения любых форм и аспектов незаконного оборота культурных ценностей и связанных с ним преступлений, которые приносят или могут приносить выгоду террористам или террористическим группам, и вводить эффективные национальные меры на законодательном и оперативном уровнях, где это уместно, в соответствии с обязанностями и обязательствами по международному праву и национальным документам в целях предупреждения и пресечения незаконного оборота культурных ценностей и связанных с ним преступлений, включая рассмотрение возможности квалифицировать такие виды деятельности, которые могут приносить выгоду террористам или террористическим группам, в качестве серьезного преступления в соответствии со статьей 2 Конвенции Организации Объеди-

ненных Наций против транснациональной организованной преступности» [20].

Таким образом, в рамках резолюций Совета Безопасности ООН происходила постепенная подготовка базы, связывающей разрушение и разграбление объектов всемирного культурного наследия, незаконный оборот культурных ценностей с финансированием террористической деятельности. Этот процесс происходил в русле секьюритизации, все прочнее связывая вопросы защиты культурных объектов с поддержанием международного мира и безопасности.

РОЛЬ РЕЗОЛЮЦИИ 2347 СБ ООН В СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В 2017 г. Италия совместно с Францией разработали и представили проект резолюции о защите культурного наследия, в которой говорится о создании сети безопасных зон для защиты объектов культурного наследия в зоне конфликта, а также о связи между незаконным оборотом культурных ценностей и финансированием террористических группировок [21]. 24 марта 2017 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял эту Резолюцию под номером 2347, и она стала первой резолюцией в истории Совета Безопасности ООН, полностью посвященной защите культурного наследия.

Как заявил бывший заместитель министра иностранных дел и международного сотрудничества Италии Винченцо Амендола, «эта резолюция — историческая, потому что впервые защита культурных ценностей становится одним из элементов, помогающих борьбе с международным терроризмом. Ранее уже принимались резолюции ЮНЕСКО об охране культурного наследия, но прежде этот вопрос в ООН никогда не становился центральным в процессе миростроительства и, тем более, в борьбе с терроризмом. Остановить деятельность

групп, которые занимаются незаконным оборотом культурных ценностей, значит перекрыть источники финансирования террористов, что означает подорвать их способность к проведению военных действий и расширению территорий; это означает также и остановить их тоталитарную культуру, в которой разрушение всемирного культурного наследия, веками формировавшееся историей, религиями и культурами, является способом заявить о своих территориальных захватах» [22].

По мнению бывшего Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой принятие Резолюции СБ ООН 2347 является знаком того, что в международном сообществе сформировалось новое глобальное понимание взаимосвязи между поддержанием мира и сохранением культурного наследия [23]. По ст. 39 Главы VII Устава ООН Совет Безопасности может квалифицировать существование угрозы международному миру и безопасности, нарушение такого мира, и решает, какие меры необходимо предпринять для восстановления мира и безопасности [24]. Признание высшим международным органом, ответственным за поддержание мира и безопасности на международной арене, вопроса разрушения и разграбления всемирного культурного наследия как проблемы международной безопасности фактически означало бы успешное завершение процесса секьюритизации всемирного культурного наследия, если бы не ряд очевидных недостатков резолюции.

Резолюция 2347 действительно является первой резолюцией Совета Безопасности ООН, которая полностью посвящена защите культурного наследия как вопросу международного мира и безопасности. Резолюция подтверждает, что разрушение культурного наследия препятствует примирению между людьми, останавливает или поворачивает вспять процессы разви-

тия и разрушает культурное многообразие. Резолюция также вновь утверждает, что разрушение культурных объектов является военным преступлением, а преступники, занимающиеся этим, должны предстать перед судом, таким образом связывая преступления против культурного наследия с угрозами международному миру и безопасности. В данной ситуации Совет Безопасности ООН целенаправленно включил вопросы охраны и защиты культурного наследия в более широкую глобальную повестку дня [11:34].

Резолюция 2347 касается особых вопросов защиты культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов, таких как борьба с международным терроризмом, целенаправленным разрушением и разграблением террористическими группировками объектов культуры и финансированием за счет этого своей деятельности. В Резолюции подчеркивается, что несмотря на то, что противоправные деяния совершают прежде всего негосударственные военизированные формирования, все бремя ответственности по обеспечению сохранности объектов культурного наследия лежит на государствах. В Резолюции эксплицитно отмечается, что «незаконное уничтожение культурного наследия, а также разграбление и незаконный вывоз культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, особенно террористическими группами, и попытки отрицать исторические корни и культурное разнообразие в этом контексте могут подпитывать и усугублять конфликты и препятствуют постконфликтному национальному примирению, тем самым подрывая безопасность, стабильность, управление, социальное, экономическое и культурное развитие пострадавших государств» [21].

Кроме того, Резолюция отмечает, что террористические группы, участвуя в уничтожении культурного наследия и в неза-

конном обороте культурных ценностей и в других связанных с ними преступлениях, получают доход, за счет которого финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты, что представляет сохраняющуюся угрозу международному миру и безопасности [21].

Резолюция 2347 усиливает ряд ключевых международных обязательств по обычному международному праву. Во-первых, Резолюция вновь подтверждает, что все члены ООН обязаны пресекать и предотвращать преступления против культурного наследия, совершаемые в ходе вооруженного конфликта (пп. 1-3), и призывает уважать созданный на основе Гаагской конвенции 1954 г. режим и присоединиться к нему и ратифицировать дополнительные Протоколы к ней, если государство еще не сделало этого (п. 7) [21]. Во-вторых, Резолюция напоминает, что государства обязаны обеспечивать передачу под суд людей, совершающих преступления против культурного наследия, поскольку «совершение незаконных нападений на объекты и здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, либо на исторические памятники может представлять собой, при определенных обстоятельствах и в соответствии с международным правом, военное преступление» (п. 4) [21]. Резолюция подчеркивает, что незаконная торговля культурными материалами представляет собой элемент транснациональной организованной преступности, и что все государства обязаны по Конвенции ООН 2000 г. против транснациональной организованной преступности предпринимать необходимые меры по пресечению таких преступлений (п. 9) [21].

Резолюция настоятельно призывает «государства-члены принять эффективные

национальные меры на законодательном и оперативном уровнях, в надлежащих случаях и во исполнение обязанностей и обязательств по международному и внутреннему праву, в целях предупреждения и пресечения незаконного оборота культурных ценностей и связанных с ним преступлений, в том числе путем рассмотрения вопроса о квалификации такой деятельности, которая может быть выгодна организованным преступным группам, террористам или террористическим группам» (п. 9) [21].

Резолюция также призывает государства налаживать широкомасштабное сотрудничество между правоохранительными и судебными органами в деле предупреждения и пресечения, во всех формах и аспектах, незаконного оборота культурных ценностей и связанных с ним преступлений и заправивать и оказывать содействие в ходе расследования, уголовного преследования, ареста и конфискации, а также возвращения, реституции или репатриации культурных ценностей, ставших объектом незаконного оборота, незаконного вывоза или ввоза, хищения, разграбления, незаконных раскопок или незаконной торговли, а также в ходе судебного разбирательства, по надлежащим каналам и сообразуясь со своей внутренней правовой системой и международным правом (параграфы 11 и 12) [21].

Одним из самых важных результатов принятия Резолюции 2347 специалисты считают то, что резолюция подтверждает обязательный характер положений по предотвращению и противодействию незаконному обороту культурными материалами из зон вооруженных конфликтов и по способствованию их возвращению, реституции или репатриации культурных ценностей, ставших объектом незаконного оборота, незаконного вывоза или ввоза, хищения, разграбления, незаконных раскопок или незаконной торговли [11:36].

П. 19 Резолюции подтверждает, что мандат операций ООН по поддержанию мира может включать, при сотрудничестве с ЮНЕСКО, мандат на оказание помощи соответствующим органам власти, по их просьбе, в деле защиты культурного наследия от уничтожения, проведения незаконных раскопок, разграбления и контрабанды в контексте вооруженных конфликтов. До сих пор такими полномочиями были в порядке исключения наделены только миротворцы в Мали [21].

Резолюция 2347 представляет собой юридическую основу для формирования легитимного многоуровневого и многостороннего взаимодействия между различными государствами и негосударственными акторами, функционирующими как на международном, так и на национальном уровне. Помимо углубления сотрудничества между международными организациями и специализированными органами системы ООН (ЮНЕСКО, ИНТЕРПОЛ, Всемирной таможенной организацией (ВТАО) и Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН)), Совет Безопасности ООН также легитимирует участие музеев, соответствующих ассоциаций предпринимателей, участников операций на арт-рынке, соответствующих отраслевых заинтересованных субъектов и ассоциаций, действующих в пределах их юрисдикции, а также гражданского общества, включая экспертов и ученых, в согласовании стандартов в отношении документов о происхождении культурных объектов, дифференцированных процедур проявления должной осмотрительности и всех необходимых мер для предотвращения торговли похищенными или незаконно приобретенными культурными ценностями (п. 17g) [21].

Резолюция сводит воедино различные разноуровневые и разномасштабные инициативы, такие как Вместе во имя на-

следования» (#Unite4Heritage), инициативы Абу-Дабийской декларации 2016 г. по охране наследия, находящегося под угрозой, международной конференции «Культура как инструмент диалога между людьми», состоявшейся в Милане 31 июля-1 августа 2015, международной конференции «Жертвы этнического и религиозного насилия на Ближнем Востоке», проходившей в Париже 8 сентября 2015 г., а также сотрудничество при использовании инновационных технических средств, разработанных для борьбы с незаконным оборотом артефактов искусства, таких как портал УНП ООН «SHERLOC» и платформа ВТАО «ARCHEO» [21]. Таким образом Совет Безопасности ООН эксплицитно выразил намерение и создал конкретную платформу для формирования глобального управления в сфере культурного наследия, основанную на взаимодействии различных институтов, механизмов, технических средств, через которые коллективный интерес всего международного сообщества в сохранении культурного наследия в условиях вооруженного конфликта выражен и внедрен в глобальную повестку дня.

Несмотря на все вышеперечисленные достоинства резолюции, тот факт, что она носит рекомендательный характер, нивелирует весь тот эффект, который она могла бы произвести на процесс секьюритизации всемирного культурного наследия. Этот факт показывает неготовность международного сообщества к закреплению обязательств по защите культурного наследия как неотъемлемого компонента по обеспечению международного мира и безопасности. Большим недостатком Резолюции можно считать также тот факт, что она не призывает присоединяться к Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности

на культурные ценности 1970 г., а Конвенция ЮНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г. (участником последней является всего один постоянный член СБ – Китай) в ней даже не упомянута [9:14].

ВЛИЯНИЕ РЕЗОЛЮЦИЙ СБ ООН НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Деятельность Совета Безопасности ООН сыграли большую роль и в развитии регионального Европейского законодательства и политики по культурному наследию. В рамках объявленного Года культурного наследия в ЕС (2018 г.), роль наследия подчеркивалась в качестве большой ценности для всех государств сообщества с культурной, экологической, социальной и экономической точек зрения [25]. ЕС признает, что устойчивое управление культурным наследием должно представлять собой стратегический выбор XXI в. Сейчас все 28 государств-членов Европейского Союза запрещают продажу, поставку, передачу или экспорт предметов культуры, вывезенных из Сирийской Арабской Республики после 9 мая 2011 года и из Ирака после 6 августа 1990 года.

Европейская комиссия внесла предложение по введению новых правил для пресечения нелегального ввоза артефактов культуры в ЕС, зачастую связанных с финансированием террористической и другой криминальной деятельности [26]. Предложено новое определение понятия «культурные объекты», разработана детализированная система контроля импортеров, а также внедрен новый штрафной режим. Предполагается на основе этих предложений впервые в ЕС создать сложную систему контроля импорта объектов культурного наследия, что внесет весомый вклад в более эффективную глобальную систему защиты культурного наследия.

Наряду с импульсом к развитию законодательства и политики в ЕС, новый режим, нацеленный на усиление существующей международной базы в области культурного наследия, был создан также и в Совете Европы.

Конвенция Совета Европы о правонарушениях в отношении культурных ценностей 2017 г. (призвана заменить конвенцию 1985 г.) направлена на предупреждение и борьбу с незаконной торговлей и разрушением культурных ценностей в рамках деятельности Организации по борьбе с терроризмом и организованной преступностью, а также на содействие международному сотрудничеству в борьбе с этими преступлениями, разрушающими всемирное культурное наследие. В данной конвенции, которая стала единственным международным договором, полностью посвященным криминализации незаконной торговли культурными ценностями, закреплён ряд уголовных преступлений, в том числе кража, незаконные раскопки, ввоз и вывоз, а также незаконное приобретение и продажа артефактов культуры. Конвенция предусматривает также уголовную ответственность за подделку документов и намеренное разрушение или повреждение культурных ценностей как в ходе вооружённых конфликтов, так и в мирное время, что значительно расширяет правоприменение подобных положений Гаагской конвенции 1954 г. [27].

Кроме того, совместные международные действия по борьбе с правонарушениями в отношении культурного наследия, совершёнными в ходе вооружённого конфликта или в результате террористических атак, были поддержаны и дополнены недавно formalizованным сотрудничеством между различными институтами. Например, 21 сентября 2017 г. на базе Постоянного представительства Италии при ООН, при участии ЕС, ЮНЕСКО и других между-

народных институтов, НПО и агентств была запущена новая инициатива по защите культурного наследия от террористических атак и массовых разграблений [28]. Выросло количество конференций, саммитов и встреч, посвящённых проблеме, проводившихся в Узбекистане, России, Украине, Иране, Китае. Такие региональные организации как АСЕАН и СААРК начали включать вопросы защиты культурного наследия от террористических атак в свою повестку дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совет Безопасности ООН как главный международный орган, ответственный за поддержание мира и безопасности на международной арене, сыграл консолидирующую роль в процессе секьюритизации всемирного культурного наследия. Единогласно приняв 24 марта 2017 г. Резолюцию 2347, СБ ООН постановил, что «незаконное уничтожение культурного наследия, а также разграбление и незаконный вывоз культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, особенно террористическими группами» представляет собой угрозу международному миру и безопасности.

Принятие Советом Безопасности ООН Резолюции 2347, впервые в истории СБ ООН полностью посвящённой защите культурного наследия, повысило важность этой проблемы и поставило на повестку дня обеспечения международного мира и безопасности. Эта резолюция интегрировала разрозненные и зачастую несогласованные элементы и режимы международного права (право охраны и защиты культурного наследия, гуманитарное право, уголовное право), а также утвердила главенствующую ответственность государства (на глобальном, региональном и национальном уровнях) в пресечении правонарушений в отношении культурного наследия, совершаемых в ходе вооружённых конфликтов.

Резолюция СБ ООН 2347 также легитимировала более инклюзивное участие различных акторов в процессе защиты культурного наследия для повышения эффективности этого процесса: помимо государств, МПО, агентств, Резолюция требует участия и НПО, частного сектора, специалистов и профессионалов в этой области, агентов арт-рынка. Резолюция признает и развивает систему разнородного управления культурным наследием, построенного на юридически обязывающих международных обязательствах и политических приверженностях; призывает к конвергенции целей различных международных акторов и продвигает межгосударственное сотрудничество и участие негосударственных акторов. Такой подход нацелен на устранение существующих сложностей, проистекающих из юридических и технических пробелов и несовершенств, с целью противодействия терроризму и незаконному обороту культурными ценностями и способствованию возвращению таких ценностей в страны происхождения, а также на борьбу с безнаказанностью ответственных за грубое нарушение международных обязательств в области защиты культурного наследия.

Некоторые специалисты отмечают, что хотя эффект от резолюции СБ ООН может рассматриваться как ключевой фактор в глобальной консолидации механизмов охраны и защиты культурного наследия в ситуации вооруженных столкновений, ее роль в консолидации в целом глобального управления в сфере культурного наследия сомнительна. Во-первых, тот факт, что резолюция носит рекомендательный характер, существенно снижает ее эффективность. Во-вторых, далеко не в каждой ситуации охрана культурного наследия может быть отнесена к вопросу международного мира и безопасности. Напротив, многие вопросы «культурной» повестки дня лежат в плоскости государственной ответственности, такие, например, как пограничный контроль перевозок культурных объектов, защита культурных прав большинства в условиях миграционного кризиса и т.д. По этой причине, считают скептически настроенные исследователи, достижение консолидации механизмов глобального управления в сфере защиты культурного наследия за рамками контекста вооруженных конфликтов и борьбой с терроризмом может считаться маловероятным в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мартыненко И.Э. Применение мер правовой защиты объектов национального историко-культурного наследия: опыт государств-участников СНГ. *Наследие и современность*. 2018;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-mer-pravovoy-zaschity-obektov-natsionalnogo-istoriko-kulturnogo-naslediya-opyt-gosudarstv-uchastnikov-sng> (дата обращения: 18.02.2020).
2. Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001333/133378mo.pdf> (дата обращения: 18.02.2020).
3. Конвенция УНИДРУА об украденных или незаконно экспортированных культурных ценностях 1995 г. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention> (дата обращения: 18.02.2020).
4. Рабочая группа правительственных экспертов по технической помощи Вена, 17 и 18 октября 2012 г. Применение Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной

- преступности государствами-участниками в отношении уголовных преступлений против культурных ценностей URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/2012_CTOC_COP_WG2/CTOC_COP_WG.2_2012_3_WG.3_2012_4_R.pdf (дата обращения: 18.02.2020).
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № 686 от 2 марта 1991 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/686\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/686(1991)) (дата обращения: 18.02.2020).
 6. Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании 22 мая 2003 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) (дата обращения: 18.02.2020).
 7. Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании 15 октября 1999 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1267\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1267(1999)) (дата обращения: 18.02.2020).
 8. Резолюция 1483 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4761-м заседании 22 мая 2003 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) (дата обращения: 18.02.2020).
 9. Hausler K. Cultural heritage and the Security Council: Why Resolution 2347 matters. *Questions of International Law*. 2018;48:5-19.
 10. Резолюция 1546 (2004), принятая Советом Безопасности на его 4987-м заседании 8 июня 2004 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1546\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1546(2004)) (дата обращения: 18.02.2020).
 11. Jakubowski A. Resolution 2347: Mainstreaming the protection of cultural heritage at the global level. *Questions of International Law*. 2018;48:21-44.
 12. Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6798-м заседании 5 июля 2012 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2056\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2056(2012)) (дата обращения: 18.02.2020).
 13. Council Regulation (EU) № 1332/2013 of 13 December 2013 amending Regulation (EU) No 36/2012 concerning restrictive measures in view of the situation in Syria, para 11 (c). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:335:0003:0007:EN:PDF> (дата обращения: 18.02.2020).
 14. Резолюция 2139 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7116-м заседании 22 февраля 2014 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2139\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2139(2014)) (дата обращения: 18.02.2020).
 15. Резолюция 2170 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2170\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2170(2014)) (дата обращения: 18.02.2020).
 16. Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) (дата обращения: 18.02.2020).
 17. Резолюция 2195 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2195\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2195(2014)) (дата обращения: 18.02.2020).
 18. Council Regulation (EC) №1210/2003 of 7 July 2003 concerning certain specific restrictions on economic and financial relations with Iraq and repealing Regulation №2465/96. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:169:0006:0023:En:PDF> (дата обращения: 18.02.2020).
 19. Negri V. Legal study on the protection of cultural heritage through the resolutions of the Security Council of the United Nations - Cultural heritage through the prism of resolution 2199 (2015) of the Security Council. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Study_Negri_RES2199_01.pdf (Дата обращения: 18.02.2020).
 20. Резолюция 2322 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7831-м заседа-

- нии 12 декабря 2016 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) (дата обращения: 18.02.2020).
21. Резолюция 2347 (2017) Совета Безопасности ООН от 24 марта 2017 г. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2017.shtml> (дата обращения: 18.02.2020).
 22. Vaccara S., Gramanzini G. L'ONU proteggerà il patrimonio culturale dei paesi in conflitto. *La Voce di New York*. 25 Mar 2017. URL: <https://www.lavocedinyork.com/onu/2017/03/25/lonu-proteggera-il-patrimonio-culturale-dei-paesi-in-conflitto/> (дата обращения: 18.02.2020).
 23. Баконга К.Ф. Историческая резолюция для защиты культурного наследия. *Курьер ЮНЕСКО*. 2017. №3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/2017/34152-istoricheskaya-rezolyuciya-dlya-zaschity-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 18.02.2020).
 24. Устав ООН, 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/index.html> (дата обращения: 18.02.2020).
 25. Decision (EU) 2017/864 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 on a European Year of Cultural Heritage (2018). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017D0864> (дата обращения: 18.02.2020).
 26. European Commission, Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on the import of cultural goods, COM(2017) 375 final, July 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2017%3A375%3AFIN> (дата обращения: 18.02.2020).
 27. Details of Treaty No.221. Council of Europe Convention on Offences relating to Cultural Property. Nicosia, 19/05/2017. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/221?coconventions_WAR_coeconventionsportlet_languageId=ru_RU (дата обращения: 18.02.2020).
 28. Protecting cultural heritage from terrorism and mass atrocities: links and common responsibilities, September 26th, 2017. URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala stampa/interventi/2017/10/discorso-dell-on-ministro-all-evento_8.html (дата обращения: 18.02.2020).

REFERENCES

1. Martynenko I.E. Application of legal protection measures for objects of national historical and cultural heritage: the experience of the CIS member states. *Heritage and modernity*. 2018;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-mer-pravovoy-zaschity-obektov-natsionalnogo-istoriko-kulturnogo-naslediya-opyt-gosudarstv-uchastnikov-sng> [Accessed: 02.18.2020] (In Russ).
2. UNESCO Convention Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970. URL: <http://unesdoc.unesco.org/imagenes/0013/001333/133378mo.pdf> [Accessed: 02.18.2020].
3. The UNIDROIT Convention on on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects 1995. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention> [Accessed: 02.18.2020].
4. Government Expert Technical Assistance. Working Group, Vienna, October 17-18, 2012. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/2012_CTOC_COP_WG2/CTOC_COP_WG.2_2012_3_WG.3_2012_4_R.pdf [Accessed: 02.18.2020].

5. UN Security Council Resolution 686 (1991). March 2, 1991. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/686\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/686(1991)) [Accessed: 02.18.2020].
6. UN Security Council Resolution 1483 (2003). 22 May 2003. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) [Accessed: 02.18.2020].
7. UN Security Council Resolution 1267 (1999). 15 October 1999. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1267\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1267(1999)) [Accessed: 02.18.2020].
8. UN Security Council Resolution 1483 (2003). 22 May 2003. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1483\(2003\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1483(2003)) [Accessed: 02.18.2020].
9. Hausler K. Cultural heritage and the Security Council: Why Resolution 2347 matters. *Questions of International Law*. 2018;48:5-19.
10. UN Security Council Resolution 1546 (2004). 8 June 2004. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1546\(2004\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1546(2004)) [Accessed: 02.18.2020].
11. Jakubowski A. Resolution 2347: Mainstreaming the protection of cultural heritage at the global level. *Questions of International Law*. 2018;48:21-44.
12. UN Security Council Resolution 2056 (2012). 5 July 2012. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2056\(2012\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2056(2012)) [Accessed: 02.18.2020].
13. Council Regulation (EU) № 1332/2013 of 13 December 2013 amending Regulation (EU) No 36/2012 concerning restrictive measures in view of the situation in Syria, para 11 (c). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:335:0003:0007:EN:PDF> [Accessed: 02.18.2020].
14. UN Security Council Resolution 2139 (2014). 22 February 2014. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2139\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2139(2014)) [Accessed: 02.18.2020].
15. UN Security Council Resolution 2170 (2014). 15 August 2014. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2170\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2170(2014)) [Accessed: 02.18.2020].
16. UN Security Council Resolution 2199 (2015). 12 February 2015. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2199\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2199(2015)) [Accessed: 02.18.2020].
17. UN Security Council Resolution 2195 (2014). 19 December 2014. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2195\(2014\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2195(2014)) [Accessed: 02.18.2020].
18. Council Regulation (EC) №1210/2003 of 7 July 2003 concerning certain specific restrictions on economic and financial relations with Iraq and repealing Regulation №2465/96. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:169:0006:0023:En:PDF> [Accessed: 02.18.2020].
19. Negri V. Legal study on the protection of cultural heritage through the resolutions of the Security Council of the United Nations - Cultural heritage through the prism of resolution 2199 (2015) of the Security Council. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Study_Negri_RES2199_01.pdf [Accessed: 02.18.2020].
20. UN Security Council Resolution 2322 (2016). 12 December 2016. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2322\(2016\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2322(2016)) [Accessed: 02.18.2020].
21. UN Security Council resolution 2347 (2017). March 24, 2017. URL: <http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2017.shtml> [Accessed: 02.18.2020].
22. Vaccara S., Gramanzini G. L'ONU proteggerà il patrimonio culturale dei paesi in conflitto. *La Voce di New York*. 25 Mar 2017. URL: <https://www.lavocedinyork.com/onu/2017/03/25/lonu-proteggera-il-patrimonio-culturale-dei-paesi-in-conflitto/> [Accessed: 02.18.2020].
23. Bakonga K.F. Historical Resolution for the Protection of Cultural Heritage. *UNESCO Courier*. 2017. №3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kurer-yunesko/yu3-2017/34152-is-toricheskaya-rezolyuciya-dlya-zaschity-kulturnogo-naslediya.html> [Accessed: 02.18.2020] (In Russ).
24. UN Charter, 1945. URL: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-vii/index.html> [Accessed: 02.18.2020].
25. Decision (EU) 2017/864 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 on a European Year of Cultural Heritage (2018). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/>

- [EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017D0864](#) [Accessed: 02.18.2020].
26. European Commission, Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on the import of cultural goods, COM(2017) 375 final, July 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2017%3A375%3AFIN> [Accessed: 02.18.2020].
27. Details of Treaty No.221. Council of Europe Convention on Offences relating to Cultural Property. Nicosia, 19/05/2017. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/221?coeconventions_WAR_coeconventionsportlet_languageId=ru_RU [Accessed: 02.18.2020].
28. Protecting cultural heritage from terrorism and mass atrocities: links and common responsibilities, September 26th, 2017. URL: https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interventi/2017/10/discorso-dell-on-ministro-all-evento_8.html [Accessed: 02.18.2020].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия В. Воробьева, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
iuliya.vorobeva@gmail.com

Iuliya V. Vorobyova, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
iuliya.vorobeva@gmail.com

Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В исследовании изменений концептуальных основ российской внешней политики с момента становления до наших дней важное место занимает систематизация факторов, обстоятельств и тенденций, предопределивших начало преодоления ошибок и заблуждений 90-х годов и переход к ее доктринальной суверенизации. Распад СССР стал лакмусовой бумажкой отношения Запада, прежде всего США, к новой России. Не имеющий исторического прецедента столь стремительный — в одночасье — обратный формационный скачок от «реального социализма» к реальному капитализму, никак и никем не ожидаемый переход от конфронтационной биполярности к монополярной однополярности предопределили надежды Б. Ельцина и его ближайшего окружения на устранение былых геополитических антагонизмов, переизбыток завышенных ожиданий относительно готовности коллективного Запада во главе с США к равноправному диалогу с Россией. Это отчетливо проявилось в связи с разработкой первой концептуальной модели внешней политики России 1993 г., которая по ряду базовых параметров имела выраженный американоцентричный характер. Идея «вестернизации» внешнеполитической деятельности России продвигалась, прежде всего либеральными кругами, как панацея от ликвидации идеологических и политических опор советского строя, преодоления глубочайшего социально-экономического кризиса с надеждой, а то и с убежденностью, что «благожелательный гегемон» США и Запад в целом «нам поможет». Автор исходит из того, что обращение к истокам формирования концептуальной базы международной деятельности России, учет недооцененных или, наоборот, переоцененных факторов, имеет важное практическое значение для актуализации и оптимизации внешнеполитической стратегии нашей страны, совершенствования работы российской дипломатии и повышения ее эффективности в борьбе с новыми международными вызовами и угрозами.

Ключевые слова: Россия, Запад, США, многополярность, международная безопасность

Для цитирования: Неймарк М. А. Внешняя политика России: от «нового мышления» к новому стратегическому мышлению. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):171-189. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-171-189>

Статья поступила 12.03.2020

Принята в печать 14.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Russian Foreign Policy: from “New Thinking” to New Strategic Thinking

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

mark.neimark@mail.ru

Abstract: While studying the changes in the conceptual foundations of Russian foreign policy from its inception to the present day, an important place is occupied by the systematization of factors, circumstances and trends that predetermined the beginning of overcoming mistakes and errors of the 90s and the transition to its doctrinal sovereignty. The collapse of the USSR became the litmus test of the attitude of the West, primarily the USA, to the new Russia. Having no historical precedent, such a swift — overnight — reverse formation leap from «real socialism» to real capitalism, and by no means the expected transition from confrontational bipolarity to monopolistic unipolarity, predetermined the hopes of B. Yeltsin and his immediate circle for the elimination of past geopolitical antagonisms, high expectations regarding the readiness of the collective West, led by the United States, for an equal dialogue with Russia. That clearly emerged with the regard to the elaboration of the first conceptual model of the foreign policy of Russia in 1993 that in a number of basic parameters had a pronounced american-centric character. The idea of the “westernization” of the foreign policy activity of Russia was pushed primarily by the liberal circles as a panacea for the elimination of the ideological and political pillars of the Soviet system, overcoming the deepest social and economic crisis with the hope, and even with the conviction that the «benevolent hegemon» of the United States and the West as a whole «will help us». The author proceeds from the fact that referring to the sources of the formation of the conceptual base of international activity of Russia, taking into account underestimated or, conversely, overestimated factors, is of great practical importance for updating and optimizing the foreign policy strategy of our country, improving the work of Russian diplomacy and increasing its effectiveness in the fight against new international challenges and threats.

Keywords: Russia, West, USA, multipolarity, international security

For citation: Neimark M. A. Russian Foreign Policy: from “New Thinking” to New Strategic Thinking. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):171-189. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-171-189>

Received 12.03.2020

Revised 14.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ (ОТ НАДЕЖД К РАЗОЧАРОВАНИЯМ)

Первый опыт доктринальных построений внешнеполитической стратегии России

оказался неудачным. Иллюзии, заблуждения и ошибки авторов Концепции внешней политики 1993 г. зеркально отражали слож-

нейшие объективные условия, в которых она разрабатывалась: кризис государственной субъектности, системно-формационная трансформация государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис, ускоренное наслоение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных рядов и, как следствие, кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванных распадом СССР.

С развалом СССР обрушились сами основы советской идентичности с вытекающими отсюда внутриполитическими последствиями, которые незамедлительно сказались на базовых экономических, военно-стратегических, ценностных и культурно-гуманитарных параметрах геополитического статуса страны.

Без преувеличения можно сказать, что это был экзистенциальный кризис. В. В. Путин так оценивал ситуацию в стране: «Россия переживает один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200-300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира» [1]. К этой острой теме он возвращается неоднократно, заявляя со всей откровенностью и прямоотой: «Вопрос стоит гораздо острее и драматичнее. Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики?» [2].

Не имеющий исторического прецедента столь стремительный — в одночасье — обратный формационный скачок от «реального социализма» к реальному капитализму предопределил ту поспешность, с которой была обозначена установка на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом. В этой связи принци-

пальное возражение вызывает точка зрения, сводящая совокупность множественных факторов и причин исчезновения Советского Союза и его «обратного» формационного скачка от социализма к капитализму к ошибкам и промахам дипломатии: утверждают будто «именно дипломатия, а не крах коммунизма привела к объединению Германии, отказу СССР от своего превосходства в обычных вооружениях, краху Организации Варшавского договора и распаду СССР» [3, с. 49]. Между тем центром принятия стратегических внешнеполитических решений дипломатия не была; они определялись не министерством иностранных дел, а политбюро ЦК КПСС, генсеком, позднее первым президентом страны, М. С. Горбачевым.

При всех преходящих, в том числе субъективных, обстоятельствах, решающее и долговременное воздействие на формирование российской внешней политики оказывали неодолимые в краткий срок объективные факторы. Свобода инициативы в международных делах и геополитическая самоидентификация только что возникшего государства жестко ограничивались сократившимися внутренними и внешними возможностями. «Кто бы и как бы не подвергал ретроспективной критике зачинателей российской внешней политики, не их заблуждения и ошибки, а суровая действительность вынуждала еще так недавно могучую державу смириться с падением на значительно более низкий уровень международной геополитической значимости. Как можно было ожидать быстрого подъема авторитета на мировой арене страны, находившейся в состоянии глубокого экономического кризиса и политической нестабильности, страны, поставленной судьбой на грань бытия или небытия» [4, с. 149].

Осознать адекватно, в полной мере, гигантский геополитический сдвиг в столь

ограниченное время, которое отводилось для проработки первых концептуальных основ внешней политики России, было, конечно, практически невозможно. Надо было заново осмыслить весь комплекс факторов, определяющих параметры, основные направления и содержательное наполнение установок в отношении различных стран и регионов, наметить и зафиксировать меры, направленные на противодействие реальным и потенциальным угрозам, и решение острейших проблем, конфликтных ситуаций — ожидаемых и непредвиденных.

Между тем, едва став министром, А. В. Козырев сразу же объявил исходный концептуальный подход к его последующим действиям, основанный на форсированно полярных идеологических противопоставлениях, суть которых определял принцип «от противного»: для России США и другие западные демократии — «столь же естественные друзья и в перспективе союзники, как они были врагами для тоталитарного СССР». Несмотря на резкое ослабление позиций России в мире, он утверждал, явно выдавая желаемое за действительность, что национально-государственные интересы России и Запада в силу общих демократических убеждений «не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в подавляющем большинстве международных вопросов». Более того, уравнивая далеко не равноценные в тот период геополитические потенциалы России и США, он говорил об их исторически обусловленных возможностях совместно влиять на ход мировых дел, поскольку у них есть все необходимое, чтобы сыграть роль катализатора глобального партнерства» [5].

Между тем американские лидеры считали распад СССР историческим поражением в «холодной войне» и в логике их реальной политики проигравшая сторона была не в праве вести себя на равных

с победившей. Об этом со всей откровенностью высказался патриарх политической элиты США З. Бжезинский, который писал, что сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно США, в отношении тогдашнего российского руководства ободрила постсоветских «прозападников» в российском внешнеполитическом истеблишменте, усилив его проамериканские настроения. Новым лидерам льстило, уточнял он, быть на коротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы. Не без налета самонадеянного политического хитроумия, за которым едва скрывалось неослабевающее стремление США вытеснить Россию на обочину мировой политики, он подчеркивал, что именно американцы запустили в оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой и поэтому «русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству» [6, с. 123]. Более того, в еще более жестких, хлестких выражениях, показывающих реальное отношение США к новой России, Бжезинский охарактеризовал концептуальные определения приоритетных направлений внешней политики России, которые, по его словам, «оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантастических взглядов на нынешнюю мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом» [6, с. 122].

Его оценка американской позиции по отношению к новой России, провозгласившей готовность к стратегическому взаимодействию с США, завершалась красноречивым обобщающим выводом, что зрелое стратегическое партнерство «между двумя «демократиями» оказалось иллюзорным. Причина: Россия стала слишком отсталой

и слишком опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы взаимодействовать на равных с США. «И эту основную реальность не могла затушевать высокопарная риторика о партнерстве» [6, с. 128]. Позднее он добавит, что политика США в отношении новой России была богата не только риторикой, но и «великодержавными жестами и стратегической пустотой» [6, с. 569].

Процесс выработки внешнеполитической стратегии России проходил под давящим воздействием множества объективных переплетающихся факторов, причин и обстоятельств, о которых говорилось выше. Не менее важным был субъективный, точнее, субъективно-личностный фактор, который нередко выходил на первый план, становясь приоритетно главным. Как отмечалось на экспертном уровне, российское руководство ожидало «премий» за крах коммунизма, как минимум — благожелательного адаптационного периода. Ничем не сдерживаемая пропаганда твердила о грядущем «золотом дожде» западной помощи и инвестиций». Прием в основные международные организации (МВФ, ГАТТ, Г-7, ОЭСР, КОКОМ, Европейский союз, даже НАТО) «виделся триумфальным торжеством, объятиями Запада» за ликвидацию военной угрозы, за добровольное изменение геостратегической ситуации в его пользу. «События в очередной раз наказали дилетантов, построивших свои оптимистические прогнозы не на реальном знании Запада, а исходя из иллюзий, внутренней конъюнктуры и попросту безоглядного российского “авось”» [7, с. 12-13].

Ситуацию существенно осложнял такой внеинституциональный центр, как «семья» президента, который играл порой большую роль, чем предусмотренные конституцией институты. Крупный бизнес через ее каналы участвовал в руководстве страной, назначе-

нии министров, принятии законов, избрании губернаторов на своих «вотчинных» территориях, пользовался широким доступом к государственным ресурсам, но не имел привычки платить налоги [8, с. 277].

Б. Н. Ельцин, задававший внешнеполитический вектор страны, не был умудренным геополитическим стратегом. Не обладал должным стратегическим мышлением и А. В. Козырев, стремительно вознесшийся из второго, если не из третьего кадрового эшелона союзного МИД на уровень министра иностранных дел РСФСР и столь же быстро занявший пост руководителя дипломатии одной из крупнейших держав мира. Когда российскую дипломатию того времени называли и нередко называют сегодня «козыревской», то с таким определением согласиться нельзя. Это не так. А. В. Козырев не был самостоятельной фигурой и тем более — харизматической личностью. Его зависимость от Б. Н. Ельцина, как, впрочем, и других лиц из ближайшего окружения импульсивного, зачастую непредсказуемого в своих действиях президента, была чрезвычайно высока. Ельцинскому стилю в международных делах А. В. Козырев соответствовал в полной мере. Критика, которую он выслушивал от Б. Н. Ельцина, объективно имела самое прямое отношение к самому президенту. Так, выступая на коллегии МИД РФ в октябре 1992 г. Б. Н. Ельцин подверг критике А. В. Козырева за медлительность в разработке Концепции внешней политики, которая пребывает в плену «кризисного сознания». В результате у западных партнеров по переговорам появляется порой недопустимый стиль в общении, а его, настаивал президент, нельзя «проглатывать»: нужно «в какой-либо косвенной форме выразить свое разочарование» разницей между декларациями о поддержке реформ в России и реальным поведением западных стран.

Более того, в отношении с ними он призвал отказаться от практики выступать в роли «государства, говорящего «да» [9].

Значительная часть Концепции-93, сфокусированная на американоцентризме международной политики, выражала мнение тех российских политологов-либералов, кто призывал «всячески поощрять США к проведению активной линии в мире, к распространению, больше того — к насаждению ценностей рынка и демократии, не исключая и земли бывшего СССР, к вмешательству во внутренние дела других государств, в первую очередь — в наши собственные, в пользу продвижения этих ценностей. И не нужно бояться «попасть в зависимость» от США «... и ни в коем случае не надо нагнетать страсти по поводу утраты нами своей самобытности, неповторимости, уникальности, по поводу потери статуса и атрибутов великой державы, лишения голоса на мировой арене». Такая откровенная апологетика американоцентризма: — «без интенсивного подключения Запада, в первую очередь США, к внутренним процессам на территории бывшего СССР ни России, ни бывшим союзным республикам в пределах обозримого будущего не светит перспектива превратиться в нормальные, экономически благополучные, демократические государства» [10, с. 43] обосновалась весьма специфически, с привлечением теоретических выкладок как международно-политического, так и внутриполитического свойства. Признавалось, что США привержены опоре на военную силу, привыкли к доминированию в мире, стараются привязывать к себе другие страны не только посредством механизмов внешне- и военно-политической координации, но и «путем синхронизации внутреннего общественно-го развития этих стран по американскому эталону». Но и в этом сторонники такого подхода не видели никакой опасности

американского гегемонизма для России. Главный аргумент — в высшей степени удивительный: «Современные Соединенные Штаты не способны к проведению гегемонистской политики». В обоснование приводились следующие причины: 1. США не подготовлены к этому ни в социальном, ни в политическом, ни в психологическом, ни в материальном отношении; 2. Гегемонизм — это закономерное порождение тоталитарного общества, внешнеполитическая форма его бытия; 3. Распространение ценностей демократии, рынка и гегемонизм — это антитезы.

В конечном счете совокупностью этих объяснений апологеты американоцентризма подводили к постоянно опровергаемому самой жизнью выводу, будто США, забыв собственные национально-государственные интересы, продвигают в мире универсальные, конечно же американские ценности, преследуя одну благородную цель — постепенное, эволюционное выравнивание уровней социального и экономического развития различных регионов и «этот процесс объективно плохо совместим с идеалом централизованного управления миром» [10, с. 42].

В результате в отношениях с США главной была установка «на стратегическое партнерство, а в перспективе — на союзничество». Фиксировалось отсутствие антагонистических противоречий с ними, хотя, как оговаривалось, что не означает полной бесконфликтности, возможность разногласий сохранялась.

Возможности и перспективы российско-американского партнерства исходно размывались отсутствием в нем базовых составляющих, не говоря уже о насущной необходимости их комплексной практико-политической увязки. Не было ни системы определения совпадающих национально-государственных интересов, не был выработан

совместный действенный механизм принятия решений и соответственно не было механизма реализации этих решений, а главное — не было механизма реализации этих решений на равноправной основе.

Отдельные компоненты политико-мировоззренческой преемственности вошли в адаптированно-модифицированном виде в К-93. Воспроизводилась, хотя и с оговорками, горбачевская логика «нового политического мышления», базировавшаяся на идее общечеловеческих ценностей. Именно она цементировала концепцию «демократической солидарности», исходно предполагающую некую солидарную общность внешнеполитических приоритетов и интересов РФ с государствами, еще недавно, в условиях предельно идеологизированной биполярности, стратегически ориентированных на противостояние с СССР. Отсюда — ставка на возможность бесконфликтного сосуществования России с Западом во главе с США без должного прагматичного учета совокупности факторов, предопределявших реальную стратегическую заданность их геополитических целей.

В этом концептуальном контексте уже не заблуждением, а принципиальной ошибкой выглядел базовый приоритет внешней политики России, который нес отчетливый отпечаток «нового политического мышления»: обеспечение только лишь «политическими средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет, независимость и территориальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ, в близлежащих регионах и в мире в целом» (выделено — М.Н.).

АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

В сравнении с тусклым «kozyревским» периодом российской дипломатии к концу 1990-х гг. в ее доктринальной активности и практической работе произошли замет-

ные позитивные изменения. 2000 год обозначил поворот в трансформации политической идентичности России. Динамика ее формирования вплоть до принятия новой редакции концепции внешней политики 2008 г. «в определенной степени встраивается в логику этого поворота». Вместе с тем с течением времени политическая идентичность наполняется новыми содержательными элементами, которые все в большей степени очерчивают ее конфигурацию [11, с. 8]. Были отброшены наиболее устаревшие положения и выводы, в той или иной степени искажавшие представления о путях и перспективах развития внешней политики страны. В значительной степени был преодолен переходный характер многих подходов предшествующего десятилетия, отражавших неустойчивость положения России в мире. Хотя, синтез новых идей и подходов, востребованных самой жизнью, все же еще не дошел до полноценного воплощения: слишком непредсказуемо тяжелым оказался груз начального противоречивого становления постсоветской российской государственности и соответственно формирования концептуального базиса внешней политики страны.

Уходил в прошлое гипертрофированный акцент на сугубо западный внешнеполитический вектор, прежде всего и главным образом американоцентризм, диктовавший логику, законы и правила чужой геополитической игры. Об этом свидетельствует, в частности, сам факт внесения в редакцию Концепции внешней политики РФ 2000 г. самокритичной констатации: «Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в “Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных распоряжением Президента

Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. №284-рп и в других документах»» [12].

В российской дипломатии возобладал стратегически взвешенный подход, позволяющий в отношениях с постсоветскими государствами действовать с адекватным учетом новых реальностей и взаимных интересов, а также степени подвижности самой шкалы «притяжение — противостояние», «столкновение интересов — партнерское взаимодействие».

Изменения внешнеполитической стратегии России явственно обозначились в новой редакции Концепции, утвержденной в 2000 г. (далее К-2000), которая стала второй попыткой концептуализации внешней политики России. Она уже во многом отличалась от первой концептуальной модели внешней политики страны, отдельные ошибки и просчеты которой проявились фактически сразу, другие — в последующие годы. Не прошло и трех лет после утверждения К-93, как Б. Н. Ельцину пришлось признать: «Далеко не все проходило гладко. Медленно формировались новые внешнеполитические интересы России. Не всегда удавалось точно сбалансировать все факторы, были запаздывания, отклонения от утвержденных основ внешней политики, разница между провозглашенным курсом и реальным исполнением. Все это приходилось поправлять, отлаживать» [13].

Осмысливая причины несогласованности российской внешней политики в 1990-е гг., А.Г. Арбатов сводил их к главному: МИД старался выполнять свою работу, а на высшем уровне исполнительной и государственной власти не делалось почти ничего для реализации достигнутых соглашений; ведомственные программы, федеральный бюджет и договоры с другими державами — все тянули политику в разные стороны; за границей давали торжественные обещания, а дома о них тут же забывали [14, с. 97].

Несовершенство исходных оснований и критериев формирования внешнеполитической линии страны отмечал И.С. Иванов, сменивший в сентябре 1998 г. Е.М. Примакова на посту министра иностранных дел РФ. Он признавал, что российской дипломатии далеко не всегда удавалось избегать иллюзий и внешнеполитических просчетов. Главная российская иллюзия 1990-х гг., по его оценке, состояла в романтическом представлении о мире после «холодной войны». Казалось, что место для новой России в новой системе мировой политики уже зарезервировано, что партнеры легко поймут текущие сложности в стране и помогут в трудных вопросах. «По сути дела, мы надеялись — хотя никто не произносил это вслух — что нашу работу кто-то сделает за нас только потому, что Россия в одностороннем порядке завершила холодную войну и отказалась от значительной части советского наследия. Мы существенно недооценили жесткость, даже жестокость современной политики, и переоценили готовность наших партнеров к стратегическому видению и масштабным решениям. Прозрение наступило далеко не сразу, и оно оказалось весьма болезненным» [15, с. 17].

Все более очевидной становилась обоснованность звучавшей в России критики прозападных внешнеполитических подходов, которая в обобщенном виде предупреждала: не в стратегических государственных интересах формировать новый концептуальный стержень и новые параметры внешней политики страны за счет упрощенного освоения чужого и еще совсем недавно чуждого зарубежного опыта без должного всестороннего учета особенностей кардинально изменившихся геополитических условий после исчезновения с мировой арены СССР.

К-2000, преемственно сохранив все то, что продолжало работать на внешне-

политическую перспективу страны, привнесла обновленные подходы, прагматически ориентированные на укрепление суверенной государственности России и укрепление ее позиций в мире. В отличие от вынужденной концептуальной скорописи внешней политики России в начале 1990-х гг., разработка К-2000 велась с более длительной практико-политической оглядкой на те тревожные тенденции и процессы в мировой политике и международных отношениях, которые в предшествующие годы мешали возрождению России в качестве глобального игрока, с мнением которого нельзя не считаться.

Если на начальном этапе разработки концептуальных основ внешней политики России декларировались далекие от объективности оценки места и роли страны в постбиполярный период, а также романтические, излишне радужные прогнозы формирования нового мирового порядка, при том, что многие важнейшие проблемы, стоявшие перед Россией, излагались в общем плане, либо никак не находили своего отражения, то по мере приближения к началу нового столетия ситуация заметно менялась. Уходил в прошлое период, когда российская дипломатия отличалась непоследовательностью, импульсивностью, романтизмом, конъюнктурным подходом и отсутствием должного профессионализма [16, с. 24, 26-27].

К концу 1990-х гг. вряд ли кто-нибудь из российских политиков взялся бы оспаривать тот факт, что первоначальные надежды добиться стратегического партнерства с США не оправдались ни в частностях, ни тем более — целиком. Как отмечал С.В. Кортунов, нельзя было ожидать, что Вашингтон за спиной своих западных союзников по НАТО пойдет на соглашение об «особых» отношениях с Москвой. Наивно было рассчитывать и на то, что США предпочтут

слабую Россию своим западным партнерам, таким, как Япония и Германия. «Как показал опыт 1991-1995 гг., попытки “подыгрывать” Вашингтону, попрошайничать и заискивать перед ним в расчете на благосклонность американцев обрекают нас на второстепенную роль, когда “старший партнер” все меньше считается с интересами “младшего”» [17, с. 165].

После приема в НАТО Венгрии, Польши и Чехии, а также в результате тесного военного сотрудничества с альянсом Болгарии и Румынии военная группировка НАТО, в том числе авиационная, продвинулась на Восток на 650-700 км. Состав объединенных ВВС НАТО увеличился по тактической авиации на 17-20%. НАТО получила в свое распоряжение 290 аэродромов передового базирования, созданных и использовавшихся ранее группами войск СССР, где можно сосредоточить до 3,5 тысяч боевых самолетов. В результате НАТО получила возможность наносить ракетно-бомбовые удары вплоть до Волги и Урала, уничтожать позиции стратегических ракет России [18, с. 165].

Разработка К-2000 свидетельствовала о возросшей геополитической зрелости российской внешней политики. Это проявилось в переосмыслении ряда подходов к тем установкам, которые считались основополагающими в К-93. Важнейшим изменением следует считать отход от вынужденного ограничения суверенного права России самостоятельно определять пути собственного политического и экономического развития, отказ от фактически, по сути, принятых на себя обязательств по реформированию государственного строя по американским лекалам, зафиксированным в Хартии российско-американского партнерства и дружбы 1992 г.

Изменения, которые учитывались в ходе обновления Концепции внешней политики

России, были предопределены также особенностями сложных и противоречивых политических, экономических и социальных процессов в самой стране. К концу 1990-х гг. в оценочном восприятии внешней политики России в отечественном политологическом сообществе прослеживались три точки зрения. Сторонники первой считали, что внешнеполитический курс страны не реализуется должным образом, деятельность российской дипломатии недостаточно эффективна. Приверженцы второй исходили из того, что в столь сложный переходный период сделан максимум возможного. Третья, конструктивно-критическая, отталкивавшаяся от того, что доктринальные установки тех лет фиксировали лишь общие принципы и краткосрочно-тактические приоритеты внешнеполитической деятельности России без учета долгосрочных стратегических перспектив ее развития, ориентировала на переосмысление на качественно новой основе сущностного содержания ее национально-государственных интересов.

При всех отличительных особенностях каждой из этих точек зрения у них был объединяющий стержень — исходная базовая оценка состояния экономики страны, задававшей параметры желательного и возможного в реализации ее внешнеполитического курса. Выделяя особенности депрессивного состояния дел в экономике России того периода, В. В. Путин констатировал: «Экономические проблемы России — накопленные в предыдущие десятилетия, десятилетия стагнации и кризисов — никуда не делись... В последние годы экономического роста нам удалось разве что не увеличить отставание от других стран» [19].

Таким образом, объективных условий для коренного пересмотра приоритетов внешней политики России было явно недостаточно, поскольку на протяжении 1990-х

гг. Россия все еще представляла собой полупериферийную зону в глобальном пространстве.

Тот факт, что в анализируемый период с его переходным характером международных отношений ослабленная Россия не имела реальных возможностей настаивать в международном сообществе на своем видении проблем ни в одном принципиальном вопросе глобальной политики, было обусловлено сочетанием следующих факторов: объективно лидирующей ролью США на нынешнем этапе мирового развития; необходимостью для России «вписаться» в сообщество ведущих государств и союзов в качестве партнера (чему мешал ряд объективных факторов, а не только наследие «холодной войны»); а отсюда — ограничением возможности использовать право вето в СБ ООН (тем более в условиях снижения роли ООН); неопределенностью политической роли главного актива России — ее стратегического потенциала; отсутствием у России достаточно широкого и гибкого, хорошо координируемого арсенала средств влияния на ее основных партнеров [20, с. 10-11].

Назначение в 1996 г. министром иностранных дел Е.М. Примакова вместо отправленного в отставку А. В. Козырева само по себе стало знаковой приметой переоценки мирополитических процессов в целом и переосмысления внешнеполитических задач и приоритетов России.

Е.М. Примаков не был антизападным политиком как его ошибочно представляли в политических элитах Запада. Харизматичный государственный деятель, глубокий аналитик, всесторонне осведомленный в силу своих предшествующих занятий о положении дел в стране и мире, жесткий — в меру — государственный, Е.М. Примаков испытывал к влиянию Запада на российскую политику понятную насторожен-

ность: «Как и многие, он осуждал не линию на сотрудничество с США и ЕС, а политику «безоговорочного согласия» с исходящими от Запада инициативами» [21, с. 59].

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ

С президентства В. В. Путина началось сближение России с Западом на качественно новой основе. «И если еще не с позиции паритета потенциалов и статусов, то уже никак не в роли младшего партнера. Главное же новшество заключалось в том, что очередной разворот России лицом к Западу не означал повторения прежних моделей их взаимоотношений, носивших на себе так или иначе печать мечтаний о межсистемной конвергенции» [4, с. 283].

Все это вместе взятое привело к тому, что в отличие от первого концептуального опыта внешней политики России К-2000 представляла уже систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности страны.

Целевые установки документа стали более взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Воспроизведенное из прежней Концепции — всего лишь один раз — определение России как великой державы увязывалось с задачей сохранения и укрепления прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей степени отвечают интересам России как одного из влиятельных центров современного мира и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала. В этом контексте подчеркивалась необходимость воздействия России на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка на равноправных и партнерских отношениях между государствами.

Четко, не допуская каких-либо произвольных интерпретаций, как это позволяли

отдельные положения К-93, было заявлено, что поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями определяется национальными приоритетами России, на основе которых выстраивается система партнерских и союзнических отношений, улучшающих условия и параметры международного взаимодействия. Важным внешнеполитическим императивом становилась всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

Впервые на первый план внешнеполитической деятельности в качестве практической задачи выдвигалось содействие позитивному восприятию России в мире, требование вывести на должный уровень популяризацию русского языка и культуры народов РФ за рубежом.

Вместе с тем, ретроспективно оценивая раздел К-2000 «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации», забеганием «вперед» представляется тезис о прекращении конфронтации и последовательном преодолении последствий «холодной войны». Явно преждевременным выглядело утверждение о создавшихся предпосылках для более стабильного и кризисоустойчивого мирового устройства. Этот вывод слабо согласовывался с идущей вслед констатацией зарождения в международной сфере новых вызовов и угроз национальным интересам России, усиления тенденции к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. Отмечалось, что при решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН. Более того: «Стратегия односторонних действий может дестабилизировать меж-

дународную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь. Применение силовых методов в обход действующих международно-правовых механизмов не способно устранить глубинные социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, и лишь подрывает основы правопорядка».

Серьезным препятствием на пути обеспечения кризисоустойчивого мирового порядка становились масштабы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Особо подчеркивалась угроза международному миру и безопасности, которую представляют неурегулированные или потенциальные региональные и локальные конфликты. К тому же, как было зафиксировано в К-2000, существенное влияние на глобальную и региональную стабильность начал оказывать рост международного терроризма, транснациональной организованной преступности, а также незаконного оборота наркотиков и оружия.

Важнейшим отличием от К-93 стало предостережение против нарушений Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны — краеугольного камня стратегической стабильности и соответственно против реализации американских планов ПРО, которые, как подчеркивалось в К-2000, вынудят Россию принять адекватные меры по поддержанию на должном уровне своей национальной безопасности.

В рамках четко обозначенного курса на участие совместно с другими государствами в предотвращении распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, средств их доставки, а также соответствующих материалов и технологий, Россия настаивала на укреплении и развитии профильных междуна-

родных режимов, включая — что становилось все более актуальным геополитически — создание глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

В свете отмеченных выше новых опасных вызовов и угроз в качестве важнейшей внешнеполитической задачи на первый план выдвигалась борьба с международным терроризмом, способным дестабилизировать обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах. Подчеркивалась необходимость дальнейшей разработки мер по усилению взаимодействия государств в этой области.

В сфере международных экономических отношений главным приоритетом внешней политики России определялось содействие развитию национальной экономики, которое в условиях глобализации немыслимо без широкого включения страны в систему мирохозяйственных связей. Ставилась задача обеспечить благоприятные внешние условия для формирования в РФ экономики рыночного типа, которая впервые конкретизировалась, в частности, в установке на становление обновленной внешнеэкономической специализации РФ, гарантирующей максимальный экономический эффект от ее участия в международном разделении труда.

При этом императивным требованием становилось сведение к минимуму рисков при дальнейшей интеграции России в мировую экономику с учетом необходимости обеспечения экономической безопасности страны. В тесной взаимосвязи с этими установками формулировались следующие задачи: содействовать привлечению иностранных инвестиций в первую очередь в реальный сектор и приоритетные сферы российской экономики, приводить обслуживание российского внешнего долга в соответствие с реальными возможностя-

ми страны, добиваться максимального возврата средств в счет кредитов иностранным государствам.

В отдельный целостный формат в К-2000 впервые выделялось информационное сопровождение внешнеполитической деятельности России. Здесь во главу угла ставилось доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества. На передний план выдвигалась задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемый элемент этой работы — целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходящих в стране процессов. Подчеркивалась политическая актуальность ускоренного развития в стране собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом.

В качестве приоритетного регионального направления внешней политики России К-2000 определяла многостороннее и двустороннее сотрудничество со странами СНГ с ясно выраженным акцентом на обеспечение его соответствия задачам национальной безопасности страны. Упор продолжал делаться на развитии добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми государствами-членами СНГ, но практические отношения с каждым из них должны были строиться с учетом встречной открытости для сотрудничества, готовности адекватно учитывать интересы России, в том числе в обеспечении прав российских соотечественников.

Параметры и характер такого взаимодействия исходно определяла концепция

разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ. Первостепенная задача — укрепление Союза Беларуси и России как высшей формы интеграции двух суверенных государств. Серьезный акцент был сделан на развитии экономического сотрудничества, включая создание зоны свободной торговли, реализацию программ совместного рационального использования природных ресурсов, в частности выработки статуса Каспийского моря с учетом взаимных интересов прибрежных государств. Особое внимание уделялось практическому обеспечению выполнения взаимных обязательств по сохранению и приумножению в государствах-членах СНГ общего культурного наследия.

Эти и другие положения раздела, посвященного СНГ, отражали озабоченности, которые неоднократно высказывало руководство России. Отмечая возрастающую практико-политическую и экономическую значимость отношений России со странами СНГ, Б. Н. Ельцин вместе с тем откровенно обозначил ключевые проблемы и трудности, которые мешают их конструктивному развитию: «Говоря о Содружестве в целом, мы не можем не констатировать, что, к сожалению, ни экономически, ни политически, оно пока не стало тем механизмом, который надежно обеспечивает условия для взаимовыгодного сотрудничества. Для этого мы обязаны на практике решительно утверждать принцип равноправия: мы все равны, среди нас нет ни младших, ни старших братьев... К каждому государству СНГ нужно найти свой особый подход, не ущемляющий наших соседей» [22].

Вместе с тем, признанием чрезмерных иллюзий в начале 1990-х гг. относительно политики Запада на постсоветском пространстве стало заявление Б. Н. Ельцина о необходимости российской дипломатии «решительнее противостоять “двойным

стандартам” в подходах к урегулированию конфликтов на территории СНГ. Они — вызов региональной безопасности» [23].

Традиционно приоритетным вошел в К-2000 европейский блок внешней политики России. Главная цель — создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. Документ постулировал заинтересованность России в дальнейшем сбалансированном развитии многофункционального характера ОБСЕ и готовность решительно противодействовать сужению ее функций, а также попыткам перепрофилировать ее деятельность на постсоветское пространство и Балканы.

Ключевое значение придавалось отношениям России с Евросоюзом. Процессы, происходящие в ЕС, рассматривались под углом зрения их растущего влияния на динамику ситуации в Европе. Имелись ввиду проблемы расширения ЕС, перехода к единой валюте, институциональной реформы, становления общей внешней политики и политики в области безопасности, оборонной идентичности. Взвешенно-критически оценивалось состояние отношений Россия-ЕС в рамках соглашения от 24 июня 1994 г., которое «еще не заработало в полную силу». Вместе с тем К-2000 исходила из того, что конкретные проблемы, связанные прежде всего с адекватным учетом интересов российской стороны, будут решаться на основе одобренной в 1999 г. Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом. Пристальное внимание уделялось формирующемуся военно-политическому измерению Евросоюза.

Показательна динамика изменений общественного мнения, зафиксированных в этот период, по отношению к интегрированной Европе. В апреле 2001 г. Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) со-

вместно с московским представительством Фонда Ф. Эберта провел экспертный опрос по проблемам, в частности российско-европейских отношений. Оценивая будущее России в их контексте, 20% опрошенных экспертов высказали мнение, что Россия восстановит статус великой державы и будет играть решающую роль в европейских делах, не интегрируясь в ЕС, 21% — что Россия не интегрируется в европейские структуры и превратится в периферийную страну, 15% — что, интегрировавшись в Европу, Россия станет одним из ее лидеров, а 33% опрошенных считали, что Россия интегрируется в Европу, но в качестве обычной страны. Отвечая на вопрос о причинах сложности, с которыми сталкивались Россия и объединенная Европа в процессе выстраивания взаимных отношений, 71,9% экспертов поставили на первое место предубеждения Запада против России. Причем — что очень важно — это касалось сторонников самых разных идейно-политических ориентаций и внешнеполитических концепций [24, с. 41-43]. Хотя 36% опрошенных экспертов считали, что Россия должна занять жесткую бескомпромиссную позицию и всячески противодействовать расширению НАТО на Восток, тем не менее большинство из них (51%) склонялись к поиску компромисса в этом вопросе. Причем, к компромиссам в гораздо большей степени были склонны эксперты-западники — так считали 69,9% из них, а 55,7% традиционалистов придерживались противоположной позиции. [24, с. 41].

Подход к НАТО определялся в К-2000 двумя составляющими. С одной стороны, Россия заявляла о своей открытости для конструктивного взаимодействия с альянсом в интересах поддержания безопасности и стабильности на континенте. Предпосылки для такого взаимодействия содержались в основополагающем акте

о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 г. С другой стороны, по целому ряду параметров политические и военные установки НАТО не только не совпадали с интересами безопасности России, но и прямо противоречили им. В первую очередь это касалось положений новой стратегической концепции НАТО, не исключающих ведения силовых операций вне зоны действия Вашингтонского договора без санкций Совета Безопасности ООН. При этом Россия сохраняла негативное отношение к расширению НАТО.

Позитивный настрой России на развитие диалога и сотрудничества с НАТО сопровождался и другими принципиальными оговорками. Так, в документе подчеркивалось, что насыщенное и конструктивное сотрудничество между Россией и НАТО станет возможно лишь в том случае, если будет строиться на основе должного учета интересов сторон и безусловного выполнения принятых на себя взаимных обязательств. Оговаривалась и прямая зависимость интенсивности сотрудничества с НАТО от неприкосновенности ее силы и угрозы силой, размещения на территориях новых членов альянса группировок обычных вооруженных сил, ядерного оружия и средств его доставки.

Существенному переосмыслению подвергся раздел К-2000, посвященный отношениям с США. В отличие от К-93, объемом заметно превышавший другие, этот раздел не только многозначительно сократился в несколько раз, но и занял место после Западной Европы и конкретно — Евросоюза.

В отношениях с США К-2000 фиксировала наличие серьезных, в ряде случаев принципиальных разногласий. Несмотря на это Россия заявляла о готовности к их преодолению и сохранению создававшейся на протяжении почти десяти лет инфраструктуры

российско-американского сотрудничества. Оно рассматривалось как необходимое условие улучшения международной обстановки и обеспечения глобальной стратегической стабильности. Прежде всего это касалось проблем разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных региональных конфликтов. Особо подчеркивалось, что только при активном диалоге с США возможно решение вопросов ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений. Во взаимных интересах поддерживать регулярные двусторонние контакты на всех уровнях, не допускать пауз в отношениях, сбоев в переговорных процессах по основным политическим, военным и экономическим вопросам — такова была практико-политическая установка К-2000, которая явственно отражала преемственность с К-93, однако с тем трезвым учетом негативных, идущих вразрез с интересами России тенденций, которые в значительной степени определяли характер отношения к ней со стороны США.

В новой редакции Концепции 2000 года восполнялся существенный пробел в К-93. Появилось скорректированное, геополитически важное положение о развитии региональной и субрегиональной интеграции не только в Европе, но и в Азиатско-тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке: интеграционные объединения приобретают все большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности и миротворчества. Вместе с тем, документ предупреждал, что в условиях военно-политического соперничества, этнонационального и религиозного экстремизма интеграционные процессы приобретают зачастую избирательно-ограничительный характер. Особо подчеркивалось,

что попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений создают угрозу произвольного вмешательства во внутренние дела.

С учетом возрастающего значения Азии в мировой экономике и политике в К-2000 был сделан упор на активизации участия России в основных интеграционных структурах Азиатско-тихоокеанского региона — форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по безопасности, в созданной при инициативной роли России «Шанхайской пятерке» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан).

Совпадение принципиальных подходов России и Китая к ключевым вопросам мировой политики рассматривалось как одна из базовых опор региональной и глобальной безопасности. Акцентированно ставилась главная задача — приведение масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем межгосударственных политических отношений.

Поддерживая линию на создании в Азии зон, свободных от ядерного оружия, Россия расценивала подписание Индией и Пакистаном Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и их присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия как важный фактор обеспечения стабильности в регионе.

В сравнении с К-93, где в отношении к обстановке на Ближнем Востоке оценоч-

ную позицию определяли прежде всего и главным образом политические критерии и параметры, К-2000 прагматически ориентировала — в качестве приоритетной задачи — и на восстановлении и укреплении позиций России, особенно экономических, в этом важном для интересов страны районе мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новым моментом стало признание ошибочности зафиксированного в К-93 положения о международной субъектности российских регионов, создававшей опасность размытия государственной суверенности Российской Федерации. В К-2000 было четко заявлено, что субъекты Российской Федерации развивают свои международные связи в соответствии с Конституцией страны, Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и другими законодательными актами. МИД России и другим федеральным органам исполнительной власти ставилась задача оказывать содействие субъектам РФ в осуществлении ими международного сотрудничества «при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации».

Таким образом, прослеженный переход от «нового мышления» к реально новому стратегическому мышлению укрепил основы доктринальной и практико-политической суверенности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий. *Независимая газета*. 1999. 31 декабря.
2. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 11.03.2020)
3. Штруба Е.В. Изменение концептуальных основ внешней политики Российской Федерации в условиях глобализации. *Историче-*

- ская и социально-образовательная мысль. 2009;6:48-60.
4. Быков О.Н. Геополитический статус России (в двух томах). Книга первая. Москва: ИМЭ-МО РАН; 2015. 410 с.
 5. Козырев А. В. Стратегия партнерства. *Международная жизнь*. 1994;5:5-15.
 6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: АСТ; 2016. 702 с.
 7. Лукин В.П., Уткин А.И. Россия и Запад: общность или отчуждение? Москва: САМ-ПО; 1995. 147 с.
 8. Никонов В. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? Москва: «Э»; 2015. 672 с.
 9. Борис Ельцин в МИД: с кем быть и кто виноват. *Коммерсантъ*. 1992. 28 октября.
 10. Спасский Н. Новое мышление по-американски: танго без партнера. *Мировая экономика и международные отношения*. 1992;7:30-43.
 11. Тимофеев И.Н. Эволюция внешнеполитической идентичности России: конец постсоветского периода? Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. Под ред. Мельвиля А.Ю. Москва: МГИМО-Университет; 2007. 176 с.
 12. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 11.03.2020)
 13. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 23 февраля 1996. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> (дата обращения: 11.03.2020)
 14. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. Москва: ЭПИцентр; 1999. 525 с.
 15. Иванов С.И. Будущее — за «умной» внешней политикой. Внешняя политика России 2000-2020 в трех томах. Том 1. Москва: Аспект Пресс; 2012. 220 с.
 16. Панов А.Н. Россия в системе современных международных отношений. в кол. монографии Внешняя политика России 1991-2016. Под ред. Торкунова А. В. Москва: МГИМО-Университет; 2017. С. 23-72.
 17. Кортунов С.В. Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности в контексте проблем глобализации. Москва: Наука; 2003. 616 с.
 18. Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции. Москва: Научная книга; 2002. 416 с.
 19. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию. 18 апреля 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> (дата обращения: 11.03.2020)
 20. Косолапов Н. Мир в начале тысячелетия. Формирование глобального миропорядка и Россия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2004;11:3-13.
 21. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России. *Международные процессы*. 2007;5(1):54-69.
 22. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». 30 марта 1999. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092510&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 11.03.2020)
 23. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действенности государственной власти в России». 16 февраля 1995. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (дата обращения: 11.03.2020)
 24. Эксперты о внешней политике России. *Социологические исследования*. 2002;3:34-43.

REFERENCES

1. Putin V.V. Russia at the turn of the millennium. *Independent Newspaper*. 1999. 31th December. (In Russ.)
2. Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2000. July, 8. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
3. Shtruba E. V. Changing the conceptual framework of the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization. *Historical and Social and Educational Thought*. 2009;6:48-60. (In Russ.)
4. Bykov O. N. Geopolitical Status of Russia (in 2 vol.). Vol. 1. Moscow: IMEMO RAS; 2015. 410 p. (In Russ.)
5. Kozyrev A. V. Strategy of the Partnership. *International Life*. 1994;5:5-15. (In Russ.)
6. Brzezinski Z. Great chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. Moscow: AST; 2016. 702 p. (In Russ.)
7. Lukin V. P., Utkin A. I. Russia and the West: community or alienation? Moscow: SAMPO; 1995. 147 p. (In Russ.)
8. Nikonov V. Code of the Civilization. What awaits Russia in the Future World. Moscow: A; 2015. 672 p. (In Russ.)
9. Boris Eltsin in the MFA: with whom to be and who is to blame. *Коммерсантъ*. 1992, October, 28. (In Russ.)
10. Spassky N. New American Thinking: Tango Without a Partner. *World Economy and International Relations*. 1992;7:30-43. (In Russ.)
11. Timopheev I. N. The evolution of Russia's foreign policy identity: the end of the post-Soviet period? Space and time in world politics and international relations. Materials 4th of the RAMI Convention. In 10 vol. Ed. Melville A. Yu. Moscow: MGIMO-University; 2007. 176 p. (In Russ.)
12. Concept of the foreign policy of Russian Federation of 2000. 2000. July, 11. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
13. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Federation: «Russia for which we are responsible». 1996. February, 23. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
14. Arbatov A. Security: Russian Choice. Moscow: EPICenter; 1999. 525 p. (In Russ.)
15. Ivanov S. I. Future is for «smart» foreign policy. Foreign policy of Russia in 2000-2020 (in 3 vol.). In.: Vol. 1. Moscow: Aspect Press; 2012. 220 p. (In Russ.)
16. Panov A. N. Russia in the system of contemporary international relations in the Foreign Policy of Russia in 1991-2016. Ed. Torkunov A. V. Moscow: MGIMO-University; 2017. pp. 23-72. (In Russ.)
17. Kortunov S. V. The formation of security policy: the formation of national security policies in the context of globalization. Moscow: Science; 2003. 616 p. (In Russ.)
18. Shtol V. V. NATO: dynamics of evolution. Moscow: Science book; 2002. 416 p. (In Russ.)
19. Address of the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2002. April, 18. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
20. Kosolapov N. The world at the beginning of the millennium. The formation of the global world order and Russia. *World Economy and International Relations*. 2004;11:3-13. (In Russ.)
21. Bogaturov A. Three generations of Russian foreign policy doctrines. *International Trends*. 2007;5(1):54-69. (In Russ.)
22. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Federation: «Russia at the turn of the eras». 1999. March, 30. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092510&rdk=&back-link=1> [Accessed: 11.03.2020] (In Russ.)
23. Address of the President of Russia Boris Eltsin to the Federal Assembly of the Russian Fed-

eration: «On the effectiveness of state power in Russia». 1995. February, 16. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html

[vlasti_v_rossii_1995_god.html](http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html)

[Accessed:

11.03.2020] (In Russ.)

24. Experts on Russian foreign policy. *Social Studies*. 2002;3:34-43. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; mark.neimark@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Россия и финансовый мир: на пороге системных трансформаций

Алексей В. Кузнецов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,

kuznetsov0572@mail.ru

Аннотация: современная мировая финансовая система основана на неограниченной долларовой эмиссии, которая обеспечивается ключевым резервным активом – долговыми обязательствами США. Продвигаемая МВФ концепция международного резервирования ставит в привилегированное положение страны-эмитенты резервных валют, в первую очередь США, у которых исчерпаны возможности для производительного размещения сбережений остального мира. Как следствие, сбережения периферии мировой экономики направляются в потребительскую и спекулятивную сферы, выступающие приоритетом финансовой поддержки со стороны ключевых Центробанков. Развивающиеся страны объективно претендуют на паритетное распределение выгод и издержек финансовой глобализации, поскольку играют все более значимую роль в глобальных цепочках создания стоимости. В качестве донора мировой финансовой системы Россия практически не участвует в распределении прибылей на мировом финансовом рынке. Как крупнейший поставщик сырьевых, интеллектуальных и финансовых ресурсов, Россия требует новых решений в сфере международного денежного обращения.

Ключевые слова: финансовый кризис, мировая финансовая система, резервная валюта, мир-системное ядро, финансовый капитал, центр-периферийная модель, международная инвестиционная позиция, ремонетизация золота, финансовый кластер, Евразия

Для цитирования: Кузнецов А. В. Россия и финансовый мир: на пороге системных трансформаций. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):190-207. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-190-207>

Статья поступила 18.03.2020

Принята в печать 24.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Russia and Financial World: on the Threshold of System Transformations

Aleksei V. Kuznetsov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
kuznetsov0572@mail.ru

Abstract: the modern global financial system is based on unlimited dollar issuance, which is backed by a key reserve asset – US debt obligations. The concept of official foreign exchange reserves promoted by the IMF puts in a privileged position the countries with reserve currencies, primarily the United State. This concept has exhausted the possibilities for productive investment of the savings of the rest of the world. As a result, the savings of the periphery of the global economy are directed to the consumption and speculative spheres. Global financial crises has proved – despite speculative activities banks have priority support from key central banks. Developing countries objectively claim a parity distribution of the benefits and costs of financial globalization, as they play an increasingly important role in global value chains. As a donor of the global financial system, Russia is practically not involved in the distribution of profits in the global financial market. As the largest supplier of raw materials, intellectual and financial resources, Russia requires new solutions in the field of international monetary circulation.

Keywords: financial crisis, world financial system, reserve currency, world-system core, financial capital, center-peripheral model, international investment position, gold remonetization, financial cluster, Eurasia

For citation: Kuznetsov A. V. Russia and Financial World: on the Threshold of System Transformations. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):190-207. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-190-207>

Received 18.03.2020

Revised 24.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный финансовый кризис однозначно определил степень важности отдельных субъектов для мировой экономики. Убытки частных финансовых институтов в размере 50 трлн. долл., понесенные на спекулятивных операциях, были с избытком компенсированы Центробанками за счет средств налогоплательщиков. Так, в период 2007-2010 гг. только ФРС США создала страховую подушку в размере 26 трлн.

долл.: 16 трлн. долл. были напрямую выданы крупнейшим коммерческим банкам (в том числе европейским) в виде практически беспроцентных кредитов, еще 10 трлн. долл. получили Центробанки, наиболее тесно связанные с ФРС, в виде своп-линий для рефинансирования долларовых обязательств коммерческих банков, находящихся в соответствующих иностранных юрисдикциях [1].

В дополнение к действиям ФРС США крупнейшие Центробанки мира – Европейский центральный банк, Банк Англии, Банк Японии – открыли для своих коммерческих банков окна по выкупу проблемных активов на триллионы долларов. Для сравнения ресурсы, выделенные в распоряжение МВФ и предназначенные для покрытия убытков суверенных государств, едва составили 1 трлн. долл.

Рост коммерческой долларовой ликвидности привел к росту государственного долга США, размер которого в апреле 2020 г. уже превысил 24 трлн. долл. [2]. Согласно правилу централизованной денежной системы, каждый доллар, поступающий в обращение, должен покрываться соответствующим размером государственного долга США. К примеру, в 2019 финансовом году совокупные процентные выплаты в счет обслуживания американской государственной задолженности составили 575 млрд. долл. [3]. Эта сумма приблизительно равняется ВВП такой страны, как Польша, и более чем в два раза превышает капитализацию всех криптовалют. Централизованная денежная система представляется необычайно привлекательной для держателей долговых обязательств американского казначейства. Так, 38% государственного долга США находится в портфеле ФРС США, 29% – в портфелях частных американских инвесторов. Остальные 33% – в портфелях иностранных государств, которые инвестируют свои сбережения в американские казначейские обязательства при формировании международных резервов [4]. Продвижением американских гособлигаций в качестве основного резервного актива занимается МВФ, который поощряет такую форму международного инвестирования как неременное условие участия стран-членов Фонда в международной торговле.

После проведения реформы квот и управления МВФ (2010–2015 гг.) США фактически сохранили за собой 17% капитала в Фонде, а вместе с ними и блокирующий пакет голосов, не дающий возможности реального утверждения в мировой финансовой системе принципа многополярности, на который уже давно небезосновательно претендуют страны группы БРИКС. Таким образом, контролируя процесс принятия решений в МВФ, США могут заблокировать любые решения, связанные с изменением статуса доллара как ключевой резервной валюты. Следует подчеркнуть, что сегодня свыше 60% международных резервов, более 50% международных финансовых активов, а также 87 из 92 товаров, учитываемых международной финансовой статистикой, номинированы в долларах США.

Характерно, что доллар США является фиатной (необеспеченной) валютой, доверие к которой основывается исключительно на гарантиях американского правительства принимать ее в качестве законного средства платежа. Напомним, что позиции доллара как международной валюты были сильно подорваны после того, как в 1971 году президент Р. Никсон объявил об отмене привязки доллара к золоту. Последующее ухудшение международных позиций доллара привело к тому, что его доля в общей сумме кредитов, предоставляемых МВФ, снизилась с 87% в 1960 году до 22% в 1980 году, что привело эту долю в соответствие с удельным весом США в мировом ВВП. Возможно, что международная доля доллара и сохранилась бы на этом уровне и поныне. Однако «рейганомика» перенесла акценты проведения экономической политики с поддержки спроса на стимулирование предложения, что открыло дорогу неограниченному финансовому инжинирингу американских банков и дало доллару США «второе рождение».

В последние годы США балансируют на грани нового финансового кризиса, после которого очередное возрождение доллара может и не произойти. Россия должна исходить из возможности дезинтеграции глобальной торговой системы, основанной на долларе США, и уже сегодня продумывать варианты возможных альтернатив организации международного денежного обращения.

ПОЗИЦИИ РОССИИ В МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Россия занимает лидирующие позиции в мире по целому ряду показателей: площади территории, запасам ресурсов, потенциалу развития экономики (учитывая не долговой характер экономического роста страны, наличие собственной научно-технической базы и высокого интеллектуального потенциала населения). В составе СССР Россия была пионером в практической реализации социалистической плановой экономики, двухконтурной модели денежного обращения и многосторонней системы клиринговых расчетов с использованием переводного рубля, доказавших свою успешность во многих ключевых аспектах развития народного хозяйства и международного сотрудничества. На современном этапе развития процессов глобализации фундаментальной основой для предоставления широкого спектра финансовых услуг с целью обеспечения развития реального сектора экономики служит беспрепятственный доступ страны к финансовому капиталу. От этого зависит успех интеграции России в процессы финансовой глобализации, полноценное участие в четвертой промышленной революции (шестом технологическом укладе) на не дискриминационной основе, повышение благополучия и достатка граждан.

В данной связи возникает ряд вопросов, которые касаются обеспечения финансо-

вой независимости России; соответствия положения страны в международной финансовой системе ее статусу как одного из крупнейших чистых международных кредиторов. Актуальными остаются вопросы, связанные с исследованием факторов, которые обуславливают внутреннюю социально-экономическую дестабилизацию в России; поиск эффективных путей встраивания России в мировую финансовую архитектуру. Ответы на эти и другие вопросы может дать анализ особенностей современного положения России в мировой финансовой системе.

Следует отметить, что непрерывный рост объемов валютной торговли и международного движения капиталов с начала 1990-х годов непосредственно связаны со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и электронных платежных систем. Повышению производительности компьютеров способствовало интенсивное технологическое совершенствование микропроцессоров и появление новых записывающих и передающих устройств. Эти инновации значительно ускорили обработку информации и снизили глобальные коммуникационные издержки. Беспрецедентное накопление и централизация банковских активов были вызваны усилением тенденций слияний и поглощений в финансовом секторе, как на международном, так и на национальном уровне. Процессы финансовой глобализации обусловили необходимость модернизации систем регулирования и надзора, а также гармонизации национальных стандартов через согласование и принятие этих стандартов участниками международного финансового рынка. В процессе технологической и регуляторной модернизации мировой экономики ключевую роль играли и продолжают играть транснациональные компании.

Характерно, что современный этап глобализации не особо отличается от её предыдущего этапа, который пришелся на период до первой мировой войны, если сопоставлять эти этапы по интенсивности деятельности транснациональных компаний [5]. Тем не менее, в настоящее время развивающиеся страны начинают отвоевывать преимущества у развитых стран на мировой экономической арене. Благодаря увеличению своей капитализации и международных рыночных активов транснациональные компании стран БРИКС выступают в роли автономных глобальных игроков и вносят разлад в установившуюся после падения Берлинской стены систему международного разделения труда [6]. В 2003 году лишь 12 компаний стран БРИКС были включены в рейтинг 500 крупнейших ТНК мира по размеру капитализации, ежегодно составляемый газетой «Financial Times». При-

чем китайские компании в этом рейтинге отсутствовали. Однако уже в 2018 году число компаний стран БРИКС увеличилось до 74, включая 45 компаний из Китая. По методологии Fortune, в которой за основу берется размер дохода, в рейтинге 2018 года компаний стран БРИКС насчитывалось 129, включая 111 китайских (табл. 1).

Ответом на повышенную активность компаний стран БРИКС на глобальных рынках стала политика протекционизма и введение санкций со стороны главного финансово-экономического гегемона – США.

Следует отметить, что развивающиеся страны из нетто-импортеров превратились в нетто-экспортеров капитала вследствие опережающих темпов их экономического роста и интенсивного развития производств, ориентированных на экспорт. Однако, вместо инвестирования в покупку иностранных производств существенная

Таблица 1. Число компаний стран группы БРИКС и стран «Большой семерки» среди 500 крупнейших корпораций мира по размеру рыночной капитализации [7, 8]

	2003 г.	2008 г.	2014 г.	2018 г.	2018 г.*
БРИКС	12	66	48	74	129
Китай	0	25	18	45	111
Россия	7	13	7	7	4
Бразилия	2	11	10	6	7
Индия	3	13	10	13	7
Южная Африка	0	4	3	3	0
«Большая семерка»	393	327	351	329	280
США	234	169	203	197	126
Япония	58	39	34	35	52
Великобритания	32	35	37	28	21
Франция	24	31	28	26	28
Канада	19	24	22	19	12
Германия	18	22	20	18	32
Италия	8	7	7	6	7

* по размеру доходов

доля валютных поступлений от экспорта по-прежнему направляется на приобретение долговых ценных бумаг Запада. По накопленному размеру международных резервов КНР, Россия, Бразилия и Индия входят в первую десятку стран мира. Доля России в объеме мировой денежной массы, измеряемой по агрегату M2, составляет 0,3%. На такой незначительной денежной базе Россия создает 2% мирового ВВП и обеспечивает 4,6% мировой денежной ликвидности в форме международных валютных резервов, размер которых в декабре 2019 года составил 549 млрд. долл.

В России управление валютными резервами с целью поддержания их сохранности, ликвидности и доходности осуществляет Банк России. По состоянию на март 2019 года распределение золотовалютных активов Банка России было следующим: евро – 30,3%, доллар США – 23,6%, золото – 18,2%, юань – 14,2%, фунт стерлингов –

6,6%, прочие валюты – 7,1% [9]. Из данных финансовых инструментов в хранилище Банка России находится только золото, остальные активы размещены за пределами РФ. Годовая доходность портфелей валютных активов в евро была отрицательной (-0,25%), доходность в фунтах стерлингов и в долларах составляла соответственно 0,8% и 1,43%. Наивысшую доходность давали активы в юанях (4,39%). Таким образом, доля низкодоходных активов в портфеле Банка России составляла более 50% [9].

Зависимость валютной структуры резервных активов от их географического распределения в многом обусловлена структурой расчетов во внешней торговле, а также текущих внешнеполитических предпочтений. С начала введения антироссийских санкций РФ последовательно снижала портфель резервных активов, выраженных в государственных долговых обязательствах США и размещенных на американской террито-

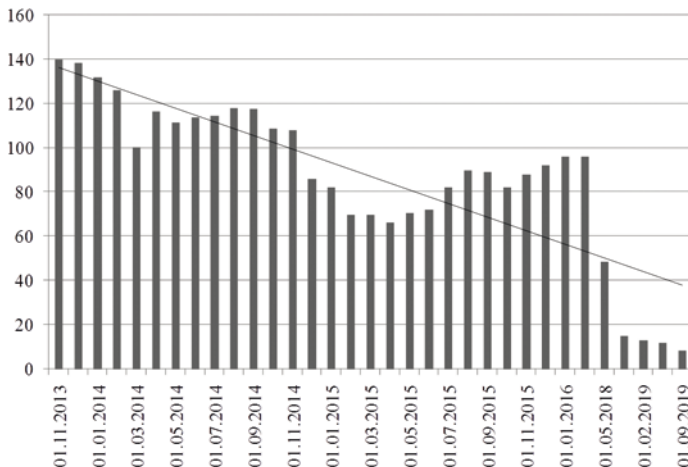

Рис. 1. Портфель казначейских облигаций США Банка России, млрд. долл.

Источник: расчет автора на основе данных: Portfolio Holdings of U.S. and Foreign Securities. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Pages/ticsec2.aspx> (дата обращения: 15.03.2020).

рии (рис. 1). Одновременно увеличилась доля резервных активов, размещенных в китайских юанях, доля которых с марта 2018 года по март 2019 года возросла с 5% до 14%.

Консервация концепции международного резервирования в рамках финансовой глобализации обуславливает постоянное перетекание сбережений развивающихся стран в финансовые активы Запада, главным образом в США, у которых ограничены возможности для продуктивного размещения сбережений остального мира [10]. Однако с точки зрения финансового капитала противоречия не существует, поскольку перенесение производств в Китай и другие государства Азии с их заниженными требованиями к экологическим стандартам, низким уровнем налогообложения и стоимости рабочей силы, снижает транзакционные издержки.

Непосредственным следствием «бегства» капитала из развивающихся экономик и причиной усиления глобальной социальной поляризации является неравномерная динамика роста доходов в развивающихся и развитых экономиках. Дивергенция доходов (разъединение стран) также связана с системным разделением стран на «центр» и «периферию» путем создания искусственной зависимости от транснационального финансового капитала. Такое системное разделение существует на трех уровнях:

- на первом уровне находятся страны «центра» (мир-системного ядра), развивающиеся на принципах информационного общества; эти страны аккумулируют 95–97% высокотехнологичного оборудования и научных кадров;
- на втором уровне располагаются страны «периферийной зоны», для которых характерно массовое производство на основе традиционных индустриальных технологий;

- третий уровень включает страны, находящиеся за пределами «периферийной зоны», которым свойственен доиндустриальный тип развития.

Жёсткие механизмы, сформировавшиеся в системе межгосударственных отношений в рамках обозначенной дифференциации фактически блокируют переход стран с нижнего на высший технологический уровень [11]. Следствием такого положения вещей является нагромождение дисбалансов между странами «центра» и странами «периферии».

По каналам международного резервирования сбережения периферии (развивающиеся рынки – а это 4/5 всех стран мира, включая Россию) направляются в мировые финансовые центры (расположенные в Нью-Йорке, Лондоне и офшорных юрисдикциях), где эти сбережения трансформируются в финансовый капитал и возвращаются на периферию, либо в виде займов (кредиты, облигации) либо через покупку развитыми странами корпоративных акций периферии, обеспечивающих более высокий уровень доходности (рис. 2).

Система финансового капитализма продолжает функционировать в квазибреттонвудском формате, который институционально (формально) ориентирован на МВФ и другие межправительственные организации системы ООН. Вместе с тем «правила игры» непосредственно на МФР определяются неформальными институтами, неподконтрольными правительствам суверенных государств. В отличие от международных межправительственных организаций все эти институты являются частными и доступ к участию в них ограничен для большинства стран мира. Это так называемые институциональные монополии – стандарты и правила по установлению и поддержанию условий неэквивалентного обмена в мировой экономике и мировых финансах.

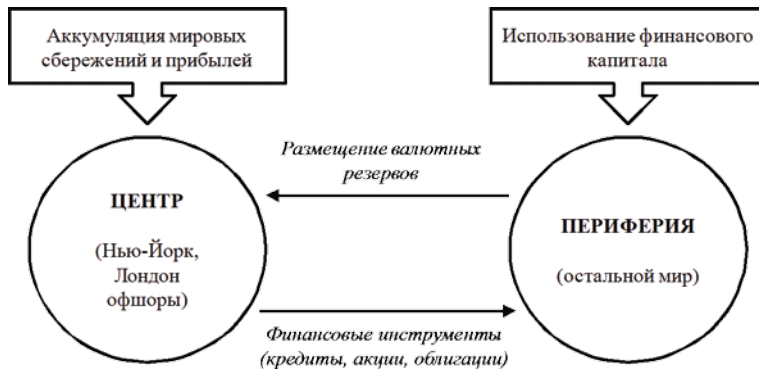

Рис. 2. Схема перераспределения ресурсов от периферии в центр мировой экономики (разработана автором)

Таблица 2. Англо-американские институциональные монополии

Неформальный институт	Степень монополизации
Долларовый стандарт	Доллар США выступает международным эталоном стоимости, основной единицей расчета глобальных макроэкономических показателей и валютой номинирования более половины инструментов, торгуемых на международном финансовом рынке
Биржевое ценообразование на рынках сырьевых товаров	Доллар США является валютой котировок 87 из 92 сырьевых товаров, учитываемых международной финансовой статистикой
Рынок ФОРЕКС	Доли глобального рынка: Великобритания - 41%, доллар США - 88%
Процентная ставка ЛИБОР	Мировой бенчмарк для финансовых продуктов на сумму свыше 400 трлн. долл.
Кредитные рейтинговые агентства	Доли глобального рынка: S&P - 40%, Moody's - 40%, Fitch - 15%
Англо-американские аудиторские стандарты	МСФО - свыше 138 стран, CRS - свыше 109 стран
Англо-американское право	В англо-американском праве обслуживается от 50% до 80% всех международных транзакций
Офшорные юрисдикции	Треть крупнейших мировых офшоров находится в англо-американской юрисдикции, через которые обслуживается свыше 50% глобальных финансовых потоков
Глобальный корпоративный контроль	Под контролем англо-американских финансовых холдингов находится свыше 60% глобальных корпоративных активов
Глобальный кибернетический контроль	Англо-американские высокотехнологические компании обладают абсолютными преимуществами в мировой цифровой экономике

Источник: составлено по данным: [12].

Основные институциональные монополии представлены в таблице. 2.

Используя возможности цифровой экономики и за счет своего технологического превосходства США намереваются продлить свое доминирование в мировой финансовой системе и вынашивают планы создания глобальной кибернетической финансовой системы на основе англо-американских Интернет-технологий, включающих управление социальными сетями и Большими данными [13; 14; 15; 16].

С учётом рассмотренных англосаксонских преимуществ в формировании и управлении глобальными финансовыми потоками, положение России в системе финансового капитализма выглядит неоднозначным. Россия интегрировалась в систему мировых финансов в начале 1990-х годов. За короткий период страна из чистого заемщика превратилась в чистого кредитора. В частности, это подтверждает активное участие России в международных финансовых организациях, таких как МВФ. Являясь одним из основных акционеров МВФ – размер российской доли в капитале Фонда составляет 12,9 млрд. СДР (17,9 млрд. долл.) – Россия не использует кредиты Фонда с 2005 года. При этом, Россия активно участвует в финансировании программы по увеличению кредитных ресурсов Фонда, а также в списании долга бедных стран с высоким уровнем задолженности в рамках соответствующей инициативы МВФ.

Основным показателем России как международного кредитора является чистая международная инвестиционная позиция (ЧМИП). ЧМИП представляет собой разницу между зарубежными финансовыми активами России и её зарубежными финансовыми обязательствами. В период 2011–2018 годов эта разница была положительной и в среднем составляла 240 млрд. долл. Для сравнения по показателю ЧМИП США

являются чистым заемщиком. В 2018 года американские международные финансовые обязательства были выше международных финансовых активов на 9,6 трлн. долл. [17].

Парадоксом статуса России как чистого кредитора является, однако, то, что страна имеет хронический отрицательный инвестиционный доход. Россия выплачивает по своим внешним обязательствам большую сумму, чем получает от своих внешних активов, что обусловлено существующей разницей в процентных ставках. Поступления формируются главным образом за счет инвестиций в низкодоходные облигации развитых стран, составляющие портфель международных резервов России. Например, в начале апреля 2020 года доходность российских 10-летних государственных облигаций составляла 6,8%, а доходность 10-летних казначейских американских облигаций – 0,8%. Следовательно, США при инвестировании капитала в российские ценные бумаги получали в качестве дохода на 6,0% больше, чем Россия при инвестировании в аналогичные американские ценные бумаги. Следует отметить, что для обслуживания внешнего долга, Россия занимает деньги на международном рынке капитала преимущественно в долларах, поскольку в отличие от США не имеет возможности обслуживать свой внешний долг в национальной валюте. На международном рынке капиталов цена кредитных ресурсов зависит от показателей кредитных рейтингов страны [15]. Характерно, что кредитные рейтинги развитых стран Запада, в первую очередь США, выше, чем суверенный кредитный рейтинг России. Это означает, что стоимость рефинансирования для России выше, чем у развитых стран Запада. Как следствие, баланс инвестиционного дохода (разница между выплатами по иностранным обязательствам и поступлениями

Таблица 3. Международная инвестиционная позиция и баланс инвестиционных доходов Российской Федерации в 2011-2018 гг., млрд долл.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Чистая международная инвестиционная позиция	149	143	132	310	332	212	272	371
Баланс инвестиционных доходов и ренты	-50.9	-55.8	-66.4	-57.9	-32.7	-33.7	-39.8	-38.5

Источник: Составлено автором по данным: Статистический бюллетень Банка России. Банк России URL: <http://www.cbr.ru/statistics/bbs/statisticheskij-byulleten-banka-rossii/> (дата обращения 15.04.2020).

от иностранных активов) России является хронически негативным (табл. 3).

Выступая одним из основных международных кредиторов, Россия практически не участвует в распределении прибылей, получаемых на глобальном финансовом посредничестве. Кумулятивная доля российского рубля в номинировании международных финансовых активов едва достигает 0,1% (табл. 4). И даже на таком масштабном рынке, как мировой валютный рынок (ежедневный объем операций достигает 6,5 трлн. долл.), доля рубля является незначительной. В 2019 году она составляла всего 1,1% по сравнению с долей доллара США, на который приходилось 88,3% сделок. Таким образом, российский рубль по факту относится к категории внутренних валют, которые крайне незначительно используются в мировой торговой и финансовой деятельности, что не отвечает роли России в мировой экономике, как одного из крупнейших поставщиков сырьевых, интеллектуальных и финансовых ресурсов.

Наращивание расчётов в рублях по внешнеторговым и кредитным операциям в рамках группы БРИКС, а также расширение использования рубля в международных расчётах стран СНГ, региональном объединении ЕАЭС способствует текущей интернационализации рубля в Евразий-

ском экономическом пространстве. Тем не менее, формирование рынка рублевых финансовых инструментов, в том числе производных, происходит крайне медленно. Несмотря на разработку соответствующего плана еще в 2015 году, рубль так и не был включен в систему Continuous Linked Settlements (CLS) – механизм расчётов на мировом валютном рынке через международный клиринговый банк, в рамках которого задействовано 18 валют [19].

Характерно, что проблема дисбаланса инвестиционных доходов не устранима за счет накопления Россией валютных резервов, по крайней мере, до тех пор, пока облигации, номинированные в национальных валютах стран Запада, будут оставаться основным резервным активом. Однако для разрешения этого вопроса требуется проведение реальной, а не косметической реформы современных международных финансовых организаций, что маловероятно.

Возможность замены доллара США полноценной наднациональной резервной валютой в форме Специальных прав заимствования уже давно обсуждается в международных научных и финансовых кругах. Создание международной ликвидности, не связанной с американской национальной юрисдикцией, могло бы поспособствовать стабилизации мировой финансовой системы

Таблица 4. Позиции России в мировых финансах в докризисный и посткризисный период (%) [18]

	2007 г.	2019 г.
Доля в глобальном обороте торговли акциями	0,60	0,12*
Доля в мировой капитализации	2,07	0,71*
Доля в глобальном объеме IPO/SPO	1,40	0,06*
Доля рубля в мировом номинале еврооблигаций	0,04	0,09**
Доля рубля в международных расчетах	0,4**	0,2
Доля рубля в глобальном валютном обороте	0,7	1,1
Доля в глобальном объеме страховых премий	0,40	0,37*
Доля в мировых активах теневого банкинга	-	0,4***
Доля в мировой денежной массе	-	0,3***
Доля в капитале МВФ	2,5	2,7
Доля в международных резервах	5,8	4,6
Доля в мировом ВВП	2,26	1,84****

* 2015 г.; ** 2014 г.; *** 2017 г., **** – прогноз

Источник: составлено с использованием данных: Bank for International Settlements (www.bis.org); International Monetary Fund (www.imf.org); SWIFT (www.swift.com); Global Financial Centers Index 26 (www.longfinance.net)

и устранению существующих асимметрий международного движения капиталов. Однако нынешние эмитенты резервных валют не демонстрируют готовности отказаться от своих «непомерных привилегий», обеспечивающих им конкурентные преимущества в рамках финансовой глобализации [20].

Официальная демонетизация золота¹ привела к стремительному росту спекулятивных финансовых операций. В связи с этим возрастает необходимость привязки национальных резервных валют к «твердому» активу, такому, например, как золото, что послужило бы важным индикатором стабилизации системы мировых (региональных) финансов.

Утрата мировой финансовой системой стабилизирующего якоря в виде привязки

денежной массы к золоту спровоцировала ничем неограниченную денежную и финансовую мультипликацию. Актуальность ремонетизации золота обусловлена возрастающим желанием стран отказаться от доллара как ключевого международного резервного актива, позволяющего США извлекать сверхдоходы от его эмиссии за счёт эффекта масштаба, несмотря на то, что доходность долларовых активов ниже доходности активов остального мира.

Первым серьезным шагом в направлении ремонетизации золота стало положение регуляторного стандарта Базель-III, согласно которому отныне банки могут учитывать в своем капитале золото по 100%-й рыночной стоимости (ранее действовал норматив 50%). Фактически это уравнивает золото

¹ Под демонетизацией золота имеется в виду отмена золотого содержания мировых валют и золотых паритетов (фиксированных курсов валют).

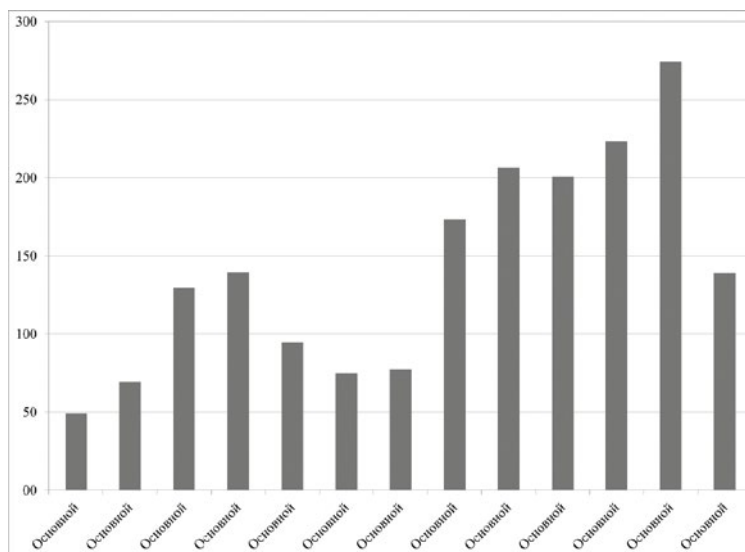

Рис. 3. Чистая покупка золота Банком России, тонны

Источник: составлено автором по данным: World Gold Council (<https://www.gold.org/>).

с такими высшими категориями банковского капитала, как наличные деньги и казначейские бумаги.

Важную роль в возвращении золоту монетарных функций может сыграть Китай. В декабре 2017 года денежная масса КНР, измеряемая в долларовом эквиваленте по денежному агрегату M2² на 58% превышала аналогичный показатель США. Это означает, что Китай обладает наибольшим объемом денег в мире. Однако официальные запасы резервного золота США в 4,2 раза превышают китайские запасы золота. Таким образом, у Китая пока еще очень низкий удельный вес золота в общем объеме золотовалютных резервов, который составляет лишь 2,9% против 77% у США. Чтобы достигнуть паритета с Америкой по этому показателю, Китаю необходимо будет предпринять большие усилия.

Подтверждением того, что Китай активно движется в данном направлении, является выход этой страны на первое место в мире по объемам добычи золота.

Другим центром мирового влияния по возвращению золоту монетарных функций может стать Россия. В течение 2007–2019 гг. Россия увеличила официальные запасы золота на более чем 1850 тонн и является мировым лидером по темпам наращивания золотого запаса (рис. 3). Однако в официальных международных резервах России доля золота составляет лишь 20,2%, что больше, чем у Китая, Японии, Индии, но гораздо меньше, чем у США и Германии. Опыт СССР говорит о важной роли золотого запаса в обеспечении денежной массы. Золотое содержание рубля (в том числе и переводного) значительно способствовало созданию и развитию самодостаточной

² Денежный агрегат M2 считается основным показателем структуры денежной массы и включает в себя: наличные деньги, чеки, вклады до востребования (в том числе банковские дебетовые карты), а также срочные вклады.

экономики, а также параллельной международной валютной и торговой систем в рамках Совета экономической взаимопомощи. В случае нового мирового финансового кризиса запасы золота могут служить важным дополнительным фактором ликвидности рубля и повышения доверия к российской финансовой системе, а также освобождения её от долларовой зависимости. Учитывая то, что в 2018 году доля России в мировой добыче золота составила 9,1% и наряду с Китаем и Австралией страна входит в тройку самых крупных стран-производителей золота, твердая позиция России по восстановлению монетарных функций золота может стать важным пунктом на повестке дня реформирования международной валютной системы.

Итоги современных попыток реформирования международной валютной системы трудно спрогнозировать. Однако очевидным представляется тот факт, что нынешняя конфигурация глобальной финансовой системы является абсолютно неадекватной потребностям равномерного и стабильного развития мировой экономики. Хаотическое и нерегулируемое движение глобального финансового капитала, функционирующего в режиме «центр-периферия», предопределяет перетекание финансовых ресурсов в пользу стран с развитой инфраструктурой финансовых рынков. При этом доллар как эталон стоимости служит основой формирования глобальной инфляционно-долговой пирамиды, порождает курсовую нестабильность (через режим плавающих валютных курсов) и является причиной хронического занижения покупательной способности валют развивающихся стран.

НОВАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

В этой связи возникает вопрос о последующих действиях России для преодоления

своего периферийного статуса в системе глобального финансового капитализма. Россия, как самая богатая страна мира по запасам сырьевых ресурсов и одна из основных экономик по размеру ВВП, не выполняет адекватной роли в глобальном финансовом посредничестве. Этому препятствуют незначительный международный спрос на финансовые инструменты, номинированные в рублях, отсутствие разветвленной сети собственных транснациональных бирж, банков, рейтинговых агентств, юридических и аудиторских компаний, а также недостаточное развитие внутреннего финансового рынка.

На данном этапе нахождение России на периферии глобальной экономики практически лишает страну возможности полноценного участия в процессах финансовой глобализации, четвертой промышленной революции и перехода к шестому технологическому укладу, что усугубляется отсутствием доступа России к инструментам и механизмам управления глобальными финансовыми потоками.

Новые возможности открылись перед Россией после её включения в состав Группы 20. Однако, этот форум служит скорее для консервации действующих механизмов международной валютно-финансовой системы, нежели для проведения её реальной реформы. Поэтому особых надежд на данную дискуссионную площадку возлагать не стоит.

На современном этапе регионализации (деглобализации) мировой экономики [21], связанным с активным выходом на мировой рынок развивающихся стран (а также противодействием со стороны США и других стран Группы 20 функционированию многосторонней торговой системы на базе ВТО) представляется целесообразным внедрение независимой от доллара США системы международных расчетов на регио-

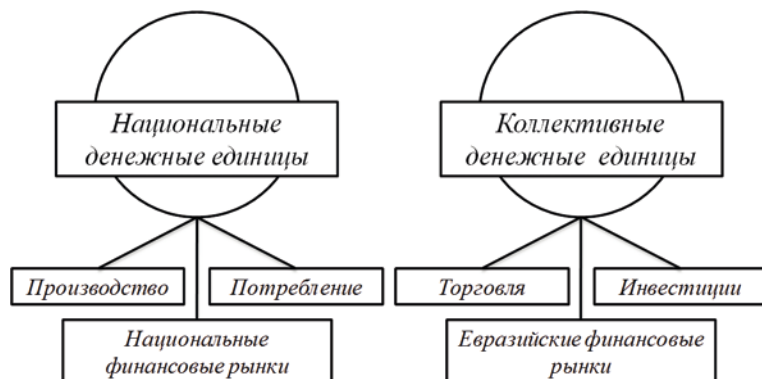

Рис. 4. Евразийский финансовый кластер

Источник: схема разработана автором

нальном уровне. Основу такой системы могли бы сформировать Евразийский финансовый кластер на базе двухконтурной системы денежного обращения. Двухконтурность этой системы предполагает, что национальные денежные единицы обслуживают производство и потребление на внутренних национальных рынках, в то время как торговля между странами осуществляется в коллективно созданных условных расчетных денежных единицах (рис. 4).

Таким образом, эта система позволяет отделить внешнюю стоимость денег (валютный курс) от их внутренней стоимости (покупательная способность) с целью разрешения проблем инфляции, занятости, обеспечения реального сектора экономики финансовыми ресурсами и равномерного распределения доходов.

Введение условных денежных единиц позволяет решать также проблему международной ликвидности без необходимости выведения денег из национального хозяйственного оборота в сферу непроизводственного международного резервирования. С одной стороны, эта система позволяет сохранить

национальные валюты как главный атрибут государственного финансового суверенитета. С другой стороны, она не допускает дискриминации других государств страной – эмитентом резервной валюты.

При этом весь доход от эмиссии условных расчетных единиц автоматически переводится в инвестиционную сферу через специализированные финансовые институты для создания инфраструктурных объектов Евразийского экономического пространства: строительство газо- и трубопроводов, авиационных, автомобильных и железнодорожных магистралей, линий электропередач, городов и т.д. Это позволяет решать проблему глобальных дисбалансов в региональном масштабе.

Важным аспектом данной модели является то, что финансовые рынки возвращаются к своей первоочередной функции, т.е. к обслуживанию производства и не выступают более площадкой спекулятивной активности и очагом кризисных явлений в экономике [22].

Главная идея двухконтурной денежной системы – выравнивание относительного уровня региональной производительности. В случае конвертируемости национальных валют в коллективно созданные такое выравнивание не происходит поскольку сложно предотвратить перелив вновь созданной стоимости (через финансовые рынки) из менее развитых экономик в более развитые.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воспроизводство англосаксонской модели финансового капитализма в процессах глобализации привело к неразрешимым диспропорциям и противоречиям развития мировой экономики на современном этапе. Монополизация англо-американскими институтами глобального рыночного пространства ускорила прогресс финансового центра за счет социально-экономической деградации производительной периферии мировой экономики. К «линиям разлома» платформы мирового хозяйства возможно отнести следующие.

Во-первых, асимметричную аккумуляцию финансовых, материальных и интеллектуальных активов в англосаксонском мир-системном ядре как следствие популяризации модели рыночного фундаментализма и ускоренного перемещения факторов производства (людей, идей, капиталов и других ресурсов) в англо-американский центр мировой экономики.

Во-вторых, обусловленность мотивации деятельности экономических агентов иррациональностью и алчностью – главных причин мирового финансового и экономического кризиса и нарушения мирового баланса сил.

В-третьих, двойные стандарты, действующие в отношениях между центром и периферией мировой экономики, которые через механизмы неэквивалентного обмена

(свободное движения капиталов, систему международного резервирования и заниженные валютные курсы) привели к диспропорциональному увеличению богатства центра за счет снижения благосостояния периферии.

В-четвертых, отсутствие понимания в обществе истоков и фундаментальных причин возникновения указанных злокачественных асимметрий и мотиваций, а, следовательно, и отсутствие принятия необходимости изменения системно-базисных установок развития глобального социума. В условиях подобной общественной неосведомленности любые попытки социальных трансформаций на глобальном уровне могут лишь ещё больше усугубить нынешнее положение периферии и привести к её самоуничтожению.

Таким образом, восстановление баланса в системе международных экономических отношений возможно только через разработку принципиально новой модели глобального мирохозяйства, в которой категориальный императив развития возьмет вверх над инстинктивной жадностью стяжательства.

Россия имеет уникальный опыт построения созидательной мирохозяйственной системы на основе альтернативных денежно-финансовых механизмов, позволяющих разрешать диспропорции и противоречия финансового глобокапитализма, основанном на долларе США как резервной валюте. Активное участие России в создании региональной автономной инновационной расчетно-платежной системы является ключевым фактором проведения новой индустриализации и выхода Евразии на траекторию опережающего мирохозяйственного развития.

БЛАГОДАРНОСТЬ / ACKNOWLEDGEMENTS

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

The article was written based on the results of the research carried out at the expense of budget funds, which were provided to the Financial University as part of the state contract.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Federal Reserve System. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance. United States Government Accountability Office. July 2011. URL: <https://www.gao.gov/new.items/d11696.pdf> (дата обращения: 26.12.2019)
2. The Debt to the Penny and Who Holds It. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasurydirect.gov/NP/debt/current> (дата обращения: 15.03.2020)
3. Interest Expense on the Debt Outstanding. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasurydirect.gov/govt/rates/pd/avg/avg.htm> (дата обращения: 15.03.2020)
4. Economic Report of the President. March 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/03/ERP-2019.pdf> (дата обращения: 15.03.2020)
5. Abelshauser W. Kulturkampf. Der deutsche Weg in die Neue Wirtschaft und die amerikanische Herausforderung. Berlin: Kulturverlag Kadmos; 2003. 232 s.
6. Кузнецов А.В. Возвращение протекционизма: центр против периферии. *Финансовый директор*. 2008;9:3–10.
7. Fortune Global 500 List. Someka Excel Solutions. URL: <https://www.someka.net/excel-template/fortune-global-500-list/> (дата обращения: 15.03.2020)
8. FT500: The World's Largest Companies - Market Data. URL: <http://markets.ft.com/Research/Markets/DataArchiveFetchReport?Category=&Type=GMKT> (дата обращения: 15.03.2020)
9. Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте. Банк России, 2019. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/23724/2019-04_res.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
10. Кузнецов А.В. Финансовая глобализация и национальный суверенитет. *США-Канада: экономика, политика, культура*. 2012;2:22–37.
11. Гальчинский А. С. Кризис и циклы мирового развития. Изд. 2-е, доп. Киев: АДЕФ-Украина; 2010. 480 с.
12. Кузнецов А.В. Институциональные барьеры конкуренции валют в мировой валютной системе. *Финансы и кредит*. 2019;25(10):2341–2358. <https://doi.org/10.24891/fc.25.10.2341>
13. Влияние глобализации на формирование российского финансового рынка: монография / коллектив авторов; по ред. Е.А. Звоновой. Москва: КНОРУС; 2018. 250 с.
14. Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. Москва: Международные отношения; 2014. 848 с.
15. Фридман Д., Краус В. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования / Пер. с англ. Москва: ИРИСЭН Мысль; 2012. 318 с.
16. Смирнов Ф.А., Головкин А.В., Савин Л.В., Севостьянов-Бриксов В.В., Кузнецов А.В., Яковлев Г.Д., Батурин В.К., Юдина Т.Н., Нотин А.И., Рыбковская О.Н. На пути к «Новому Бреттон-Вудсу» – контуры глобальных трансформаций / под научной редакцией к.э.н. Смирнова Ф.А. Москва: НИЦ «Академика»; 2018. 300 с.
17. Balance of Payments and International Investment Position Statistics. IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=7A51304B-6426->

- [40C0-83DD-CA473CA1FD52](#) (дата обращения: 15.03.2020)
18. Данилов Ю. Оценка места Российской Федерации на глобальном финансовом рынке. *Вопросы экономики*. 2016;11:109.
 19. Мишина В., Хомякова Л. Интегрированный валютный рынок Евразийского экономического пространства и расчёты в национальных валютах: мифы или реальность? *Вопросы экономики*. 2014;8:41–57.
 20. Эйхенгрин Б. Непомерная привилегия: взлет и падение доллара. Москва: Издательство Института Гайдара; 2013. 320 с.
 21. Кузнецов А.В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(5):50–61. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61.
 22. Кузнецов А.В. Россия и англосаксонский глобализм. Москва: КНОРУС; 2019. 212 с.

REFERENCES

1. Federal Reserve System. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance. United States Government Accountability Office. July 2011. URL: <https://www.gao.gov/new.items/d11696.pdf> [Accessed: 26.12.2019]
2. The Debt to the Penny and Who Holds It. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasurydirect.gov/NP/debt/current> [Accessed: 15.03.2020]
3. Interest Expense on the Debt Outstanding. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://www.treasurydirect.gov/govt/rates/pd/avg/avg.htm> [Accessed: 15.03.2020]
4. Economic Report of the President. March 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/03/ERP-2019.pdf> [Accessed: 15.03.2020]
5. Abelshauser W. Cultural Struggle. The German Way to the New Economy and the American Challenge. Berlin: Kulturverlag Kadmos; 2003. 232 p. (In German).
6. Kuznetsov A.V. The Return of Protectionism: the Center Against the Periphery. *Financial Director*. 2008;9: 3–10. (In Russ.).
7. Fortune Global 500 List. Someka Excel Solutions. URL: <https://www.someka.net/excel-template/fortune-global-500-list/> [Accessed: 15.03.2020]
8. FT500: The World's Largest Companies - Market Data. URL: <http://markets.ft.com/Research/> [Markets/DataArchiveFetchReport?Category=&Type=GMKT](#) [Accessed: 15.03.2020]
9. Overview of the activities of the Bank of Russia in managing assets in foreign currencies and gold. Bank of Russia URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/23724/2019-04_res.pdf [Accessed: 15.03.2020]
10. Kuznetsov A.V. Financial Globalization and National Sovereignty. *USA-Canada: economics, politics, culture*. 2012; 2: 22–37. (In Russ.).
11. Gal'chinskii A. S. Crisis and Cycles of World Development. 2nd. Ed. Kiev: ADEF-Ukraine Publ.; 2010. 480 p. (In Russ.).
12. Kuznetsov A.V. Institutional Barriers to Currency Competition in the International Monetary System. *Finance and Credit*. 2019;25(10):2341–2358. <https://doi.org/10.24891/fc.25.10.2341>. (In Russ.).
13. The Impact of Globalization on the Formation of the Russian financial Market. By Ed.: Zvonova. Moscow: KNORUS; 2018. 250 p.
14. Rogovskii E.A. Cyber Washington: Global Ambition. Moscow: International Relations; 2014. 848 p. (In Russ.).
15. Friedman J., Kraus W. Engineering the Financial crisis: Systemic Risk and the Failure of Regulation. Moscow: IRISJeN: Mysl' Publ.; 2012. 318 p. (In Russ.).
16. Smirnov F.A., Golovkov A.V., Savin L.V., Sevost'yanov-Briksov V.V., Kuznetsov A.V., Yakovlev G.D., Baturin V.K., Yudina T.N., Notin

- A.I., Rybkovskaya O.N. On the Way to the “New Bretton Woods” — the Contours of Global Transformations. Ed.: Smirnov F.A. Moscow: SIC «Academic» Publ.; 2018. 300 p. (In Russ.).
17. Balance of Payments and International Investment Position Statistics. IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=7A51304B-6426-40C0-83DD-CA473CA1FD52> [Accessed: 15.03.2020]
18. Danilov Y. Assessment of the Place of the Russian Federation in the global financial market. *Economic Issues*. 2016;11:109
19. Mishina V., Khomyakova L. Integrated Forex Market of the Eurasian Economic Space and Settlements in National Currencies: Myths or Reality. *Economic issues*. 2014;8:41–57. (In Russ.).
20. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and Future of the International Monetary System. Moscow: The Institute of Gaidara; 2013. 320 p.
21. Kuznetsov A.V. Disintegration of the World Trade System: Reasons and Consequences. *Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):50–61. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61. (In Russ. and in English).
22. Kuznetsov A.V. Russia and Anglo-Saxon Globalism. Moscow: KNORUS Publ.; 2019. 212 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Кузнецов, Доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49;
kuznetsov0572@mail.ru

Aleksei V. Kuznetsov, Dr. Sci. (Econ.), Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, Russia;
kuznetsov0572@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Особенности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе

Диана С. Айвазян

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия,

diana.ayvazyan87@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются закономерности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе. Начиная с распада СССР в 1991 г. создались условия для расширения взаимодействия между прибрежными каспийскими и черноморскими государствами и усиления экономических взаимосвязей в Черноморско-Каспийском регионе. Анализируется внешнеполитическое положение и приоритеты сотрудничества региональных государств, на основе которых развиваются ключевые сферы и форматы их взаимодействия. Изучаются достигнутые результаты сотрудничества: создание межправительственных организаций и новых транзитных путей поставок товаров. Отдельно рассматривается проблема правового статуса Каспийского моря и ее влияние на сотрудничество в Черноморско-Каспийском регионе. В условиях конфликта внешнеполитических интересов не была сформирована концепция регионального сотрудничества как на государственном, так и на межгосударственном уровнях. Однако ввиду высокого транзитного потенциала в регионе продолжают формироваться международные экономические связи, в которых заинтересованы все региональные страны. При этом сотрудничество носит прагматичный и ограниченный характер, его расширение возможно между сторонами, не имеющих противоборствующих позиций по разрешению этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, сотрудничество, транзит, Европейский союз, Организация Черноморского экономического сотрудничества, Южный газовый коридор, Баку-Тбилиси-Карс

Для цитирования: Айвазян Д. С. Особенности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):208-218. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-208-218>

Статья поступила 13.03.2020

Принята в печать 06.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Particularities of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region

Diana S. Ayvazyan

Institute of Europe, Russian Academy of Science, Moscow, Russia,

diana.ayvazyan87@gmail.com

Abstract: The paper considers the tendencies of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region. Since the collapse of the USSR in 1991, there has been formed the conditions for expanding the cooperation and strengthening the economic relations between the states of the Caspian and Black Seas Region. The paper analyses the international positioning and priorities of the cooperation applied by the regional states, on the basis of which key areas and formats of their interaction are implemented. The results of the cooperation are being studied. They include the creation of intergovernmental organizations and new transit routes for the supply of goods. The influence of the issue of the legal status of the Caspian sea on cooperation in the Black-Caspian Seas region is also considered. In the context of the conflict of the foreign policy interests, the concept of the regional cooperation has not been formed both on state the intergovernmental level. However, due to the high transit potential of the region, international economic ties are being formed, which is in the interest of all regional states. Regional cooperation is pragmatic and has a limited scale. Expansion of the cooperation is so far possible between the parties that do not have opposing positions on ethnopolitical conflicts.

Keywords: Black-Caspian Seas region, cooperation, transit, European Union, Organisation of the Black Sea Economic Cooperation, Southern Gas corridor, Baku-Tbilisi-Kars

For citation: Ayvazyan D. S. Particularities of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):208-218. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-208-218>

Received 13.03.2020

Revised 06.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день наблюдается активный поиск возможностей сотрудничества, связывающих Черноморский и Каспийский регионы. Эта тенденция позволяет выделить Черноморско-Каспийский реги-

он¹ как целостное пространство, где реализуются проекты сотрудничества. В той или иной мере в них вовлечены все региональные страны. Наибольший интерес для них представляют сферы внешнеэконо-

¹ В научной литературе используется также термин «Каспийско-Черноморский регион». Оба термина — «Каспийско-Черноморский регион», «Черноморско-Каспийский регион» используются, как правило, при анализе политических, экономических взаимосвязей между Черноморским и Каспийским регионами и при таком подходе тождественны друг другу.

мического сотрудничества, где могут быть использованы транзитные возможности в черноморско-каспийском направлении. Обсуждаются и реализуются перевозки товаров, грузов с помощью различных видов транспорта (морского, железнодорожного), пассажирские перевозки, торговля нефтегазовыми ресурсами преимущественно с помощью трубопроводного транспорта.

Предпосылки для расширения экономических взаимосвязей в черноморско-каспийском направлении сформировались после распада СССР в 1991 году. Увеличилось количество прибрежных черноморских и каспийских государств, ранее входивших в состав СССР. Новообразованные независимые республики приобрели свою международную правосубъектность, стали видоизменять старые и одновременно формировать новые экономические связи. У стран Черноморского и Каспийского регионов расширился выбор внешних партнеров, заинтересованных в сотрудничестве. В их состав вошли как страны-соседи, так и внерегиональные государства и их союзы — главным образом, США, Европейский союз², Китай. С увеличением количества заинтересованных сторон сотрудничество в Черноморском и Каспийском регионах приобрело открытый и одновременно конфликтный характер. Как следствие, появились возможности для экономического сотрудничества между черноморскими

и каспийскими странами, способное объединить их транзитный потенциал.

Следует отметить, что в условиях открытости для черноморских стран потенциал для своего развития, помимо каспийского, имеют и другие региональные направления сотрудничества, как, например, черноморско-средиземноморское. В статье уделяется внимание специфике уже сформировавшимся форматам сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе с точки зрения политических интересов региональных стран. В этих форматах сотрудничества могут в дальнейшем принимать участие и средиземноморские страны.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Несмотря на отличительные особенности внутри- и внешнеполитической жизни каждого из государств Черноморского и Каспийского бассейнов, они сохраняют ряд устойчивых общих характеристик начиная с момента распада биполярной системы международных отношений³. Последние позволяют выделить группы региональных стран, а также и выявить закономерности взаимодействия между ними. На черноморско-каспийском пространстве можно выделить постсоветские государства, входившие до 1991 г. в состав СССР (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), госу-

² До вступления Болгарии и Румынии в Европейский союз в 2007 г. Европейский союз выступал в качестве внешней заинтересованной стороны в развитии сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе. Начиная с 2007 г. Евросоюз рассматривается в статье как региональный актор.

³ В научном сообществе сложился консенсус о существовании биполярной системы международных отношений в период после Второй мировой войны, системообразующим элементом которой выступало противостояние между социалистическим блоком стран (с лидерством СССР) и капиталистическим блоком (с лидерством США). Период распада биполярной системы международных отношений ряд ученых определяют с момента падения Берлинской стены в 1989 г., ряд ученых — с момента распада СССР в декабре 1991 г. Применительно к Черноморско-Каспийскому региону автор ведет отсчет распада биполярной системы с 1991 г. с учетом вхождения до этого периода большинства стран региона в состав СССР и социалистического блока.

дарства бывшего социалистического блока (Румыния, Болгария), страны-региональные лидеры⁴ (Россия, Турция).

Постсоветские страны региона оказались на цивилизационном стыке. До настоящего времени их также выделяют в составе других регионов: Россию, Украину, Молдову как страны Восточной Европы; Армению, Грузию, Азербайджан как страны Южного Кавказа; Казахстан, Туркменистан как страны Центральной Азии. Однако все они заявили о переходе к новой модели политического и экономического устройства — демократии и рыночной экономике. Экономические связи на основе плановой экономики между странами бывшего СССР разрывались и претерпевали кризис. Для стран Черноморско-Каспийского региона открылись возможности сотрудничества с государствами и союзами с устоявшимися демократическим политическим режимом и рыночной экономикой — Европейским союзом, США. Последние проявили активный интерес к налаживанию политических и экономических связей в регионе. Усилилась международная конкуренция за использование его транзитного потенциала.

В обсуждении и реализации транспортных проектов (строительство железных, автомобильных дорог), трубопроводных нефтегазовых проектов в черноморско-каспийском направлении смогли принимать участие постсоветские страны, между которыми отсутствуют конфликты по статусу национально-территориальных образований, а также по принадлежности морских нефтегазовых ресурсов в Каспийском море. Активная фаза конфликтов вокруг статуса территорий развернулась преимущественно

но в 90-е гг. XX в. Эти конфликты имели длительные исторические предпосылки и, в этой связи — долгосрочные последствия, наблюдаемые до сих пор. Распад СССР сопровождался созданием непризнанных и полупризнанных республик на черноморско-каспийском пространстве, преимущественно имевших ранее статус автономных республик, областей в составе тех или иных советских республик в 90-е гг. XX в. (в случае конфликтов вокруг Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха), в более поздний период — переходом автономных республик в состав других постсоветских государств (в случае изменения статуса Крыма, его вхождением в состав России в марте 2014 г., воспринятыми властями Украины, Евросоюза, США и др. как «аннексия»).

Этно-территориальные конфликты также послужили одной из причин того, что постсоветские страны региона не смогли оперативно обновить существовавшие между ними экономические связи и одновременно испытали более сильное влияние внешних заинтересованных в сотрудничестве сторон. Эти конфликты послужили и ограничителем многостороннего регионального сотрудничества: транспортное сообщение с новыми государственными образованиями, а также с автономиями, вошедшими в состав других государств, ограничивается либо исключается со стороны государств региона, не признающих их новый статус. Последние также не осуществляют и не планируют поставку, а также транзит нефтегазовых ресурсов через территории, изменение политико-правового статуса которых они не признают. Таким образом, сотрудничество в регионе помимо реали-

⁴ Особое положение в Черноморско-Каспийском регионе занимает Иран, имеющий потенциал регионального лидера. Однако возможности активного участия Ирана в международном сотрудничестве в черноморско-каспийском направлении ограничиваются санкциями США в связи с разрабатываемой им ядерной программой. В январе 2020 г. конфликт между Ираном и США перерос в военную фазу.

зации экономических интересов в условиях рыночной конкуренции служит и инструментом разрешения этих конфликтов в свою пользу. С учетом этой конъюнктуры региональное сотрудничество носит прагматичный и ограниченный характер, его расширение возможно между сторонами, не имеющих противоборствующих позиций по разрешению вышеупомянутых конфликтов.

Входившие в состав социалистического блока Румыния и Болгария с распадом СССР вышли из состава Совета экономической взаимопомощи, Организации Варшавского договора и также нуждались в формировании новых экономических взаимосвязей. В этот период Болгария и Румыния оказались в окружении распавшихся государств — СССР и Югославии, и распавшегося социалистического блока (Венгрии, Сербии, Словакии, Польши). В условиях кризиса ближайшие соседи не могли предложить новую, успешную модель сотрудничества. Как и постсоветские страны, Румыния и Болгария совершили быстрый переход к рыночной экономике и демократии. На фоне географической близости Европейского союза, а также процессов углубления европейской интеграции и расширения ЕС, Болгария и Румыния присоединились к этому процессу. В 2007 г. они вступили в Европейский союз. Евро-союз, тем самым, оказывает все большее влияние на позиции Болгарии и Румынии по сотрудничеству в морских бассейнах и между морскими регионами.

Россию и Турцию можно выделить как государства, формирующие региональную повестку дня и вступающие в отношения сотрудничества и соперничества с внешними сторонами — ЕС, США, Китаем и другими. Им принадлежит роль инициаторов многостороннего сотрудничества в различных форматах — межправитель-

ственных, интеграционных. Как правопреемник СССР с момента его распада Россия сыграла ключевую посредническую роль в стабилизации и урегулировании этно-территориальных конфликтов на постсоветском пространстве и позднее стала инициатором евразийской интеграции. Последнее привело к созданию в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В свою очередь, Турция на фоне последствий распада СССР и социалистического блока, которые испытали страны Черноморско-Каспийского региона, оказалась в более устойчивом положении.

ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЧЕРНОМОРСКО- КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

До настоящего времени можно наблюдать, что при любых трансформациях внешнеполитического положения государств, имеющих морские границы, не снижается значимость использования и торговли морскими ресурсами, а также потенциала морских грузо- и пассажироперевозок. Как отмечает В. Батюк, для постбиполярной системы международных отношений, как и в период «европейского концерта» (Венской системы международных отношений 1814-1914 гг. — Прим. авт.) характерна «заинтересованность всех ведущих участников международных отношений в развитии мирохозяйственных связей» [1]. Эта тенденция свойственна и странам Черноморско-Каспийского региона. На фоне национальных особенностей задач внешней политики, их объединяет интерес к развитию торгово-экономических связей, имеющих открытый характер — с возможностью расширения состава государств-участников, заинтересованных в сотрудничестве. Открытый характер этих связей позволяет расширять географию поставщиков и потребителей товаров и услуг,

что, в свою очередь, приводит к расширению транспортных маршрутов.

В развитии региональных экономических связей был достигнут определенный результат. В основу регионального сотрудничества легла необходимость согласования и контроля всеми прибрежными странами морских перевозок, контроля экологии Каспийского и Чёрного морей и использования их туристического потенциала. Сохранило свою значимость традиционное приграничное сотрудничество, исключение составляют военно-политические противоречия вокруг территорий, статус которых не признается теми или иными прибрежными странами.

Эти тенденции легли в основу деятельности Организации Черноморского экономического сотрудничества. С инициативой ее создания выступил в сентябре 1990 г. президент Турции Т. Озал [2]. Организация была основана 1 мая 1999 г. на базе Договора о черноморском экономическом сотрудничестве от 25 июня 1992 г. [3]. В состав стран-членов ОЧЭС входят прибрежные черноморские страны, сопредельные с ними страны, включая прибрежные каспийские государства (Россия, имеющая выход и к Каспийскому, и к Черному морям, Азербайджан). Статус партнера ОЧЭС имеет Иран. Такой расширенный состав стран-участниц открывает потенциал регионального сотрудничества в нескольких направлениях: каспийско-черноморском, черноморско-балканском, черноморско-средиземноморском. Направления сотрудничества стран-участниц координируют рабочие группы; особую значимость получили рабочие группы по развитию сотрудничества в сфере образования, культуры, экологии (охраны окружающей среды), транспорта, туризма [4].

Расширяется транзитный потенциал Черноморско-Каспийского региона. Пер-

востепенную роль получили поставки нефти и газа. Новообразованные республики в регионе Каспийского моря, обладающие запасами нефти и газа, с распадом СССР стали вести самостоятельную энергетическую политику. На фоне сохраняющегося высокого спроса на газ в ЕС и политики диверсификации поставок газа, которую проводит Европейский союз, сформировались новые газотранспортные маршруты в каспийско-черноморском направлении.

Реализуется проект Южного газового коридора, состоящий из нескольких газопроводов: с 2007 г. заработал газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум, с 2018 г. — Трансанатолийский газопровод (проходит через Турцию до границы Греции), Трансадриатический газопровод (от границы Греции до юга Италии, через Албанию и Адриатическое море) [5]. Поставки газа по Трансадриатическому газопроводу планируется начать в октябре 2020 г.; для поставок газа по Южному газовому коридору используется азербайджанское газоконденсатное месторождение «Шах-дениз» на Каспии [6]. Объем транспортировки газа по ЮГК до настоящего времени небольшой — 16 млрд м³ газа в год.

Каспийско-черноморское направление выступает, таким образом, как один из газотранспортных маршрутов, сформировавшихся в этом региональном пространстве. Конечный потребитель газа в этом направлении — Европейский союз, который не может отказаться от основных источников поставок на свою территорию. По данным Евростата, в первой четверти 2019 г. доля импорта газа Европейским союзом из России составила — 39,4%, из Норвегии — 29,6%, из Алжира — 11%, из Катара — 7,2%, из Нигерии — 4,1%, из других стран — 8,8% [7].

Черноморское направление — также одно из направлений поставок российского газа

в Европейский союз, не являющееся основным. Россия поставляет газ в Турцию по трубопроводу «Голубой поток», проходящему через акваторию Черного моря. 8 января 2020 г. состоялось открытие газопровода «Турецкий поток», также проходящему в Турцию через Черное море. Его вторая нитка предназначена для транспортировки российского газа в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Пропускная способность каждой нитки трубопровода — 15,75 млрд м³ [8]. Прибрежные каспийские страны — Казахстан, Туркменистан также поставляют газ в Китай.

Другое направление использования транзитного потенциала Черноморско-Каспийского региона — строительство новых железнодорожных путей. В 2017 г. была открыта железная дорога Баку-Тбилиси-Карс (БТК), построенная на основе азербайджано-грузино-турецкого межгосударственного соглашения, подписанного в 2007 г. [9]. БТК испытывает низкую загрузку: железная дорога была рассчитана на перевозку до 5 млн тонн грузов на начальном этапе, но за два года после открытия по ней было перевезено 0,2 млн тонн грузов [10]. Загрузка может быть обеспечена в случае подключения новых потенциальных поставщиков и транзитных стран. Интерес к транспортировке грузов через БТК проявляла Россия [11]. Также рассматриваются возможности подключения БТК к перевозкам из Китая по маршруту «Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркмения — Азербайджан — Грузия» [12].

ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Транзитные возможности Черноморско-Каспийского региона развивались на фоне неразрешённого правового статуса Каспийского моря. Начиная с распа-

да СССР прибрежные каспийские страны (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Иран) вели переговоры с целью определить новые границы на Каспийском море и, соответственно, принадлежность биологических, нефтегазовых ресурсов моря. Правовой режима на Каспийском море, действовавший ранее между СССР и Ираном устарел.

Споры о принадлежности нефтегазовых ресурсов в акватории Каспийского моря между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном не позволили как разрабатывать эти месторождения, так и поставлять спорные нефтегазовые ресурсы через Черноморский регион Европейскому союзу, а также другим потенциальным потребителям. Длительное время обсуждалось строительство газопроводов по дну Каспийского моря для поставок в ЕС. Однако обязательным предварительным условием для их строительства выступало урегулирование правового статуса Каспийского моря. Тогда как биологические морские ресурсы Каспийского моря спросом не пользовались, и их поставка транзитом через Черноморский регион не производится. Помимо этого, перевозка по морю не требует столь тщательного согласования между прибрежными странами, в отличие от строительства трубопроводов по дну моря, предполагающее обязательную экологическую экспертизу.

Документы по правовому режиму Каспийского моря, действовавшие между Ираном и СССР регулировали вопросы судоходства и рыболовства, но не определяли правовые аспекты добычи и транспортировки углеводородных ресурсов [13]. Лишь на пятом каспийском саммите 12 августа 2018 г. в г. Актау (Казахстан) была подписана бессрочная Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Документ признает статус Каспийского моря как уни-

кального водоёма. Конвенция закрепляет заинтересованность каспийских стран в торговле через акваторию Каспийского моря: прибрежные страны имеют «имеют право на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и от них. С этой целью Стороны (Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Иран — прим. авт.) пользуются свободой транзита через территории Сторон транзита всеми транспортными средствами» [14].

Конвенция разрешила длительные споры по определению границ прибрежных стран на Каспийском море. Статьи 6, 7 Конвенции устанавливает территориальные воды, примыкающие к сухопутной территории и внутренним водам каспийских стран и не превышающие по ширине 15 морских миль. Тогда как дно и недра Каспийского моря разграничиваются по секторам по договоренности сопредельных и противлежащих государств.

В документе закреплено право Сторон на прокладку подводных кабелей и трубопроводов по дну Каспийского моря, а также право каждой прибрежной страны осуществлять юрисдикцию в пределах своего сектора в отношении искусственных островов, установок, сооружений, своих подводных кабелей и трубопроводов. Условия для их проведения — согласование прокладки подводных кабелей и трубопроводов со странами, через сектор которых они проходят, и соответствие проектов подводных кабелей и трубопроводов экологическим требованиям и стандартам, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и протоколы к ней.

Благодаря подписанию Конвенции урегулировано правовое поле взаимодействия прибрежных каспийских стран, созданы правовые нормы и механизмы их взаимодействия. Несмотря на это, сохраняются два ограничения для транспортировки нефтега-

зовых ресурсов по дну Каспийского моря через Черноморский регион в Европейский союз, а также в других потенциальных направлениях для транспортировки. Во-первых, Конвенция фактически предписывает урегулирование споров о принадлежности нефтегазовых месторождений в акватории Каспийского моря между странами-участниками спора (Ираном, Азербайджаном, Туркменистаном). Во-вторых, Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (ОВОС) к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская конвенция), подписанный 20 июля 2018 г., закрепляет право каждого прибрежного государства участвовать в экологической экспертизе проектов на Каспии [13], что может затянуть реализацию проекта в случае конфликта интересов между прибрежными странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После распада СССР в 1991 г. продолжают развиваться новые конфигурации международного сотрудничества с участием новообразованных независимых республик, имеющих выход к морям. По-прежнему сохраняется значимость морских регионов для транзита товаров. Несмотря на высокий конфликтный потенциал, возрастает заинтересованность прибрежных и сопредельных стран в развитии внешнеэкономических связей открытого характера. Эти тенденции легли в основу сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе.

Можно выделить следующую конфигурацию региональных стран: постсоветские государства, входившие до 1991 г. в состав СССР (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), государства бывшего социалистического блока (Румыния, Болгария), страны-региональные лидеры. (Россия,

Турция). Одним из следствий экономического и политического кризиса, с которыми столкнулись постсоветские страны, а также Румыния и Болгария, стало более активное вовлечение в региональное сотрудничество внешних сторон. Румыния и Болгария вошли в состав Евросоюза, который выступил инициатором создания новых газотранспортных коридоров по поставкам каспийского газа через Черноморский регион на территорию ЕС. В Черноморско-Каспийском регионе создаются и новые железнодорожные пути (железная дорога Баку-Тбилиси-Карс) с перспективой их расширения. Черноморско-Каспийский регион выступает, таким образом, одним из транзитных направлений поставок товаров до конечного внешнего потребителя (до

настоящего времени — Китая, Европейского союза). С принятием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в августе 2018 г. достигнут прогресс в правовом обеспечении хозяйственной деятельности на Каспийском море, а также закреплено право свободного доступа прибрежных стран из Каспийского моря к другим морям. Вместе с тем, ограничения по строительству газопроводов по дну Каспийского моря с перспективой поставок газа через Черноморский регион в ЕС сохраняются: необходимы консенсус между Ираном, Азербайджаном, Туркменистаном по разработке спорных месторождений и поставкам газа потребителям, а также экологическая экспертиза, в которой могут принять участие все прибрежные страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюк В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка. *Международные процессы*. 2015;1(40), январь-март. URL: <http://intertrends.ru/old/twenty-three/009.htm> (дата обращения: 20.12.2019)
2. Гончаренко С.Н. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. Москва: Ин-т Европы РАН; 2018. С. 26.
3. Сотрудничество с ОЧЭС. Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/502> (дата обращения: 22.01.2020)
4. Денисов С.Н. Сотрудничество в Черноморском регионе. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. [сб. ст.]. Отв. ред. О.В. Буторина. Москва: Ин-т Европы РАН; 2019. С. 66.
5. Айвазян Д. С., Кузьмина Е.М. Газотранспортные проекты в Каспийско-Черноморском регионе и интересы ЕС. *Современная Европа*. 2019;3:121-122.
6. TAP Introduces First Natural Gas into the Greek Section of the Pipeline as part of its Testing Phase. 2019, 26 November. URL: <https://www.tap-ag.com/news-and-events/2019/11/26/tap-introduces-first-natural-gas-into-the-greek-section-of-the-pipeline-as-part-of-its-testing-phase> (дата обращения: 23.01.2020)
7. EU imports of energy products — recent developments. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/EU_imports_of_%20energy_products_-_recent_developments (дата обращения: 23.01.2020)
8. Состоялась торжественная церемония открытия газопровода «Турецкий поток». 2020, 8 января. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2020/january/article497322/> (дата обращения: 24.01.2020)
9. Экономическое сотрудничество Турции с Азербайджаном обрело более интенсивный характер, что создает основу для дополнительного развития транспортной инфраструктуры в регионе. 01.08.2019. URL: <https://sputnik-georgia.ru/caucasus/20190801/246118454/Zheleznuyu->

[dorogu-Baku-Tbilisi-Kars-budet-prodolena.html](#) (дата обращения: 24.01.2020)

10. Железная дорога Баку-Тбилиси-Карс оказалась невыгодным для Грузии проектом. 2019. 20 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2813292.html> (дата обращения: 25.01.2020)
11. Интерес к Баку-Тбилиси-Карс проявляет... Россия. 2019. 29 мая. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2637987.html> (дата обращения: 26.01.2020)
12. Перевозки по железной дороге Баку — Тбилиси — Карс начнутся в 2020 году. 2019. 5

ноября. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/127656> (дата обращения: 27.01.2020)

13. Жильцов С.С. Правовой статус Каспийского моря: новые возможности для регионально-го сотрудничества. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2018;4(18):18.
14. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12 августа 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 28.01.2020)

REFERENCES

1. Batyuk V. Post-bipolar world order retrospective. *International processes.* 2015;1(40). January-March. URL: <http://intertrends.ru/old/twenty-three/009.htm> [Accessed: 20.12.2019] (In Russ.)
2. Goncharenko S.N. Black Sea Economic Cooperation: The First 25 Years. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; 2018. P. 26. (In Russ.)
3. Cooperation with the BSEC. The Ministry of Energy of the Russian Federation. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/502> [Accessed: 22.01.2020] (In Russ.)
4. Denisov S.N. Cooperation in the Black Sea region. The Great Black Sea: politics, economics, security. Editor-in-Chief O.V. Butorina. Moscow: Institute of Europa RAS; 2019. С. 66. (In Russ.)
5. Ayvazyan D.S., Kuzmina E.M. Gas Transportation Projects in the Caspian and Black Sea region Interests of the EU. *Contemporary Europe.* 2019;3:121-122. (In Russ.)
6. TAP Introduces First Natural Gas into the Greek Section of the Pipeline as part of its Testing Phase. 2019, November 26. URL: <https://www.tap-ag.com/news-and-events/2019/11/26/tap-introduces-first-natural-gas-into-the-greek-section-of-the-pipeline-as-part-of-its-testing-phase> [Accessed: 23.01.2020]
7. EU imports of energy products — recent developments. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/EU_imports_of_%20energy_products_-_recent_developments [Accessed: 23.01.2020]
8. The opening ceremony of the Turkish Stream gas pipeline took place. January 8, 2020 URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2020/january/article497322/> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
9. The economic cooperation between Turkey and Azerbaijan has become more intense, which creates the basis for the further development of transport infrastructure in the region. 2019. August 01. URL: <https://sputnik-georgia.ru/caucasus/20190801/246118454/Zheleznuyu-dorogu-Baku-Tbilisi-Kars-budet-prodolena.html> [Accessed: 24.01.2020] (In Russ.)
10. The Baku-Tbilisi-Kars railway proved to be a disadvantageous project for Georgia. 2019. December 20. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2813292.html> [Accessed: 25.01.2020] (In Russ.)
11. Interest in Baku-Tbilisi-Kars shows ... Russia. 2019. May 29. URL: <https://regnum.ru/news/>

- polit/2637987.html [Accessed: 26.01.2020] (In Russ.)
12. Transportation by the Baku-Tbilisi-Kars railway will begin in 2020. 05.11.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/127656> [Accessed: 27.01.2020] (In Russ.)
 13. Zhiltsov S.S. The legal status of the Caspian Sea: new opportunities for regional cooperation. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia and the world.* 2018;4(18):18. (In Russ.)
 14. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. 2018, August 12. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> [Accessed: 28.01.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Диана С. Айвазян, Кандидат политических наук, Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3; diana.ayvazyan87@gmail.com

Diana S. Ayvazyan, Candidate of Sciences (Politics), Institute of Europe, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 11-3, Mokhovaya str. Moscow, 125009, Russia; diana.ayvazyan87@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне

Андрей В. Ишин

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,
a.ischin@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается геополитическая стратегия Североатлантического альянса в Черноморском бассейне. Автор рассматривает инструменты и механизмы политики НАТО. Особое внимание уделяется проблеме наращивания военно-стратегического давления со стороны евроатлантических структур. В статье рассматриваются «украинский», «грузинский», «румынский», «турецкий» факторы.

Попытки со стороны НАТО использовать эти факторы для усиления давления на оппонентов бесперспективны и наносят ущерб международным отношениям. Страдают интересы политики добрососедства. При этом выражая интересы транснациональных военных, финансовых и промышленных структур, США и их союзники вторгаются в иное цивилизационное и политико-правовое пространство.

Автор приходит к выводу, что опыт последнего десятилетия со всей очевидностью свидетельствует о стратегической бесперспективности попыток использования Черноморской зоны в качестве буферной зоны изоляции и сдерживания России. Именно за внешнеполитическими подходами российской дипломатии к развитию Черноморского региона — будущее. Смена акцентов с геополитического соперничества и борьбы за «сферы влияния» к взаимовыгодному партнерству и четкому распределению взаимных сфер ответственности за поддержание международной стабильности открывает принципиально новые перспективы и для широкого сотрудничества в сфере экологии, рационального природопользования, развития рекреационной инфраструктуры.

Ключевые слова: Черноморский регион, стратегия НАТО, геополитические противоречия, взаимовыгодное партнерство, сферы ответственности

Для цитирования: Ишин А. В. О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):219-226. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-219-226>

Статья поступила 07.02.2020

Принята в печать 27.03.2020

Опубликована 25.05.2020

About Geopolitical Strategy of NATO in the Black Sea Pool

Andrey V. Ishin

*the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia,*

a.ischin@yandex.ru

Abstract: In the article geopolitical strategy of North Atlantic Treaty Organization in the Black Sea pool is examined. An author examines instruments and mechanisms of policy of NATO. The special attention is spared the problem of increase of military-strategic pressure from the side of euroatlantic structures. The «ukrainian», «georgian», «romanian», «turkish» factors is examined in the article.

Attempts from the side of NATO to use these factors for strengthening of pressure on opponents having no prospects and do damage international relations. Interests of policy of neighbourliness suffer. Thus expressing interests of transnational soldiery, financial and industrial structures, the USA and their allies intrude in other civilization and politik space.

An author comes to the conclusion, that experience of the last decade testifies with all evidence about strategic absence of any prospect of attempts of the use of the Black Sea area as a buffer area of isolation and inhibition of Russia. Exactly after the foreign-policy going of Russian diplomacy near development of the Black Sea region is the future.

Changing of accents from a geopolitical rivalry and fight for the «spheres of influence» to mutually beneficial partnership and clear distributing of mutual spheres of responsibility for maintenance of international stability opens on principle new prospects and for a wide collaboration in the field of ecology, rational use of natural resources, development of rekreacionnoy infrastructure.

Keywords: Black Sea region, strategy of NATO, geopolitical contradictions, mutually beneficial partnership, spheres of responsibility

For citation: Ishin A. V. About Geopolitical Strategy of NATO in the Black Sea Pool. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):219-226. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-219-226>

Received 07.02.2020

Revised 27.03.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2019 года в Черноморском регионе имело место событие, оставшееся, с нашей точки зрения, без должного осмысления со стороны средств массовой информации. Два стратегических бомбардировщика США B-52H Stratofortress,

базирующиеся в Великобритании, в ходе совместных учений с союзниками из Румынии, Грузии, Украины симитировали ядерную бомбардировку Крыма.

Что это: внешнеполитический шантаж, попытка оказать на нашу страну военно-пси-

хологическое давление в условиях набирающей обороты информационной войны, очередная акция по демонстрации силы союзникам в Европе? Или же за этим кроется нечто более важное, устойчивое, системное?

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Не вызывает сомнений, что евроатлантические структуры рассматривают события Крымской весны, повлекшие воссоединение Крыма со своей исторической Родиной — Россией как свое важнейшее геополитическое поражение последних десятилетий. С другой стороны, уникальное значение полуострова, существенно возросшее в условиях конкуренции высоких военно-промышленных технологий, в новейшую эпоху недвусмысленно обозначило новое геостратегическое измерение региона: именно Крым сегодня выступает ключом к Большому Средиземноморью — геополитическому пространству в бассейнах Средиземного, Черного и Азовского морей.

Этим обстоятельством в значительной мере обусловлено комплексное наращивание Западом внешнеполитического давления на Россию. При этом совершенно очевидно, что евроатлантические структуры не оставляют намерений вернуть Крым в орбиту своего влияния в долгосрочной перспективе, не исключая при этом вероятность нанесения возможного военного удара в «южное подбрюшье» нашей страны.

Так, согласно заявлению генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, Североатлантический альянс считает Черное море стратегическим для себя регионом и намерен наращивать свое присутствие здесь [1]. Весьма показательным и во многом типичным является высказывание крупного военного чиновника НАТО — экс-главы миссии НАТО в Афганистане С. Кристалла, который в ходе проводившегося в Киеве саммита «Ялтинская Ев-

ропейская стратегия» (2015 г.) фактически призвал готовиться к полномасштабной войне с Россией: «Это не должна быть просто какая-то оборона, коллективная безопасность. Это должно быть большой — надежной военной мощью, которая будет делать то, что обещает: прийти на помощь там, где нужно. НАТО должно быть способно на большую, полноценную войну (выделено нами — А.И.), если она случится», — заявил генерал вооруженных сил США [2]. В этом же ряду можно рассмотреть и заявление командующего 6-м флотом ВМС США вице-адмирала Д. Фогго об использовании «права на свободное морское судоходство» для постоянного присутствия военно-морских сил США в Черном море [2].

Здесь важно учесть, что эти и подобные высказывания не являются спонтанными проявлениями сугубо информационной войны. По сути, они заключают в себе декларацию стратегических приоритетов основной «несущей конструкции» Североатлантического альянса и внерегиональной сверхдержавы — Соединенных Штатов Америки, которые, выступая основным фундатором концепции «нового мирового порядка» и «монополярного мира», противостоят в Черноморском регионе Российской Федерации — военной сверхдержаве и государству-цивилизации, для которой названный регион, и, в первую очередь, Крым является цивилизационным истоком и исторически государствообразующей территорией [3]. Иными словами, выражая интересы транснациональных военных, финансовых и промышленных структур, США и их союзники по НАТО вторгаются в иное цивилизационное и политико-правовое пространство.

Ключевую ставку в противостоянии России блок НАТО возлагает на стремительно деградирующую после событий государственного переворота 2014 года Украину, находящуюся под внешним управлением.

При этом, по нашему убеждению, геополитическая стратегия Альянса неизбежно вступает в прямое противоречие с интересами Украины как государства, имеющего в основе поликультурную компоненту. Стремясь (как нам представляется, преимущественно в военно-стратегических целях) к вытеснению из украинского поля носителей русско-культурной православной идентичности, Альянс на деле поставил Украину перед реальной перспективой углубления внутривластного раскола с неизбежной перспективой расширения ареала гражданского противостояния.

Глубоко примечательно, что в проекте американского военного бюджета на 2020 финансовый год, который был подготовлен председателем комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Конгресса США А. Смитом, содержится предписание для Министерства обороны США совместно с Государственным департаментом по представлению отчета о «стратегии США по противодействию российским угрозам на Черном море». Показательно, что разработчики документа потребовали, чтобы в указанном докладе рассматривались, в частности, «оценка российского военного потенциала, в том числе военно-морского потенциала, в Черном море и в его районе, а также стратегия по противодействию ему, оценка любых недостатков военно-морского потенциала Украины, которые могут быть усилены действующими властями» [4].

В развитие названного стратегем, в июле 2017 г. Военно-морские силы США приступили к строительству «Морского оперативного центра» ВМС Украины в Очакове (Николаевская область Украины). По сообщениям ряда американских СМИ, США ускоряют работы по модернизации нескольких военно-морских баз на Черном море недалеко от Крымского полуострова

со стороны Украины. Так, по сообщению Breakingdefense, на Очаковской базе «США профинансируют укрепление и модернизацию существующих пирсов, строительство нового плавучего дока, ограждения вокруг базы, судоремонтные объекты и пару совершенно новых центров морских операций, из которых украинские и натовские силы могут направляться на учения и координировать действия» [5].

По мнению военного эксперта С. П. Горбачева, «это попытка закрепиться в нашем регионе на постоянной основе. Личный состав будет ротироваться, силы могут уменьшаться, наращиваться, но в данном случае речь идет о вещах, связанных с созданием инфраструктуры... Это доказательство целенаправленной политики и запланированных практических действий, которые осуществляются уже на протяжении довольно длительного времени. В данном случае мы стали свидетелями декларации на полуофициальном уровне» [6]. При этом, «американцы могут зайти туда и разместиться на речных просторах: на Буге, могут войти каким-то образом и в воды Днестра и, уже не находясь в Черном море с формальной точки зрения, находиться там сколько угодно и решать свои задачи», — отметил С. П. Горбачев [6].

О том, что подобные опасения не беспочвенны, свидетельствуют следующие цифры: в 2019 году, по данным средств массовой информации, военные корабли Североатлантического альянса 30 раз заходили в Черное море, 15 из них пришвартовывались в Одессе [1].

На этом фоне, очевидно, глубоко не случайным выглядит заявление губернатора Херсонской области Ю. Гусева (назначенного на эту должность Президентом Украины В. Зеленским), который на конференции по безопасности в Одессе (ноябрь 2019 г.) призвал государства НАТО направить свои

корабли в Херсон, куда можно добраться из Черного моря по Днепру. Ю. Гусев мотивирует свою позицию тем, что якобы страны НАТО являются, цитируем, «гарантами безопасности для расширения экспортно-импортных операций и привлечения инвестиций, в том числе, в концессию портов (выделено — А.И.)» [7].

К этому следует добавить, что по сообщению командования Воздушных сил Украины, до конца 2020 г. на юге Херсонской области Украины планируется завершить, цитируем, «современного Государственного испытательного полигона «Ягорлык» пригодного для стрельб из всей имеющейся номенклатуры вооружения Сухопутных войск, Воздушных сил и Военно-морских сил ВСУ, а также испытаний перспективного вооружения большой дальности поражения (выделено — А.И.)» [8].

Очевидно, в аналогичном ключе следует рассматривать и почти шестикратное увеличение набора курсантов в Одесскую военно-морскую академию. Таким образом, готовится кадровый состав для строящихся морских центров, общее руководство которыми будет осуществляться офицерами НАТО [9].

При этом методология геополитического анализа предполагает рассмотрение вышеперечисленных факторов в неразрывном единстве с постоянными угрозами представителей киевского режима разрушить Крымский мост, с попыткой откровенно провокативного прохода украинских судов через внутренние воды России в Керченском проливе 25 ноября 2018 г., с постоянными воздушными и морскими разведками со стороны сил НАТО южных границ России, непрекращающимися военно-морскими учениями Альянса в Черном море, проводимыми с использованием украинской и грузинской компоненты.

Последнее обстоятельство, а именно углубление сотрудничества Грузии с НАТО, вполне обоснованно воспринимается российской дипломатией как реальная угроза региональной безопасности. Так, в частности, после очередного раунда Женевских дискуссий по Закавказью (2019 г.), в комментарии Департамента информации и печати МИД России было отмечено: «К сожалению, на встрече вновь было констатировано отсутствие возможности для возобновления в ближайшее время работы над заявлением о неприменении силы. Российская, абхазская и югоосетинская делегации выразили готовность продолжать добиваться принятия соответствующего документа, имеющего ключевое значение для обеспечения прочного мира на Южном Кавказе» [10].

На этом фоне США и некоторые их союзники по Североатлантическому альянсу пытаются превратить Черноморский регион в позиционный район размещения американской системы ПРО, что вызывает высокую обеспокоенность в свете форсированной разработки США гиперзвуковых наступательных ударных средств в формате стратегии «быстрого глобального удара».

Так, еще в 2016 г. США и Румыния в целом завершили развертывание американского комплекса противоракетной обороны на румынской военной базе в Девеселу (уезд Олт). В этой связи директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. Ульянов в ходе общеполитической дискуссии в Нью-Йорке (2015 г.) совершенно справедливо заявил, что размещение на американском объекте ПРО в Румынии установок вертикального пуска «Мк-41» (используемых в комплексе «Aegis Ashore») станет «еще одним грубым нарушением Вашингтоном Договора о ракетах средней и меньшей дальности» (РСМД) [2].

В подтверждение этих слов отметим, что, по сообщению издания «The New York Times» (июль 2019 г.), Североатлантический альянс рассматривает возможность усиления системы противоракетной обороны в Европе после прекращения действия (как известно, по инициативе США) Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Особое беспокойство при этом вызывает то обстоятельство, что по данным СМИ, унифицированные пусковые установки Mark 41 наземной стационарной системы ПРО Aegis Ashore способны (после незначительной доработки) запускать не только противоракеты, но и наступательные крылатые ракеты Tomahawk с дальностью полета до 2500 километров [11].

Необходимо учитывать, что Черноморский регион является крайне важным с точки зрения обеспечения глобальной стабильности, и в этом отношении ключевая роль здесь традиционно принадлежит России. В настоящее время именно Российская Федерация успешно противопоставляет в Черноморье навязываемым евроатлантическими структурами рудиментам «холодной войны» стратегию геоэкономического партнерства, что хорошо видно на примере двусторонних отношений Россия-Турция.

Несмотря на то, что последняя также является членом НАТО, Вашингтон стремительно утрачивает свое влияние на внешнюю политику этой страны. «Турецкий поток», совместные инвестиционные проекты, активизация военно-технического сотрудничества с Россией кардинально повлияли на трансформации в восприятии геополитических процессов жителями Турции. Об этом красноречиво свидетельствуют данные социологического опроса, опубликованные 4 июля 2019 г. газетой «Хьюриет». Так, согласно этим данным, 55% респондентов назвали отношения России и Турции позитивными. При этом

в ответах на вопрос, какие государства представляют угрозу для Турции, 81% респондентов увидели угрозу именно со стороны США. По сравнению с 2018 годом этот показатель возрос примерно на 20 %. А вот Россию в качестве угрозы рассматривают только 44,2% респондентов [12], и этот показатель, по нашему убеждению, имеет устойчивую тенденцию к снижению.

В этом отношении немаловажно, что попытки определенных военно-политических кругов Турции навязать Президенту этой страны Р. Эрдогану идеологию агрессивного неоосманства (что хорошо видно на примере его противоречивой политики в Сирийской Арабской Республике) неизбежно натолкнутся (и уже наталкиваются) на рост влияния внутривластной оппозиции в самой Турецкой Республике, чреватого (учитывая этнополитическую специфику Турции) серьезным кризисом государственности этой страны.

ВЫВОДЫ

Не вызывает сомнений, что опыт последнего десятилетия со всей очевидностью свидетельствует о стратегической бесперспективности попыток использования Черноморской зоны в качестве буферной зоны изоляции и сдерживания России.

Именно за внешнеполитическими подходами российской дипломатии к развитию Черноморского региона — будущее. Смена акцентов с геополитического соперничества и борьбы за «сферы влияния» к взаимовыгодному партнерству и четкому распределению взаимных сфер ответственности за поддержание международной стабильности открывает принципиально новые перспективы и для широкого сотрудничества в сфере экологии, рационального природопользования, развития рекреационной инфраструктуры [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегтярев А. Генсек НАТО заявил о намерении наращивать силы в Черном море. *Деловая газета «Взгляд»*. URL: https://vpk.name/news/364080_gensek_nato_zayavil_o_namerenii_narashivat_sily_v_chernom_more.html (дата обращения: 10.01.2020).
2. Ишин А.В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд. *Проблемы постсоветского пространства*. 2016;1:39-41.
3. Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;3:19-33.
4. Конгресс США потребовал от своих военных представить стратегию по противодействию России в Черном море. URL: <http://www.novoross.info/politiks/53857-kongress-ssha-potreboval-ot-svoih-voennyh-predstavit-strategiyu-po-protivodeystviyu-rossii-v-chernom-more.html> 11.06.2019. (дата обращения: 23.12.2019).
5. Украинские порты хотят модернизировать под военные корабли НАТО и США. URL: <http://antifashist.com/item/ukrainskie-porty-hotyat-modernizirovat-pod-voennye-korabli-nato-i-ssha.html>. 05.07.2019. (дата обращения: 01.02.2020)
6. США пытаются закрепиться в Причерноморье на постоянной основе — эксперт. URL: <http://www.novoross.info/politiks/54324-ssha-pytayutsya-zakrepitsya-v-prichernom-more-na-postoyannoy-osnove-ekspert.html>. 08.07.2019. (дата обращения: 23.11.2019)
7. Херсонский губернатор Зеленского предложил кораблям НАТО войти в Днепр. URL: <http://www.novoross.info/herson/56672-hersonskiy-gubernator-zelenskogo-predlozhi-korablyam-nato-voyti-v-dnepr.html>. 18.11.2019. (дата обращения: 10.01.2020)
8. На Херсонщине строят украинский полигон «по стандартам Европы». URL: <http://www.novoross.info/herson/54163-na-hersonschine-stroyat-ukrainskiy-poligon-po-standartam-evropy.html>. 28.06.2019 (дата обращения, 16.11.2019)
9. Америка вновь пообещала Украине два фрегата типа Oliver Hazard Perry. URL: <http://www.novoross.info/general/53966-amerika-vnov-poobeschala-ukraine-dva-fregata-tipa-oliver-hazard-perry.html>. 18.06.2019. (дата обращения: 23.12.2019)
10. МИД назвал углубление сотрудничества Грузии с НАТО угрозой безопасности. URL: https://vpk.name/news/299452_mid_nazval-uglublenie-sotrudnichestva-gruzii-s-nato-ugrozoi-bezopasnosti.html. 05.07.2019. (дата обращения: 25.10.2019)
11. США «обновили» беспокоящий Россию объект в Румынии. URL: https://vpk.name/news/323474_ssha_obnovili_bespokoyashii-rossiyu-obekt_v_rumynii.html. 11.09.2019 (дата обращения: 18.01.2020)
12. Почти половина жителей Турции одобряет приобретение у России С-400 — опрос. URL: https://vpk.name/news/299424_pochti-polovina_zhitelei_turcii-odobryaet-priobretenie_u_rossii_s400-opros.html. 05.07.2019. (дата обращения: 07.08.2019)
13. Ishin A.V. Multilateral cooperation in the Black Sea region in the energy field. *Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:168.

REFERENCES

1. Degtyarev A. Gensek NATO declared about intention to grow forces in the Black sea of. *The Business newspaper «Look»*. URL: https://vpk.name/news/364080_gensek_nato_zayavil_o_namerenii_narashivat_sily_v_chernom_more.html. [Accessed: 10.01.2020] (In Russ).

2. Ishin A.V. On the geopolitical situation in the Black Sea region: the crimean outlook. *Post-Soviet Issues*. 2016;1:39-41. (In Russ)
3. Ishin A.V. Civilization measuring of the Russian world. *Post-Soviet Issues*. 2015;3:19-33. (In Russ)
4. Congress of the USA demanded from the soldiery to present strategy on counteraction Russia in the Black Sea. URL: <http://www.novoross.info/politiks/53857-kongress-ssha-potreboval-ot-svoih-voennyh-predstavit-strategiyu-po-protivodeystviyu-rossii-v-chernom-more.html> 11.06.2019. [Accessed: 23.12.2019] (In Russ).
5. Ukrainian ports want to modernize under warships of the NATO and USA. URL: <http://antifashist.com/item/ukrainskie-porty-hotyat-modernizirovat-pod-voennye-korabli-nato-i-ssha.html>. 05.07.2019. [Accessed: 01.02.2020] (In Russ).
6. The USA try will gain a foothold in Prichernomor'e on permanent basis — expert. URL: <http://www.novoross.info/politiks/54324-ssha-pytayutsya-zakrepitsya-v-prichernom-more-na-postoyannoy-osnove-ekspert.html>. 08.07.2019. [Accessed: 23.11.2019] (In Russ).
7. Kherson governor of Zelenskiy offered to the ships of NATO to enter to Dnepr. URL: <http://www.novoross.info/herson/56672-hersonskiy-gubernator-zelenskogo-predlozhit-korablyam-nato-voyti-v-dnepr.html>. 18.11.2019. [Accessed: 10.01.2020] (In Russ).
8. On Kherson build the Ukrainian ground «on the standards of Europe». URL: <http://www.novoross.info/herson/54163-na-hersonschine-stroyat-ukrainskiy-poligon-po-standartam-evropy.html>. 28.06.2019. [Accessed: 16.11.2019] (In Russ).
9. America again promised Ukraine two frigates of type of Oliver Hazard Perry. URL: <http://www.novoross.info/general/53966-amerika-vnov-pobeschala-ukraine-dva-fregata-tipa-oliver-hazard-perry.html>. 18.06.2019. [Accessed: 22.12.2019] (In Russ).
10. A Foreign Ministry was named by deepening of collaboration of Georgia with NATO a threat safety. URL: https://vpk.name/news/299452_mid_nazval_uglublenie_sotrudnichestva_gruzii_s_nato_ugrozoi_bezopasnosti.html. 05.07.2019. [Accessed: 25.10.2019] (In Russ).
11. The USA «renewed» a disturbing Russia object in Romania // Lenta.ru. URL: https://vpk.name/news/323474_ssha_obnovili_bespokoyashii_rossiyu_obekt_v_rumynii.html. 11.09.2019. [Accessed: 18.01.2020] (In Russ).
12. Almost the half of habitants of Turkey approves acquisition at Russia of S-400 — questioning. URL: https://vpk.name/news/299424_pochti_polovina_zhitelei_turcii_odobryaet_priobretenie_u_rossii_s400_opros.html. 05.07.2019. [Accessed: 07.08.2019] (In Russ).
13. Ishin A.V. Multilateral cooperation in the Black Sea region in the energy field. *Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, Доктор исторических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4;
a.ischin@yandex.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea;
a.ischin@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Трансграничная политика Румынии на примере «еврорегионов»

Даниела Г. Драган

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

dragan_dana90@yahoo.com

Аннотация: на примере еврорегионального сотрудничества в статье делается попытка уточнения основных направлений трансграничной политики Румынии. Автором прослежена эволюция значения «границ», а также представлены базовые научные подходы в изучении. В статье дан обзор «еврорегионов» с участием Румынии. Выявлено, что в их институализации преобладало два этапа (в 1997 г. и в 2002 г.). Сам процесс тесно связан с установлением договорно-правовой базы межгосударственного сотрудничества. Одновременно он связан и с тенденциями внутриполитического и внешнеполитического курса Румынии и приграничных стран. Субрегиональное сотрудничество развивалось под воздействием таких факторов как построение рыночной экономики и демократии, интеграция в Западные организации. При этом негативное влияние на трансграничную политику оказывал комплекс межгосударственных проблем. На современном этапе Румыния установила со всеми приграничными странами формат еврорегионального взаимодействия. При этом их анализ позволил автору проследить особенности реализации трансграничной политики страны.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, еврорегион, Румыния, граница

Для цитирования: Драган Д. Г. Трансграничная политика Румынии на примере «еврорегионов». *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):227-236. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>

Статья: поступила 21.03.2020

Принята в печать 19.04.2020

Опубликована 25.05.2020

Romania's Cross-border Policy towards Euroregions

Daniela G. Dragan

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

dragan_dana90@yahoo.com

Abstract: The article highlights the main directions of Romania's cross-border policy in view of euroregional cooperation. The author traces the evolution of the term "border" as well as describes the basic scientific approaches to its studies. The article provides an overview of the "Euroregion" which includes Romania. It has become apparent that its institutionalization was a two-stage process (in 1997 and 2002). The process itself is closely connected with the establishment of legal framework for interstate cooperation. At the same time it is dependent on the foreign and domestic policy trends of both Romania and its neighbors. Sub-regional cooperation has evolved under the influence of such factors as the establishment of market economy and democracy, integration into Western organizations. At the same time a whole complex of interstate problems has had a negative impact on cross-border policy. Currently Romania maintains relations with all neighboring countries in the format of euroregional cooperation. Its analysis has enabled the author to outline the special characteristics of the implementation of the country's cross-border policy.

Keywords: cross-border cooperation, euroregion, Romania, border

For citation: Dragan D. G. Romania's Cross-border Policy towards Euroregions. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):227-236. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>

Received 21.03.2020

Revised 19.04.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

В 2017 г. Академией наук Румынии был завершен проект «Стратегия развития Румынии на 20-летний период» с публикацией итоговых работ. Проект был реализован в несколько этапов. В рамках первого этапа (2014 г.) были определены тематики одиннадцати направлений, сформированы рабочие группы и координаторы. На втором этапе (2015 г.) отмечен публикацией первого выпуска Стратегии. В нем представлен анализ текущего положения областей исследования, swot анализ, а также отражены объективные и ожидаемые результаты. Последующий, третий, этап разработки

Стратегии (2016 г.) имел цель определить приоритеты на горизонт планирования: краткосрочный (3-5 лет), среднесрочный (10 лет) и долгосрочный (20 лет). Анализ был опубликован во втором выпуске Стратегии. На четвертом этапе публикуется третий выпуск. В работе предлагались сценарии развития (пессимистический, реалистический и оптимистический). В рамках пятого этапа (2017 г.) было реализовано краткое изложение Стратегии и исполнительного резюме, соответствующие публикации стали завершающими. Таким образом, Стратегия

представлена пятью выпусками, которые суммарно составляют свыше 3000 страниц.

В исследовании были включены все области жизнедеятельности государства, в том числе и внешняя политика (Глава 11. Румыния в эпоху глобализации — пространство и традиции пересечения цивилизаций, баланса и умеренности).

Академическое видение развития страны важно для понимания концептуальных основ, формирующих румынскую стратегическую мысль. Внимание привлекло определение научным сообществом внешних географических границ, которые для Румынии представляют «жизненное пространство» используя терминологию Ф. Ратцела. В соответствии со Стратегией ими являются территории, формирующиеся в радиусе 1500-2000 км, к которым относят Балканы (Западные и Восточные), страны, состоящие в Восточном соседстве ЕС, Кавказ, страны Каспийского региона и т. д. [1]. Таким образом, анализ трансграничной политики Румынии на этом фоне представляет интерес с точки зрения понимания комплекса проблем, а также возможностей в реализации стратегических целей внешней политики страны.

ГРАНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Истоки исследования «границ» в современном политическом дискурсе переводят к использованию категории, представляющей собой, линию раздела территорий государств, которые являются суверенными и международно признанными. Между тем, современный предмет их исследования более обширен.

Преобладает несколько подходов в изучении границ, которые можно разделить на традиционные и постмодернистские. Их деление условное, так как новые подходы применяются синхронно вместе со старыми. Традиционный подход связан с выде-

лением государственных границ на основе делимитации и демаркации. Как справедливо отметил отечественный эксперт лимнологии Колосов В. А., «история человечества — это история войн, а большинство войн ставило конечной целью изменение границ» [2]. Подтверждением тому является и цикл глобальных военных конфликтов в начале XX в., посредством которых вновь и вновь происходило перекраивание границ государств. Как следствие они стали восприниматься, как передовая оборонительная линия, нерушимая и непроницаемая преграда для любых враждебных проникновений [3]. Исходя из этого, в исследованиях доминировало представление о том, что политическое разграничение пространства на всех уровнях — это средство удовлетворения двух базовых потребностей общества: обеспечение безопасности (защиты от внешних и внутренних угроз) и выделение территории, контролируемой определенной политической, культурной и социальной группой, обладающей выраженной идентичностью [3].

Геополитическая мысль о границах основывалась на трудах Ф. Ратцела. Им вводилось в оборот понятие «жизненного пространства», рассматривая «государство как живой организм, которому требуется определенное пространство для развития» [4]. Границы, таким образом, рассматривались как изменчивые и динамичные элементы.

Французская геополитическая школа, наоборот, отрицала географический детерминизм Ф. Ратцела, обосновывая примат воли и инициативы человека. В. Де ла Бланш выдвинул принципиально важный для современной геополитики принцип «поссибилизма», согласно которому то или иное пространство только предоставляет государству возможности его геополитической конфигурации, но реализация этих возможностей зависит от воли людей [5].

Новый импульс в изучении границ был вызван развитием интеграционных процессов в Западном мире в середине XX в., отразившимся на изменении содержания и понимания границ. В центре внимания исследователей были факторы, направленные на объяснение их функции. Таким образом, функциональным подходом удалось выявить их значение в качестве барьерной, контактной и фильтрующей зоны. В политологии функциональный подход применен в неолиберальной теории и связан, прежде всего с именами Д. Митрани, Я. Тинбергена, Э. Хааса и Л. Линдберга. Именно функционалисты, рассматривая процесс распространения властного влияния одного обладающего юрисдикцией центра на конкретную территорию через делегирование полномочий, сформулировали так называемую концепцию переливания (spillover) [6]. Иными словами происходит децентрализация, когда государство передает часть своих функций с центра на приграничные местные и региональные власти в интересах общей выгоды и пользы. Это принцип, лежащий в основе трансграничной политики.

Постмодернистские подходы сопряжены с теорией мировых систем и территориальных идентичностей. Продолжая теорию функционалистов, развивается идея, согласно которой рост трансграничных потоков и влияния трансграничных субъектов, приводит к утрате границами части барьерных функций. Тем самым, ни одна страна ныне не может быть абсолютно изолирована от соседей. Даже если двусторонние отношения очень холодны, соседние страны обычно заинтересованы в транзите, развитии коммуникаций, совместном использовании природных ресурсов и международных речных бассейнов, предупреждении неблагоприятных и опасных природных и техногенных явлений и т. п. [3].

Затем теория территориальных идентичностей, развивает идею, согласно которой значения границ формируются на базе общественного сознания и самоидентификации человека с определенной территорией. С одной стороны, значительные по численности этнические, культурные и региональные группы могут не разделять официально провозглашаемые ценности, представления о происхождении государства, его исторической миссии, границах и месте в мире, «естественных» врагах и угрозах национальной безопасности и т. д. Это создает предпосылки для неустойчивости границ и стабильности государства. С другой стороны, в условиях всемирной интеграции и унификации меняется сам этнический состав населения и его идентичность. Демографическая ситуация тем самым преобразовывает границу из «линии раздела» в «контактную зону». В этой связи обеспечение национальной безопасности трансформируется, так как оно затрагивает экономическую, политическую и культурную область и не может быть реализовано только военным путем. Что касается границ, то в современных условиях они явно становятся все более дифференцированными. В итоге сама система границ эволюционирует от единственных рубежных линий — к множеству, от линий — к зонам, от физических границ — к культурным, от непроницаемых барьеров — к линиям взаимодействия [3].

«ЕВРОРЕГИОНЫ»

Определение «еврорегион» имеет несколько трактовок. Базовой является форма трансграничного сотрудничества, образующегося между двумя или несколькими административно-территориальными единицами, расположенными в приграничных районах соседствующих государств.

Вначале 1990 гг. Румыния сдержанно относилась к формированию трансграничных отношений. Основной причиной являлась неурегулированность вопросов делимитаций и демаркаций границ с приграничными странами. После установления договорно-правовой базы сотрудничества Румыния стала активнее развивать форматы трансграничного взаимодействия. Мощный импульс к развитию «еврорегионов» дал и взятый Бухарестом внешнеполитический курс на интеграцию в ЕС и НАТО.

На современном этапе с участием Румынии функционируют двенадцать «еврорегионов». Среди декларируемых целей их создания: преобразование границ «от разделительной линии в место для диалога»; преодоление взаимного недоверия; укрепление демократии и развитие административных структур; преодоление периферийной позиции и государственной маргинализации; стимулирование экономического роста и развития, улучшение стандартов жизни населения; и достижение европейской интеграции, соответственно.

В 1993 г. был создан первый «еврорегион» — Карпатский. В его состав входили территориально-административные единицы Польши, Венгрии, Словакии, Украины и Румынии. Из-за характера румынского национального законодательства первоначально участвующие уезды обладали статусом наблюдателей, и только в 1997 г., после его реформирования они получили статус членов. К тому времени между Румынией и Венгрией в 1996 г. и Румынией и Украиной в 1997 г. были подписаны Договоры о дружбе и сотрудничестве.

В 1997 г. был реализован «еврорегион ДКМТ» между Румынией, Венгрией и Сербией. В 1998 г. создается «еврорегион Ниж-

ний Дунай», в котором участвовали административные районы Румынии, Украины и Молдовы. Второй «еврорегион» в трехстороннем формате Румыния — Украина — Молдова образован в 2000 г. — «Верхний Прут». Его география включала северо-восточные административно-территориальные районы Румынии (Ботошань, Сучава), Черновицкая область Украины и молдавские северные районы (Единец, Бельцы).

Создание «еврорегионов» с участием Болгарии было реализовано только к 2001-2002 гг., хотя Договор о дружбе и сотрудничестве между Бухарестом и Софией был подписан еще в 1992 г. В 2001 г. были созданы «еврорегион Южный Дунай» и «еврорегион Джурджу — Руссе». Уже в 2002 г. «еврорегион Дунай — Доброджя», «еврорегион Данубиус» и ассоциация «Дунай 21». Между административно-территориальными районами Румынии, Болгарии и Сербии в 2005 г. был создан «еврорегион Средний Дунай — Железные ворота». При этом межгосударственный Договор о дружбе и сотрудничестве между Румынией и Сербией был подписан в 2006 г., до этого действовал Договор 1996 г., подписанный с Республикой Югославия.

В результате фрагментации «еврорегиона Карпатский» в конце 2002 г. между Румынией и Венгрией формируется «еврорегион Бихор — Хайду-Бихар». Тогда же в 2002 г. был реализован «еврорегион» с участием Румынии и Молдовы — «Сирет — Прут — Днестр» [7].

Таким образом, за исключением Республики Молдова Румыния установила договорно-правовую базу сотрудничества со всеми приграничными странами. Впрочем, в конце 2010 г. Румыния под давлением ЕС подписала с Молдавией Договор о режиме государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи в пограничных вопро-

сах. Однако, впоследствии Бухарест отказался его ратифицировать¹.

Основные направления деятельности «еврорегионов» затрагивают такие сферы, как транспорт и коммуникации, пространственное планирование, экология и окружающая среда, занятость, культурные обмены, образование, и здравоохранение. Одновременно наблюдалось, что экономическая эффективность румынского приграничья с Болгарией и Венгрией выше, чем с другими приграничными районами. В то же время «еврорегионы» восточной границы включают территориально-административные районы Молдовы и Украины, где компактно проживает румынская этническая группа.

Между тем, в институализации трансграничного сотрудничества выделяются два основных этапа. Первый в 1997 г., когда еврорегиональное сотрудничество развивалось под воздействием таких схожих для стран факторов, как построения рыночной экономики и демократии, контекст интеграции в ЕС и НАТО и выполнение требований по урегулированию отношений с соседями. Второй этап фиксируется преимущественно в 2002 г. Ключевое место в нем занимала Болгария. Отношения с ней развивались вокруг таких тем, как совместное вступление в ЕС и НАТО и реализация инфраструктурных проектов, в частности строительство мостов через Дунай соединяющих приграничные районы.

ЦЕЛИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РУМЫНИИ

Стремление Румынии к участию и реализации трансграничных отношений обусловлено реализацией нескольких внешнеполитических задач.

Первоначально Закон № 151 от 1998 г. о региональной политике Румынии опреде-

ляет (ст. 2) нацеленность на стимулирование трансграничного сотрудничества, в том числе в рамках еврорегионов, «способствующих экономическому и институциональному развитию, реализации проектов, представляющих общий интерес» [8]. В редакции Закона № 315 от 2004 г. (ст.3) [9] цели, лежащие в основе трансграничного сотрудничества Румынии, детализированы. Ими предусмотрено: содействие сотрудничеству между регионами, общинами и властными структурами в решении общих проблем путем разработки и реализации трансграничных стратегий и проектов, которые способствуют экономическому развитию и повышению уровня жизни; содействие в реализации добрососедских отношений, социальной стабильности и экономическому прогрессу в приграничных регионах путем финансирования проектов, приносящих видимые выгоды регионам и общинам в этих регионах; поддержка децентрализации путем продвижения местных инициатив, реализуемых в рамках местных стратегий.

Между тем, как выразился экс-министр иностранных дел Адриан Северин, еврорегионы для Румынии «означали национальное воссоединение без изменения границ» [10]. В этом смысле одна из основных целей приграничного сотрудничества Румынии состояла и в том, что они создавались в том числе, с целью защиты румынского национального меньшинства, проживающего на территории соседних стран. Примерно 90 % территории Республики Молдова включено в трансграничное сотрудничество с участием Румынии. Территориально-административные области Украины, участвующие в еврорегиональном сотрудничестве — Черновцы и северо-запад Одессы, составляют исторические

¹ в 2013 г. Кишинев ратифицировал Договор.

территории межвоенной «Великой Румынии» — северная Буковина и южная Бессарабия. Преимущественно в отношении них применяется ст. 11 Закона о гражданстве Румынии, [11] дающая право на восстановление румынского гражданства.

Впрочем, зеркально установлено и румыно-венгерское еврорегиональное сотрудничество. Участвующие административно-территориальные уезды Румынии относятся к Трансильванскому региону, жители которого по этническому составу примерно на 70% состоят из венгров. «Секуйский вопрос» до и после вступления стран в ЕС остался в повестке их политики как вопрос «хрупкий», требующий многосторонности. Если его рассматривать в контексте «национального воссоединения без изменения границ», то очевидно, что это не соответствует интересам Румынии. Длительный период Бухарест минимизировал попытки венгерского меньшинства на восстановление автономии «края», которая у них была с 1952–1968 гг. В контексте времени создания «еврорегионов» в 1997 г., ни одна из стран Центрально-Восточной Европы, в том числе Венгрия и Румыния, не были нацелены на введение ревизионной политики по отношению к соседним странам, в противном случае это негативно оценивалось Западными структурами, куда они стремились вступить. В то же время после подписания межгосударственного Договора о дружбе и сотрудничестве и вступления в НАТО и ЕС конкурирующий характер отношений между Румынией и Венгрией не был преодолен. В интересах сохранения внутривнутриполитической стабильности и поддержания благоприятного имиджа на Западе Бухарест стремился в рамках «еврорегионов» реализовать преимущественно социально-экономическое сотрудничество. Среди актуальных проектов «Дороги без границ» (включен в программу «евро-

региона ДКМТ») и информирование граждан и содействие в участии в программе ЕС «Европа для граждан» (включен в программу «еврорегиона Бихор — Хайду-Бихар»).

Трансграничное румыно-болгарское сотрудничество реализовалось преимущественно в сфере развития контактных зон посредством строительства мостов, дорог и реализации приграничного технического обслуживания. Среди реализуемых проектов — ввод в эксплуатацию в 2013 г. моста Калафат-Видин состоящего в части приоритетов программы сотрудничества «еврорегиона Дунай 21». На его строительство ушло 13 лет, а сама эксплуатация стала возможной после оказанного ЕС давления на Болгарию и Румынию по его реализации. Между тем Бухарест не проявлял интереса к проекту. Мост, с позиции Румынии, «обходит страну, и минимально включает ее юго-западные маршруты» [12]. Впрочем, как ни парадоксально, сам характер трансграничного взаимодействия стран обуславливался отсутствием интереса к взаимодействию. Определенную роль в этой связи сыграл «ревностный» стиль румыно-болгарского сотрудничества. Бухарест, как и София, оглядывались друг на друга в период вступления стран в ЕС и НАТО, тенденция сохранившаяся и на современном этапе [13]. Таким образом, трансграничная кооперация практически сводилась к традиционному приграничному сотрудничеству и реализации экономических интересов стран в районах межгосударственных границ.

Из всех приграничных стран трансграничные отношения с Сербией выстраиваются в относительно благоприятном ключе. Совместное еврорегиональное взаимодействие затрагивает вопросы экономического развития участвующих районов по обе стороны границы. В то же время, кооперация стран реализуется в трехстороннем формате с уча-

ствием административно-территориальных единиц Болгарии либо Венгрии. В этой связи, так или иначе, опечаток румыно-венгерского, румыно-болгарского сотрудничества оказывает влияние и на румыно-сербское трансграничное взаимодействие. При этом модель еврорегионального сотрудничества выступает одновременно как инструмент реализации европейской политики. Проекты, инициированные представителями «еврорегионов», финансируются через структурные фонды ЕС (Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд и Фонд сплочения), через различные программы (например, INTERREG). Также для проектов с участием стран-кандидатов и ассоциированных членов ЕС, финансирование реализуется через Программы PHARE-CBC (Приграничное сотрудничество), Инструментом помощи перед вступлением (IPA) или Европейского соседства и партнерства (ENPI).

Румыния в реализации трансграничной политики также нацелена на улучшение имиджа страны в сопредельных странах и налаживание контактов с их политической элитой. Одним из сдерживающим факторов сотрудничества Румынии со странами соседями является негативное восприятие ее политики обусловленное прецедентами межгосударственных разбирательств (Украина), ирредентистски-

ми настроениями (Молдова), политикой в отношении национальных меньшинств, проживающих на территории Румынии (Венгрия) и пересечением экономических интересов (Болгария). Тем не менее, очевидно, что политическая роль Румынии в регионе значительно выросла после вступления страны в ЕС и НАТО и установлении, стратегических отношений с США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активизация трансграничной политики Румынии во второй половине 1990-х гг. в начале 2000-х гг. имеет в настоящее время двойственные последствия. С одной стороны, Румыния, устанавливая еврорегиональное сотрудничество со всеми приграничными странами значительно расширила двусторонний диалог, способствовала налаживанию межгосударственных контактов, повысила влияние Бухареста в вопросах защиты румынского этнического меньшинства, проживающего на территории соседних стран. С другой стороны, Румынией не удалось эффективно использовать трансграничное взаимодействие в целях снижения негативного восприятия, как собственной политики в соседних странах, так и наоборот. Таким образом, реализация данных задач сохраняет свою актуальность в повестке внешней политики Румынии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Strategia de dezvoltare a României în următorii 20 de ani. Sumar executiv/ Coord.: acad.Ionel-Valentin Vlad. Bucureşti: Editura Academiei Române; 2017. С.87
2. Колосов В. География государственных границ: идеи, достижения, практика. *Журнал Известия РАН. Серия Географическая.* 2008;5:8.
3. Введение в исследования границ / под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука; 2016. С. 45-127.
4. Классика геополитики. XIX век. Ф.Ратцел, А.Мэхэн, П.Чаадаев, Н.Данилевский. Москва: Издательство «АСТ»; 2003. 720 с.
5. Цыганков П. Французская школа геополитики в 2000 годах: отношения ЕС с Россией. *Международные процессы.* 2011;2(26):5.

6. Кулябина Л., Ногмова А. Динамика сотрудничества России со странами Европы в рамках еврорегионов. *Вестник ДА МИД РФ*. 2018;4:58
7. Euroregiunile de cooperare transfrontalieră din bazinul inferior al Dunării. Studiu geografic / Coord. Radu Săgeată. București. Editura Academiei Române; 2014. C. 30.
8. Legea nr. 151 din 1998 privind dezvoltarea regională în România. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/15220> (дата обращения 10.03.2020)
9. Legea nr. 315 din 2004 privind dezvoltarea regională în România. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/53040> (дата обращения 10.03.2020)
10. Locurile unde se construiește Europa. Adrian Severin în dialog cu Gabriel Andreescu / Adrian Severin. Iași: Polirom; 2000. C.53.
11. Legea cetățeniei române. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/121439> (дата обращения 10.03.2020)
12. Iliescu I. Fragmente din viața și istoria trăită. București: Editura Litera; 2011. URL: <https://books.google.ru/books?id=8kWvDwAAQBAJ&pg=PT1&lpg=PT1&dq=Fragmente+din+via%C8%9Ba+%C8%99i+istoria+tr%C4%83it%C4%83&source=bl&ots=ZDLLI5S0oE&sig=ACfU3U35Tb9nEkGFmjDkqibqbIH5jUnZ0w&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjLvpDbhLnoAhWql4sKHZJyAHYQ6AEwDXoECBAQAQ#v=twopage&q&f=false> (дата обращения 20.03.2020)
13. Scarlat G. Marea neînțelegere cu Bulgaria. De ce să trecem Dunărea. URL: <http://funn.eu/marea-neintelegere-cu-bulgaria-de-ce-sa-trecem-dunarea/> (дата обращения 17.03.2020)

REFERENCES

1. Romania's development strategy for the next 20 years. Executive summary / Coord.: acad. Ionel-Valentin Vlad. Bucharest: Ed. Romanian Academy; 2017. p. 87 (In Ro.)
2. Kolosov V.N Geography of State Boundaries: Ideas, Achievements, Practice. *Institute of Geography, RAS*. 2008;5:8 (In Russ.)
3. Introduction to border studies / Coord. S.V. Sevastyanova, Yu. Layne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dalnauka; 2016. p. 45-127 (In Russ.)
4. Classic of geopolitics. XIX century. F.Rattsel, A.Mehen, P.Chaadaev, N.Danilevsky. Moscow: Publishing house «AST»; 2003. 720 p. (In Russ.)
5. Tsygankov P. A. The French geopolitical school in the 2000s: EU relations with Russia. International trends. *International trends*. 2011;2(26):5 (In Russ.)
6. Kulyabina L.N. Nogmova A.S. Dynamics of Russia's cooperation with European countries in Euroregions. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia*. 2018;4:58 (In Russ.)
7. Cross-border Euroregions in the Danube basin. Geographical Study / Coord. Radu Sageata. Bucharest: Ed. Romanian Academy; 2014. p. 30 (In Ro.)
8. The Law no. 151 of 1998 on regional development in Romania. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/15220> [Accessed: 10.03.2020] (In Ro.)
9. The Law no. 315 of 2004 on regional development in Romania. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/53040> [Accessed: 10.03.2020] (In Ro.)
10. Places Where Europe Is Being Constructed: Adrian Severin in Dialogue with Gabriel Andreescu. Iasi: Ed. Polirom; 2000. p. 53 (In Ro.)
11. The Law regarding Romanian citizenship. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/121439> [Accessed: 10.03.2020] (In Ro.)

12. Iliescu I. Fragments of Life and Living History. Bucharest: Ed. Litera; 2011. URL: <https://books.google.ru/books?id=8k-WvDwAAQBAJ&pg=PT1&lpg=PT1&dq=-Fragmente+din+via%C8%9Ba+%C8%99i+istoria+tr%C4%83it%C4%83&source=-bl&ots=ZDLL15S0oE&sig=ACfU3U35Tb-9nEkGFmjDkqibqbIH5jUnZ0w&hl=ru&sa=X-&ved=2ahUKEwjLvDbhLnoAhWql-4sKHZJyAHYQ6AEwDXoECBAQA-Q#v=twopage&q&f=false> [Accessed: 20.03.2020] (In Ro.)
13. Scarlat G. The Big Misunderstanding with Bulgaria. Why Not Cross The Danube. URL: <http://fumn.eu/marea-neintelegere-cu-bulgaria-de-ce-sa-trecem-dunarea/> [Accessed: 17.03.2020] (In Ro.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниела Г. Драган, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; dragan_dana90@yahoo.com

Daniela G. Dragan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; dragan_dana90@yahoo.com

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Буддизм в Центральной Азии и России: история и современность

Ирина В. Колосова

*Дипломатическая академия МИД России,
Российский православный университет святого Иоанна Богослова
Москва, Россия,
tenagadalam@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается история буддизма в Центральноазиатском регионе и в России. Выделяются основные периоды и особенности распространения буддизма, его влияния на культуру местного населения. Исследуется современное состояние буддийской сангхи России и стран Центральной Азии.

Центральноазиатский регион сыграл важную роль в становлении буддизма в качестве мировой религии. В I-III вв. н.э. миссионеры из Центральной Азии осуществляли проповедь буддийского учения. Археологические находки свидетельствуют о том, что в период вхождения значительной части региона в состав Кушанского царства распространение буддизма становится массовым. Второй этап расцвета приходится на V- первую половину VIII вв., когда происходит расширение географии буддизма в регионе, мирно сосуществовавшего с другими религиями. Когда к IX в. территории современных Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана подпали под владычество Омейядского и Аббасидского халифатов, ислам постепенно вытеснил буддизм с этих земель.

Третий этап распространения буддизма в регионе связан с приходом туда джунгар, стремившихся завладеть территорией Казахстана. С 1690 по 1760 гг. Центральноазиатский регион стал ареной борьбы за гегемонию между буддийским Джунгарским ханством и Китаем. Джунгары способствовали распространению буддизма в восточной части Казахстана и северной части Восточного Туркестана. Вхождение Западного Туркестана в состав Российской империи положило конец внешней угрозе и феодальным междоусобицам. Начался процесс консолидации центральноазиатских наций, осознававших свою принадлежность к мусульманской умме. В отсутствии джунгарского и китайского фактора распространение буддизма в регионе практически прекратилось.

Интерес к буддизму в регионе вновь возник только в XX в. с возрождением религиозности на постсоветском пространстве. Однако на сегодняшний день количество буддистов в Центральной Азии незначительно. Среди последователей буддийского учения центральное место занимает корейская диаспора, проживающая в Центральной Азии с 1937 г., а также единичные необуддийские общины.

Буддизм внес свою лепту в формирование уникальной социокультурной идентичности России как евразийской по своей сути. Исторические области распространения буддий-

ского учения – Бурятия, Калмыкия, Тува, а также некоторые районы Алтая, Иркутской и Читинской областей. На сегодняшний день российская буддийская сангха состоит из самостоятельных центров, среди которых наиболее крупные расположены в Бурятии, Калмыкии, Туве, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Буддизм занимает важное место в общественной и культурной жизни России, заметно преодолевая границы регионов его традиционного распространения. Популярность буддийской философии обусловлена рядом причин, среди которых близость некоторых ее принципов современной научной мысли, и прежде всего, когнитивным наукам, а также открытость диалогу с другими культурно-религиозными традициями, гуманизм, этика ненасилия и идеи всеобщей ответственности.

Ключевые слова: буддизм, Центральная Азия, Россия, Кушанское царство, Туркестан, Джунгарское ханство, Тибет, далай-лама

Для цитирования: Колосова И. В. Буддизм в Центральной Азии и России: история и современность. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):237-249. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-237-249>

Статья поступила 27.02.2020

Принята в печать 17.03.2020

Опубликована 25.05.2020

Buddhism in Central Asia and Russia: History and Present State

Irina V. Kolosova

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Russian Orthodox University of St. John the Divine,
Moscow, Russia,*

tenagadalam@yandex.ru

Abstract: The article considers the history of Buddhism in Central Asia and in Russia. It outlines the main periods of development and special features of Buddhism in the region, its influence on the local culture. It explores the contemporary state of the Buddhist sangha in Russia and Central Asian countries.

Central Asia has played an important role in the development of Buddhism as a world religion. In I-III centuries A.D. missionaries from Central Asia carried out the sermon of the Buddhist teachings. The archeological findings illustrate the massive spread of Buddhism on the wide territories of the region which were part of the Kushan Kingdom. The second period of the flourishing of Buddhist teaching falls on the V – first part of the VIII centuries, when the geography of Buddhism in the region expanded, and it peacefully co-existed with other religions.

By IX century, when the territories of the contemporary Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tadjikistan stayed under the rule of Umayyad and Abbaside Caliphate, Islam eventually ousted Buddhism from these lands.

The third period of rise of Buddhism in the region started with the appearance of Dzungars who aspired to take hold of the lands of Kazakhstan. From 1690 to 1760 Central Asian region had become an area of struggle for the hegemony between the Buddhist Dzungarian khanate and China. The Dzungars promoted the spread of Buddhism in the Eastern part of Kazakhstan and Northern part of Eastern Turkestan. The entry of Western Turkestan into the Russian Empire put an end to external threats and internal feudal strife. It gave the start to the process of consolidation of the Central Asian nations, which recognized their belonging to Muslim Ummah. In the absence of Dzungar and Chinese factors the influence of Buddhism in the region almost stopped.

By the end of the XX century with the renaissance of religiosity on the post-Soviet space the interest to Buddhism slightly raised. However, at the present moment the number of the Buddhists in the region is insignificant. Among the followers of Buddhism the main place is taken by the Korean diaspora, residing in Central Asia since 1937. There also exist some single neo-Buddhist communities in the region.

Buddhism made its contribution to the development of the unique socio-cultural identity of Russia as Eurasian by its nature. Buryatia, Kalmykia, Tuva, as well as several parts of Altai, Irkutsk and Chita regions represent historical areas of the spread of Buddhist teaching. At the present moment the Russian Buddhist sangha contains of the major independent centers in Buryatia, Kalmykia, Tuva, Moscow and St.Petersburg.

Buddhism plays an important part in socio-cultural space of Russia, gradually moving far beyond the borders of the regions of its traditional location. Popularity of the Buddhist philosophy derives from the range of grounds, among which are the closeness of some of its principles to contemporary scientific ideas, first of all to cognitive sciences, as well as openness to dialogue with other cultural and religious traditions, humanism, ethics of non-violence and ideas of common responsibility.

Keywords: Buddhism, Central Asia, Russia, Kushan Kingdom, Turkestan, Dzungar Khanate, Tibet, Dalai-Lama

For citation: Kolosova I. V. Buddhism in Central Asia and Russia: History and Present State. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):237-249. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-237-249>

Received 27.02.2020

Revised 17.03.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Буддийское учение является одним из древнейших среди ныне существующих религиозно-философских систем. Буддизм возник на северо-востоке Индии в середине

I тысячелетия до н.э. и был назван в честь своего легендарного основателя Сиддхартхи Гаутамы Будды. Выступив как оппозиция к брахманизму, буддизм заявил о себе

как об учении, доступном для представителей всех каст и сословий, что позволило значительно расширить круг его последователей. В отличие от других дхармических религий, толерантность к иным культурным традициям, недогматичность и адаптивность учения, позволили буддизму выйти за пределы индийского субконтинента и стать первой из известных в истории мировых религий. На каждой территории, куда проникало буддийское учение, оно гибко адаптировалось к местному менталитету и образу жизни, создавая новые культурные формы, структуру и иерархию.

В конце XX – начале XXI в. буддизм заметно преодолевает границы ареалов своего традиционного распространения. В настоящее время около 7% населения планеты исповедуют буддизм, и популярность буддийского учения в мире продолжает расти. В связи с этим исследование буддийского культурного наследия в Центральной Азии и России представляет особый интерес.

БУДДИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Важную роль в процессе становления буддизма в качестве мировой религии сыграл Центральноазиатский регион [1]. Как указывает известный исследователь региона Т. К. Мкртычев, Центральная Азия занимает особое место в истории буддизма, поскольку она является связующим звеном между двумя великими цивилизациями — родиной буддизма Индией, и Китаем, где расцвет буддизма наступил в период раннего средневековья [1]. Согласно буддийскому преданию, среди прямых учеников Будды были два торговца из Бактрии – Тапассу и Бхалика. Многие представители народов Центральной Азии оказались в числе буддийских миссионеров в Китае, а первыми переводчиками буддийской литературы на китайский язык стали парфяне, согдийцы, тохары и хотанцы [1].

До утверждения ислама в VIII-IX вв., буддизм был широко распространен на территории Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, что подтверждается многочисленными археологическими свидетельствами. На сегодняшний день на территории Центральноазиатских государств найдено около тридцати памятников буддийского культурного наследия, среди которых монастыри, храмы, ступы и иные культовые сооружения, возведенные в период со II по X вв. н.э. В частности, в Вахшской долине Таджикистана расположен признанный ЮНЕСКО памятником всемирного культурного наследия буддийский монастырь Аджина-Тепе, который относится к VII-VIII вв. В восточном коридоре комплекса расположена колоссальная горизонтальная статуя «Будда в нирване», которая представляет собой одну из уникальных буддийских реликвий в мировой культуре.

Массовое распространение буддизма в Центральной Азии началось в первые века н.э. в период вхождения значительной части территорий региона в состав Кушанского царства, которое во времена своего расцвета со 105 по 250 гг. н.э. было одной из мировых империй, и охватывало территории современного Афганистана, нынешних стран Центральной Азии, Пакистана, Северной Индии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Кушанское государство поддерживало дипломатические отношения с Римской империей, Китаем и Персией.

Царство было основано ираноязычными степными кочевниками (предположительно народом тохаров — греч., или юэичжи — кит.), пришедшими с северо-запада Китая. Бактрия, располагавшаяся на территории современного Афганистана и южных районов Таджикистана и Узбекистана, стала основным ядром Кушанской империи. Государство быстро развивалось, активно распространялась торговля, поскольку

через территорию империи проходили торговые пути в Индию, Афганистан и Китай, строились города, ирригационная система, развивалось сельское хозяйство. К середине I в. при кушанском правителе Кадфизе II единая Центральноазиатская империя объединила множество разрозненных княжеств, и ее границы простирались от Аральского моря до Ганга.

Наследовав греко-бактрийскому царству, господствующее положение в котором занимали греки, поселившиеся в Центральной Азии при Александре Македонском и первых царях династии Селевкидов, Кушанская империя испытала на себе влияние эллинистической культуры. В частности, в основу кушанского письма был положен греческий алфавит. В результате переплетения культур различных народов, входивших в объединенное государство, в регионе сложились самобытные культурно-религиозные традиции, в числе которых такое уникальное явление в мировой культуре как греко-буддизм.

Среди кушанских царей, способствовавших распространению буддизма, наибольшую известность получила Канишка I, правление которого относят к первой трети II в. н.э. В этот период происходит смещение центра Кушанской империи в сторону Индии, когда столицей государства становится Пурушапура (современный Пешавар в Пакистане). В этот период буддизм становится массовой религией, приобретая популярность как в среде городской знати, так и среди рядовых горожан. При Канишке I был проведен IV Буддийский собор, в котором участвовало пятьсот монахов. Основным результатом деятельности собора стало составление свода текстов по буддийской метафизике Махавибхаша (Великое истолкование).

В греко-буддийском искусстве в период правления Канишки I утвердился

т. н. Гандхарская традиция, характерной чертой которой были многочисленные буддийские религиозные скульптуры, выполненные по канонам эллинистического искусства.

С распространением буддизма усилился культурный обмен между Центральной Азией и Индией [2]. Влияние Индии отразилось на архитектуре Центральной Азии. В Бактрах — столице Бактрии, был возведен буддийский храмовый комплекс. Повсеместно появлялись буддийские пещерные монастыри, среди которых наибольшую известность получил монастырь Кара-тепе в Термезе (современный Узбекистан). На территории соседнего Восточного Туркестана также сохранилось множество подобных пещерных монастырей.

Центральноазиатская буддийская архитектура развивалась в форме синтеза индийских и местных традиций зодчества. Создавались самобытные архитектурно-планировочные схемы: например, центральная ступа буддийского монастыря была заключена в квадрат сообщающихся между собой сводчатых коридоров, в которых находились статуи Будды [3].

Кушанское царство оставило заметный след в культуре Центральноазиатского региона. На V – первую половину VIII в. приходится второй период расцвета буддийского учения в Центральной Азии, когда происходит значительное расширение географии буддизма в регионе: с территорий Бактрии (Тохаристана) и Маргианы, буддизм распространяется в Согдиане, Фергане, Чаче и Семиречье.

В период раннего средневековья в Бактрии, помимо сохранившихся буддийских памятников кушанского периода, стали возводиться новые сооружения. Буддизм мирно сосуществовал там с древними местными культами, и в первую очередь, с зороастризмом.

Как указывает известный буддолог А. Берзин, на протяжении маршрутов Великого шелкового пути располагались буддийские монастыри. Они предоставляли торговцам кров и денежные займы. В монастырях также проживали буддисты-миряне, занимавшиеся ремеслами. Активно процветала торговля украшениями из полудрагоценных камней, привезенных из Китая. Исповедавшие буддизм торговцы и ремесленники оказывали значительную поддержку монастырям, способствуя росту их благосостояния. А. Берзин подчеркивает особую роль торговли в укреплении буддийской общины на территории Великого шелкового пути [4].

Когда к IX в. территории современных Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана подпали под владычество Омейядского и Аббасидского халифатов, арабы-мусульмане позволили местному населению исповедовать свою религию при условии регулярной выплаты подушного налога. Однако во избежание налогового бремени большинство жителей предпочло принять ислам, особенно это касалось ремесленников и торговцев, для которых с принятием ислама открывались новые возможности и рынки сбыта товаров [4]. Вследствие этого ислам постепенно вытеснил буддизм с территорий Центральной Азии.

Вместе с тем, как указывает исследователь Б. А. Литвинский, наследие буддизма прослеживается в культуре Центральной Азии и в период развития ислама [3]. Хотя многие буддисты Тохаристана, в том числе настоятель монастыря Нава Вихара (располагавшегося на севере современного Афганистана), перешли в ислам, монастырь оставался действующим и процветал, о чем свидетельствовал китайский паломник Йи Чинг, посетивший его во время правления Омейядского халифата [3].

Влияние буддийской культуры нашло свое отражение в литературе, живописи и искусстве мусульманской Центральной Азии, Ирана и Афганистана. Буддизм оказал влияние и на ранний суфизм. Как полагает Б. А. Литвинский, возникшие в X в. высшие исламские учебные заведения — медресе, были генетически связаны с буддийскими монастырями. А в поэзии Ирана и Таджикистана сохранилось слово «бут» (Будда), которое с X в. стало употребляться в значении «идола», «красавицы» и «возлюбленной» [3].

В эпоху позднего средневековья происходит кратковременное возвращение буддизма в Казахстане и в Центральной Азии в целом, что связано, вероятно, с появлением проповедников из Тибета, Синьцзяна и Индии и вторжением монгольских кочевых племен, чьей религией был буддизм. Как указывает Т. К. Мкртычев, помимо распространения буддийского учения из Индии в Центральную Азию и Китай, в этот период наблюдается и «обратная» волна движения буддизма из Китая, особенно в связи с политической экспансией последнего в Центральной Азии. Встречные движения буддийской проповеди стимулировали распространение буддийской культуры в Центральной Азии [1].

Третий этап распространения буддизма в регионе связан с приходом туда джунгар, стремившихся завладеть землями Казахстана. С 1690 по 1760 гг. Центральноазиатский регион стал ареной борьбы между Джунгарским ханством и Китаем. В XVII-XVIII вв. Джунгарское ханство (ойрат-монгольское государство) было одной из могущественных держав в регионе. После распада Монгольской империи воинственным ойратам удалось объединиться и создать государство, единой религией которого стал тибетский буддизм, преимущественно школы Гелуг. В первой половине XVIII в. под кон-

тролем ойратских правителей оказалась значительная часть восточных земель Туркестана, а также территории современного Казахстана, юго-запад Монголии и южная часть горного Алтая, где джунгары активно поддерживали тибетский буддизм.

На территории Центральной Азии сохранились буддийские культурные памятники, относимые к джунагскому периоду. В частности, к тибетскому буддизму в традиции Ваджраяны относят наскальные изображения Будды Тамгалы-тас (Писанные скалы) в Казахстане, расположенные на правом берегу р. Или, где находилась переправа на маршруте Великого шелкового пути. Памятник представляет собой три высеченных из скальных пород изображения: Будды Шакьямуни, достигшего просветления; бодхисатвы сострадания Авалокитешвары и Будды медицины. Также на камнях высечена главная буддийская мантра «Ом Мани Падме Хум» на тибетском языке.

Памятником тибетского буддизма в Казахстане также является «Текелийская стела» — трехметровая скала, по форме напоминающая пирамиду, на которой высечена ступа. Ее держит в лапах Снежный Лев, который в Тибете считается защитником буддийского учения и олицетворяет собой отвагу, преданность и жизнерадостность. Также на скале высечен буддийский знак Калачакры (буддийской тантры об устройстве вселенной), символически иллюстрирующий взаимосвязь внутреннего и внешнего мира.

В 1753 г., во время вспыхнувшей борьбы за власть в Джунгарском ханстве, китайские войска осуществили вторжение

в Джунгарию и переподчинили себе местные племена [5]. В 1759 г. китайцы одержали окончательную победу над ойрат-монголами, и Джунгарское ханство исчезло с политической карты мира. Победоносные походы Китая в Центральной Азии продолжались. В погоне за ойратскими беженцами китайские войска стали вторгаться на территорию Казахстана и Киргизии. Вслед за этим Китай завоевал и мусульманскую Кашгарию. Покоренные территории Джунгарии и Кашгарии получили название «Синьцзян» («Новая граница», или «Новая территория»), которые стали управляться наместниками из Пекина [5]. Так было положено начало расколу исторического Туркестана¹ на Восточный, находившийся под властью Китая, и Западный — оставшийся под контролем трех мусульманских государств — Бухары, Коканда и Хивы.

После того, как цинская империя ввела ряд антимусульманских законов, в 1863-1869 гг. в Восточном Туркестане вспыхнуло антикитайское восстание. Основную массу восставших составили китайские мусульмане (дунганы) и тюркские племена уйгуров. В результате уйгуро-дунганского восстания цинские гарнизоны и поселения были истреблены, а буддийские монастыри и ступы разрушены [5]. Позже восстание было жестоко подавлено китайскими властями. Тысячи китайских и уйгурских мусульман бежали в Казахстан, Западный Туркестан и Российскую империю. Ранее от джунгар откололись буддисты-калмыки, которые отправились в район Волги, в европейскую часть России.

¹ Туркестан (земля тюрков) — название самобытного историко-географического региона, занимавшего территории современных Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, тюркоязычные территории юга Сибири, а также север Афганистана и Ирана. Во второй половине XIX в. исследователи условно делили Туркестан на Западный (вошедший в состав Российской империи), Восточный (под властью Китая) и Южный (северная часть Афганистана и Ирана, с преимущественно ираноязычным населением). Примеч. авт.

В XIX в. Центральноазиатский регион стал ареной противостояния трех мировых держав — Британии, Китая и России. Вхождение Западного Туркестана в состав Российской империи положило конец британской и китайской угрозе, а также постоянным феодальным междоусобицам, разорявшим население. Царская администрация проявляла веротерпимость и уважала местные обычаи. Поэтому, войдя в состав Российской империи, народы региона не утратили свою культурную самобытность. В этот период начался процесс консолидации центральноазиатских наций, осознававших свою принадлежность к мусульманской умме. В отсутствие джунгарского и китайского факторов влияния, буддизм в регионе практически исчез.

Интерес к буддийскому учению в Центральной Азии возник после распада СССР, с возрождением религиозности на постсоветском пространстве. Однако на сегодняшний день количество буддистов в регионе незначительно. Среди последователей буддизма центральное место занимает корейская диаспора, проживающая в Центральной Азии с 1937 г., когда 172 тысячи этнических корейцев были переселены из приграничных районов Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию.

В Узбекистане, где этнические корейцы составляют 0,2% населения, зарегистрирована одна буддийская община, и возведен буддийский храм в Ташкенте. В Киргизии также зарегистрирована одна буддийская община «Чамсен» (кор. «Освобождение») с числом последователей в 120 человек, среди которых, в основном, этнические корейцы, русские и киргизы. В Бишкеке расположена буддийская школа медитации в тибетской традиции Карма Кагью [6]. В Казахстане буддизм исповедуют буряты, калмыки и немногочисленная часть корейской диаспоры.

На территории СУАР Китая проживает компактная группа т. н. тарбагатайских киргизов, исповедующих тибетский буддизм со второй половины XIX в. Предположительно они являются потомками енисейских киргизов, переселенных джунгарами в долину р. Эмель. Одно из основных мест их расположения носит название «Кыргыз-Куре» (букв. «киргизский буддийский храм»). Ввиду соседства с более многочисленными казахами, в настоящее время тарбагатайские киргизы используют казахский язык. Поскольку браки между киргизами-буддистами и мусульманами казахами и уйгурами нередки, наблюдается смешение буддийских и исламских культурно-религиозных традиций [7].

БУДДИЗМ В РОССИИ

Совместно с другими традиционными религиями, буддизм внес свою лепту в формирование уникальной социокультурной идентичности России как евразийской по своей сути [8]. На территории России проживают народы, исповедующие буддизм и почитающие своим духовным лидером далай-ламу. Исторические области распространения буддийского учения — Бурятия, Калмыкия, Тува, а также некоторые районы Алтая, Иркутской и Читинской областей.

К началу XVIII века в состав Российской империи вошли два монголоязычных народа, исповедовавших буддизм Махаяны — буряты и калмыки. В 1764 г. императрица Екатерина II учредила пост Пандита-хамбо-ламы — главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья. Так буддизм получает признание в качестве одной из религий в России. В 1766 г. бурятские ламы признали императрицу Екатерину Великой воплощением Белой Тары (санскр. «Спасительница»), являющуюся одной из главных бодхисатв-женщин.

В 1914 г. под протекторат России перешел Урянхайский край (ныне — Республика Тува), где буддизм исповедовался с XIII в.

Благодаря связям буддийских народов — подданных Российской империи с далай-ламой, завязались отношения между Российской империей и Тибетом, которые на первом этапе носили сугубо религиозный характер [9]. Тибет для российских буддистов был местом паломничества к буддийским святыням, в тибетских буддийских монастырях-университетах, таких как Дрепунг Гоман, Гумбум, Лавран обучались русские буддисты, отсюда доставлялись буддийские религиозно-философские трактаты и предметы культа.

С 70-х гг. XIX в. Тибет становится объектом географических исследований России, которыми руководило Императорское Русское географическое общество. Российские путешественники в основном исследовали северо-восточные окраины Тибетского нагорья. В 1880-е гг. с помощью экспедиций Н. М. Пржевальского Россия делала попытки установить отношения с Далай-ламой.

Интерес к тибетской культуре в Российской империи не угасал и благодаря трудам П. А. Бадмаева — доктора тибетской медицины, чье врачебное искусство высоко ценилось императорской фамилией. Бурят по происхождению, П. А. Бадмаев принял православие. В 1881 г. собираясь в экспедицию в Монголию, Китай и Тибет, Бадмаев просил благословение у о. Иоанна Кронштадтского, а впоследствии лечил раненого святого после совершенного на него покушения.

П. А. Бадмаев первым перевел с тибетского на русский язык знаменитый трактат по тибетской медицине «Чжуд-Ши» [10]. Помимо успешной медицинской деятельности, Бадмаев пробовал себя и на дипломатическом поприще. Известно, что в 1893 г. Бадмаев выдвинул авантюрный проект

присоединения «монголо-тибетско-китайского Востока» к России [11]. В 1895 г. Лхасу посетили бурятские паломники — приближенные П. А. Бадмаева, вступившие в контакт с личным советником Далай-ламы XIII бурятом Агваном Доржиевым. Убежденный русофил Доржиев сумел убедить Далай-ламу в том, что Россия, покровительствующая бурятским и калмыцким буддистам, сможет защитить Тибет от посягательств Британии на его территорию [11].

Визиты Агвана Доржиева в Петербург положили начало политическому диалогу России и буддийской столицы Лхасы. О реальном присоединении Тибета к России речи не шло, однако в 1896 г. главной целью «тибетской политики» Российской империи становится противодействие установлению протектората Великобритании над Тибетом [9]. Опасения Петербурга были связаны с тем, что установив контроль над Тибетом, англичане смогут оказывать влияние на калмыцких и бурятских буддистов. В связи с этим, исследователь А. И. Андреев называет политику России в отношении Тибета политикой сдерживания Англии. Другой составляющей этой политики было признание Тибета территорией, подвластной Китаю. Сохранение целостности Цинского Китая служило цели сдерживания Англии в регионе.

Не без участия Бадмаева Россия — первая из европейских стран установила дипотношения с Тибетом, учредив в 1901 г. по личному распоряжению императора Николая II российское консульство в городе Дарцендо (Дацзянлу) «для постоянных сношений Императорского правительства с высшими буддийскими властями Тибета» [9].

В 1903-1904 гг. сложившийся status quo был нарушен британской военной интервенцией в Тибет, в результате которой летом 1904 г. Далай-лама был вынужден бежать в Монголию. Впоследствии ослабленная

войной с Японией и революцией, Россия более не могла уделять пристальное внимание своей центральноазиатской политике, ограничившись в 1908 г. лишь выдачей ссуды Далай-ламе в ответ на просьбу буддийского лидера. При этом некоторая часть влиятельных востоковедов во главе с академиком С. Ф. Ольденбургем предлагала России использовать исторический момент нахождения Далай-ламы в соседней Монголии, для того чтобы переселить тибетского лидера в Россию — в Забайкалье, что могло бы привести к возникновению нового северного буддийского религиозного центра в противовес Лхасе, оказавшейся под контролем англичан [8].

В 1900 г. будучи представителем далай-ламы XIII Агван Доржиев по высочайшему согласию российского императора инициировал строительство в Петербурге первого в Европе буддийского храма — храма Калачакры. Статуя Будды для храма была подарена королем Сиам Рамой Пятим. 10 августа 1915 г. состоялось освящение храма. А первым настоятелем был назначен А. Доржиев [12].

Король Сиам Рам Пятый (Чуула-лонгкорн) впервые посетил Россию в 1897 г., где встретился с российским императором Николаем II. Король преподнес в подарок российским ведомствам и университетам первые печатные издания буддийского Священного Писания — Палийского канона «Трипитаки». Один из подаренных экземпляров Священных текстов буддизма Тхеравады был передан в «Библиотеку Азиатского департамента МИД Российской империи». Король Сиам посетил архив МИД, где директор архива князь Голицын преподнес королю в подарок документ об избрании на царство Михаила Федоровича, альбом коронованных особ и описание всех коронаций. В 2016 г. в Тайланде и России торжественно отмечалось 120-летие со дня

установления дипломатических отношений Российской империи и Таиланда и преподнесения буддийского священного писания королем Сиам российскому народу.

После Октябрьской революции 1917 г. молодое советское государство, стремившееся сплотить народы в борьбе с империализмом, признало *de facto* суверенный статус Тибета, который он обрел в 1913 г. в результате Синьхайской революции в Китае. Однако в 1949 г. к власти в Китае пришли коммунисты, сразу поставив вопрос о присоединении Тибета к КНР, в результате чего Тибет перестал существовать как независимое государство [11]. За этим последовали массовые антикитайские выступления тибетского народа, апогеем которых стало восстание в Лхасе в 1959 г., которое было жестоко подавлено, и тысячи тибетцев во главе с Далай-ламой были вынуждены бежать в соседнюю Индию [13]. В 1950 г. СССР сформулировал свою позицию по тибетскому вопросу — Тибет является неотъемлемой частью Китая, и его дела находятся в исключительной компетенции китайского правительства. К этому моменту связь российских буддистов с Тибетом окончательно прервалась, с учетом антирелигиозной политики советского государства, которое с начала 30-х гг. осуществляло гонения на буддизм.

Начавшийся в 80-е гг. процесс национального возрождения трех буддийских республик привел к возобновлению традиционных культурно-религиозных связей российских буддистов с Далай-ламой, находящимся на территории Индии. Однако визиты далай-ламы XIV Тензина Гьяцо в Россию для дарования учений российским буддистам остаются проблематичными. Несмотря на то, что последний снял с себя политические функции, в глазах Китая он продолжает рассматриваться как глава непризнанного тибетского государства.

В последнее время российская буддийская община состоит из четырех самостоятельных центров: в Бурятии располагается буддийская Традиционная Сангха России (БТСР), в Калмыкии — Объединение Буддистов Калмыкии (ОБК), в Туве — Объединение буддистов Тувы (ОБТ), а также Московско-Санкт-Петербургский центр (сообщество небольших независимых общин и центров, не имеющих общего руководства и единой линии передачи учения). Каждый из вышеназванных центров в той или иной степени претендует на ведущую роль в российских буддийских кругах [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Буддизм сыграл важную роль в формировании культурной самобытности Центральноазиатского региона, а Великий шелковый путь создал необходимые условия для ста-

новления буддизма в качестве мировой религии. Буддийское наследие нашло свое отражение в значительном количестве буддийских памятников, обнаруженных на территории стран Центральной Азии, однако на сегодняшний день число приверженцев учения Будды в регионе незначительно.

Буддизм занимает важное место в общественной и культурной жизни современной России, заметно преодолевая границы регионов его традиционного распространения. Популярность буддийской философии обусловлена рядом причин, среди которых близость некоторых ее принципов современной научной мысли, и прежде всего, когнитивным наукам, а также открытость к диалогу с другими культурно-религиозными традициями, гуманизм, этика ненасилия и идеи всеобщей ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I-X вв.) Москва: ИКЦ Академкнига; 2002. 286 с.
2. Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы. В.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Москва: Наука; 1992. С.77-115.
3. Литвинский Б.А. Буддизм в Средней Азии (проблемы изучения). URL: <http://annales.info/books/bsa1.htm/> (дата обращения: 19.02.2020).
4. Берзин А. Взаимодействие буддизма и ислама: Омейядский халифат. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyy-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-i-islam-prodvinutyy-uroven/vzaimodeystvie-buddizma-i-islama-omeyyadskiy-halifat> (дата обращения: 19.02.2020)
5. Бакланов В.И. Геополитическое соперничество и войны в Центральной Азии между Китаем, джунгарами, казахами и Россией в 1690-е по 1759 г. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=239&cat=12 (дата обращения: 01.02.2020).
6. История буддизма в Кыргызстане. Буддийский центр в Бишкеке. URL: <http://buddhism.kg/q&a/istoriya-buddizma-v-kyrgyzstane> (дата обращения: 22.02.2020).
7. Чертыков М.А. Киргизы-буддисты. Центр Льва Гумилева. Евразийство и скифство. URL: <https://www.gumilev-center.ru/kirgizy-buddisty/> (дата обращения: 22.02.2020).
8. Уланов М.С., Уланова Г.В. Социокультурное пространство России и буддизм. *Вестник Калмыцкого университета*. 2012;1:95-100.
9. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, издательство А.Терентьева «Нартанг»; 2006. 463 с.

10. См. Чжуд-ши. Основы тибетской медицины. Санкт-Петербург; Невский проспект: 1999. 156 с.
11. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева / Под ред. Кузьмина Ю. В. Иркутск: Изд-во БГУЭП; 2006. 184 с.
12. Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. Санкт-Петербург: издательство А.Терентьева «Нартанг»; 2004. 224 с.
13. Колосова И. В. Проблемы сохранения культурного наследия Тибета. *Мир и политика*. 2011;6:71-80.
14. Монгуш М. В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа. Новые исследования Тувы. 2016;1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/5/showToc> (дата обращения: 01.02.2020).

REFERENCES:

1. Mkrtychev T.K. Buddhist art of Central Asia (I-X centuries). Moscow: IKC Academkniga; 2002. 286 p. (in Russ.)
2. Vorobieva-Desyatovskaya M.I. Indians. In: Eastern Turkestan in Ancient times and Early Medieval Ages. Ethnicity, languages, Religions. Moscow: Science; 1992. P. 77-115 (in Russ.)
3. Litvinskiy B.A. Buddhism in Central Asia (study issues). URL: <http://Annales.info/books/bsa1.htm/> [Accessed: 19.02.2020] (in Russ.)
4. Berzin A. Interaction of Buddhism and Islam: the Umayyad Caliphate. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyy-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-i-islam-prodvinutyy-uroven/vzaimodeystvie-buddizma-i-islama-omeyyadskiy-halifat> [Accessed: 19.02.2020] (in Russ.)
5. Baklanov V. I. Geopolitical rivalry and wars in Central Asia among China, Dzungars, Kazakhs and Russia in 1690-1759. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=239&cat=12 [Accessed: 19.02.2020] (in Russ.)
6. History of Buddhism in Kyrgyzstan. Buddhist Center in Bishkek. URL: <http://buddhism.kg/q&a/istoriya-buddizma-v-kyrgyzstane> [Accessed: 22.04.2020] (in Russ.)
7. Chertykov M.A. Kyrgyz – Buddhists. Lev Gumilev Center. Eurasianism and Scythianism. URL: <https://www.gumilev-center.ru/kirgizy-buddisty/> [Accessed: 22.02.2020] (in Russ.)
8. Ulanov M.S., Ulanova G.V. Socio-cultural space of Russia and Buddhism. *Bulletin of Kalmyk University*. 2012;1:95-100 (in Russ.)
9. Andreev A.I. Tibet in the policy of the Tzarist, Soviet and post-Soviet Russia. St. Petersburg: St.Petersburg University press, Publishing house of A.Terentiev «Nartang»; 2006. 463 p. (in Russ.)
10. Gyuzhi. Basics of Tibetan medicine. St.Petersburg: Nevskiy prospect; 1999. 156 p. (in Russ.)
11. Kuzmin U.V. Eastern projects of Dr.P.A.Badmaev. Irkutsk: BGUEP; 2006. 184 p. (in Russ.)
12. Andreev A.I. Temple of Buddha in Northern Capital. St.Petersburg: Publishing house of A.Terentiev «Nartang»; 2004. 224 p. (in Russ.)
13. Kolosova I.V. The issues of preservation of the cultural heritage of Tibet. *World and policy*. 2011;6:71-80. (in Russ.)
14. Mongush M.V. Traditional and Western Buddhism in contemporary Russia: the experience of comparative analysis. *New research of Tuva*. 2016;1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/5/showToc> [Accessed: 19.02.2020] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина В. Колосова, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
tenagadalam@yandex.ru

Irina V. Kolosova, PhD in Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; Russian Orthodox University of St. John the Divine, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
tenagadalam@yandex.ru

Борьба Украины за автокефальную церковь в контексте политизации религии

Ольга А. Грива¹, Наталья В. Якса²

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им.В. И.Вернадского»,

Симферополь, Россия,

¹ogriva@yandex.ru, ²jannsson@mail.ru

Аннотация: В статье проанализирован процесс движения украинской власти и определенных церковных кругов за получение Томоса (церковного разрешения) на создание единой Украинской православной церкви, развернувшийся в настоящее время. Авторы указывают на крайнюю заполитизированность данного процесса, касающегося, прежде всего дел Церкви и верующих. Методологической базой исследования стала наметившаяся не так давно философия раскола, позволяющая видеть последствия расколов в первую очередь в поляризации общества. Авторами также был использован метод текстологического анализа высказываний участников обозначенных событий. В ходе исследования сделано заключение о том, что факты и события, происходящие в связи с развернувшимся процессом борьбы Украины за получение Томоса на Украине, указывают на крайнюю политизацию, характерную для настоящего времени, не только религии, но и государственно-конфессиональных, и межцерковных, и внутрицерковных отношений.

Материалы исследования позволяют сделать вывод о необоснованности претензий Вселенского патриарха Варфоломея на право единолично выдавать Томос на автокефалию, поскольку под ними нет никакого источника, кроме собственной воли и собора Константинопольской церкви. А также отсутствует и консенсус других автокефальных Церквей, которые бы даровали такое право Вселенскому патриарху.

Ключевые слова: религия, Церковь, церковный раскол, Православие на Украине, этнофилия, Томос, философия раскола, патриарх

Для цитирования: Грива О. А., Якса Н. В. Борьба Украины за автокефальную церковь в контексте политизации религии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):250-258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-250-258>

Статья поступила 07.02.2020

Принята в печать 23.03.2020

Опубликована 25.05.2020

The Fight of Ukraine for the Autocephal Church in the context of politicization of Religion

Olga A. Griva¹, Natalia V. Yaksa²

*the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol, Russia,*

¹ogriva@yandex.ru, ²jannsson@mail.ru

Abstract: The article analyzes the process of the movement of the Ukrainian authorities and certain church circles for receiving Tomos (ecclesiastical permission) for the creation of a single Ukrainian Orthodox Church, which has now unfolded. The authors point out the extreme politicization of this process, which concerns, above all, the affairs of the Church and believers. The methodological basis of the research was the recently developed philosophy of schism, which allows one to see the consequences of splits, primarily in the polarization of society. For the analysis, the authors also used the method of textological analysis of the statements of the participants of the marked events. In the course of the study, the authors concluded that the facts and events taking place in connection with the unfolding process of Ukraine's struggle for obtaining Tomos in Ukraine point to the politicization at the present time of not only religion, but also state-confessional and inter-church relations.

The materials of the research allow us to conclude that the claims of the Ecumenical Patriarch Bartholomew to the right to solely extradite Tomos to autocephaly alone are unreasonable, since there is no source under them except for one's own will and the cathedral of the Constantinople Church. And also the authors point out the lack of consensus of other autocephalous Churches that would grant such a right to the Ecumenical Patriarch.

Keywords: religion, church, church schism, Orthodoxy in Ukraine, ethnophilia, Tomos, philosophy of schism, Patriarch

For citation: Griva O. A., Yaksa N. V. The Fight of Ukraine for the Autocephal Church in the context of politicization of Religion. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):250-258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-250-258>

Received 07.02.2020

Revised 23.03.2020

Published 25.05.2020

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап истории характеризуется стремительными темпами перемен во всех сферах постсоветского общества. Эти изменения неоднозначны по своим последствиям для Церкви и верующих. Новая историческая обстановка, полностью отличная от существовавшей во времена со-

ветского строя, новые комплексы проблем, с которыми сталкивается Церковь, требуют не только незамедлительного ответа, но и глубокого историко-церковного изучения опыта существования Церкви в странах бывшего постсоветского пространства. В этом отношении еще Святейший патри-

арх Алексий II писал по этому поводу: «Первой задачей в этой связи, должен быть выбор и анализ полной информации о церковных расколах, разного рода религиозного и конфессионального самосознания у нашего народа, о процентном соотношении между так называемыми «номинальными» и «практикующими православными» [1].

Существующие на сегодня исследования мало затрагивают аспекты расколов, угрожающих целостности Православия. Хотя, практика последнего времени указывает на важность происходящего в Православной церкви для всех людей, так или иначе имеющих отношение к истории постсоветского пространства. Особенно, для проживающих на огромных территориях России и Украины.

История церковных расколов в Православии, как и история Церкви постсоветского периода, еще недостаточно изучена, в научное обращение привлечено лишь небольшое количество существующих по этому поводу работ. Но эта тема, без сомнения, является весьма актуальной, хотя бы потому, что события церковной жизни, происходящие на наших глазах, например, современный процесс борьбы Украины за Томос на автокефалию, уходящий своими корнями в предыдущий раскол Украинской православной церкви и, возможно, ведущий к новому расколу, не могут оставлять равнодушными современных христиан.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Политизация церковной жизни, односторонние государственные решения, политические и националистические манипуляции верующими, возможно, и удовлетворяют чьи-то амбиции, но для народа все это оборачивается длительной трагедией. Нужно, однако, обратить внимание на вопрос об этапах эволюции раскола в сознании церковного общества. Это важно, так как любой раскол — это, образ-

но говоря, не только рана на теле Церкви, но и на социальном организме всего общества. В этом вопросе значительную роль играют, как внутренние (внутри церковные), так и внешние факторы: поддержка, а иногда и инициирование раскола властью, и даже ее непосредственное вмешательство и негласное руководство.

Современная церковная ситуация на Украине сложилась в результате действия различных сил на протяжении всего исторического периода, сопутствующего оформлению государственности и Церкви на Украине. Рассмотрение длительного процесса, обусловившего создание данного положения дел и современной религиозной конфигурации на Украине не входит в задачи данного исследования.

В последнее время на Украине действуют три официально зарегистрированные религиозные организации, которые относят себя к Православному Христианству. Канонической, в полном смысле этого слова, из них является только одна — Украинская православная церковь, к названию которой обычно добавляют слова «Московского Патриархата». Две другие — Украинская православная церковь Киевского Патриархата (появилась в результате церковного раскола на Украине в 1992 году) и Украинская автокефальная православная церковь (организованная украинской диаспорой в Северной Америке и Западной Европе) — не являются каноническими. Вследствие сложившейся геополитической обстановки именно две последние, будучи по форме религиозными организациями, выражают политическую волю национального украинского государства, а по сути, отражают такое понятие как «этнофилия», по смыслу близкое к «национализму» — идеологии, политике и психологии в национальном вопросе. В ракурсе этнофилии нация трактуется как высшая, внеисторическая

и надклассовая форма единства общества, как гармоничная целостность, цельность с главными интересами всех составляющих ее слоев социума. Первая же — Украинская православная церковь Московского Патриархата — в настоящее время в Украине причисляется определенными кругами страны к «агентам страны-агрессора».

В этих условиях Президент Украины Петр Порошенко в апреле 2018 г. заявил о своем намерении обратиться к Вселенскому патриарху за церковным разрешением на создание единой автокефальной церкви для Украины. Он утверждал: «Сегодня Украина как никогда близка к появлению собственной автокефальной поместной церкви. Очень надеюсь, что это решение может быть принято до 1030-летия крещения Украины–Руси» [2].

Петр Порошенко предпринял уже не первую для Украины попытку получения церковного Томаса (разрешения). До него с подобными предложениями к Фанару обращались предшественники Президенты Украины — Леонид Кравчук, а затем Виктор Ющенко. Каждый из них придерживался тезиса «Национальному государству — национальную Церковь». В истории борьбы современной Украины за независимую украинскую церковь был даже факт обращения к Папе римскому Иоанну Павлу II, как арбитру в этом вопросе. В последующем к руководству Вселенской константинопольской церкви взывали о единой православной церкви для Украины политические деятели рангом ниже, такие как спикер Украинского парламента Андрей Парубий и премьер-министр Украины Владимир Гройсман.

Настаивала перед Варфоломеем I на Томосе на автокефалию для Украины и украинская диаспора. В частности, канадец украинского происхождения, президент Всемирного Конгресса украинцев Евгений Чолий встречался с Константинопольским

патриархом в Стамбуле 30 января 2018 г. именно для того, чтобы озвучить Патриарху Резолюцию Годового общего собрания ВКУ 2017 года с призывом о предоставлении Украинской православной церкви Киевского патриархата автокефалии. Надо отметить, что активность и настойчивость украинских властей и им сочувствующих по данному вопросу возросла именно с начала 2018 г. В то же время, из церковных источников и средств массовой информации мы знаем, что еще в начале 2018 года патриарх Варфоломей I подчеркивал, что «проблемы церковного единства можно решить только каноническими, а не политическими методами» [3].

Причем, вектор сменился с требований автокефалии для УПЦ Киевского Патриархата на автокефалию для единой православной украинской церкви. К этому моменту уже появилось несколько сценариев создания такой Церкви. Причем, у каждой из сторон-участниц данного процесса был свой сценарий. Наиболее достоверными из них были следующие:

1. Выдача Томоса на автокефалию УПЦ КП и создание на базе ее единой православной украинской Церкви.
2. Создание на Украине новой Православной церкви, объединяющей всех недовольных и обиженных Русской православной церковью, назовем их так, и выдача Томоса именно этой организации.
3. Создание в Украине Экзархата самим Константинопольским патриархом, на базе которого родится единая украинская православная церковь, которая и получит автокефалию.

Каждый из вариантов имел свои как свои плюсы, так и свои минусы. Более того, существенным затруднением являлся тот факт, что на украинском горизонте не было однозначно подходящего церковного лидера, годного на роль руководителя такой Церкви.

Обращение со стороны Президента к Патриарху такого рода само по себе является нонсенсом, но политическая конъюнктура придает данному событию приемлемый для актуального украинского контекста вид. Оно является вполне логичным, если рассматривать его в контексте истории церковных расколов на Украине, особенно раскола 1992 года, за которым последовало создание УПЦ КП под руководством Филарета (Денисенко). При анализе данной ситуации в контексте церковных расколов на Украине методологической базой исследования может служить философский анализ, сопряженный с синтезированием философии раскола, рассматривающей раскол Церкви как основу поляризации общества. Так было в 17-м веке при расколе Русской православной церкви, разделившем общество на последователей реформированной Церкви и старообрядцев. Данный же дискурс наблюдается и в процессе продолжающегося раскола в среде украинского Православия — органичной части Русской православной церкви.

Смысловым узлом и хронологической точкой ожидаемого факта выдачи Томаса Украине Вселенским патриархом Варфоломеем должно было стать 28 июля — день празднования 1030-летия крещения Руси. Кроме даты крещения Руси в этот день Православная церковь традиционно празднует день Святого Владимира — крестителя Руси. До 2008 г. данный праздник был для Украины только церковным, но по инициативе предыдущего предстоятеля УПЦ митрополита Владимира (Сабодана) 28 июля отмечается в Украине как национальный Праздник — День крещения Руси. То есть, можно подчеркнуть, что изначально этот Праздник был объединяющим разные части украинского сообщества. В настоящее же время он, как мало какой другой демонстрирует духовную разделенность населения Украины.

За несколько дней до этого события в Киев прибыли легаты — представители Вселенского (Константинопольского) патриарха Варфоломея, имевшие контакты преимущественно с предстоятелем УПЦ КП Филаретом, а затем принявшие участие в праздновании юбилея Крещения. События празднований разворачивались в основном в два дня: 27 июля — церковные службы, крестный ход и молебен на Владимирской горке в Киеве, совершаемые представителями Украинской православной церкви Московского Патриархата и 28 июля — то же самое — представителями Украинской православной церкви Киевского Патриархата. Таким образом, можно сказать, что две Православные Церкви Украины делают в настоящее время не только пространство (Киево-Печерская Лавра и Владимирский собор (Киев), как административные центры организаций и смысловые центры притяжения), но и время.

К концу июля все процедуры празднований были завершены, все поздравления, здравницы и угрозы отзвучали, но Томос Украина не получила. Мы проанализировали речи, лозунги и высказывания фигурантов описываемых событий. Подобный анализ позволяет увидеть сущность происходящего через ее речевую кодификацию. Таким образом, тексты, производимые участниками процесса подготовки получения Томоса на автокефалию, представляют для философско-религиоведческого анализа интереснейший материал.

В частности, позиция Президента Украины Петра Порошенко наиболее ярко была проявлена в речи, произнесенной им во время торжеств по случаю 1030-летия Крещения Руси, в которой он заявил о том, что Томос об автокефалии завершит утверждение независимости Украины и самостоятельности Украинского государства, укрепит религиозную свободу, межконфес-

сиональный мир, усилит права и свободы граждан. Он также отметил, что автокефалия Украинской церкви — это вопрос мировой геополитики. А выбор Православия князем Владимиром он назвал не иначе, как европейским выбором. Но вершиной речи президента стал его призыв «обрубить все щупальца, которыми орудует страна-агрессор». Кроме того, он обвинил Русскую Православную Церковь в пособничестве «преступлениям Кремля». Анализ речи Президента Украины показывает, что для обозначения ситуации, связанной с религией и Церковью, он использует лексику преимущественно политического характера (мировая геополитика, государство, армия, права и свободы, независимость, самостоятельность, безопасность), этнофилически окрашенную (национальная церковь, автокефалия, Томос), с явными признаками агрессии («обрубить щупальца», «страна-агрессор», «преступления Кремля»).

Подобными признаками характеризуется и речь предстоятеля Украинской православной церкви Киевского Патриархата патриарха Филарета (Денисенко), который выразил надежду на то, что в ближайшее время Украина будет иметь Томос, т.е. единую украинскую автокефальную Церковь. Он, так же, как и Президент, назвал выбор князя Владимира европейским выбором. Что кроме всего прочего, указывает на согласованность политических позиций глав украинского государства и украинской Церкви.

В заданном первыми лицами Украинского государства и Церкви тоне вели себя и участники крестного хода, возглавляемого УПЦ КП. Многие, из которых, например, скандировали известный лозунг майдана: «Нас багато — нас не подолати!» («Нас много — нас не победить!»).

Интересным с точки зрения возможностей для анализа является и следующий

текст, расположенный на одном из плакатов, подготовленных противниками к крестному ходу, организованному УПЦ МП и прошедшему под слоганом «Молитва за Украину»:

*Дивись, країно — йде орда
Несе тобі московські пута
Не вір! Не мирна та хода,
Ката кремлівського отрута...*

Что в переводе на русский язык звучит так:

*Смотри, страна — идет орда
Несет тебе московские цепи
Не верь! Это не мирный крестный ход —
А яд от Кремлевского палача ...*

Таким образом, мы можем подтвердить вывод о политическом характере предназначения и деятельности Украинской православной церкви Киевского Патриархата, направленных на разделение народа Украины и России, на раздел верующих в Украине.

Как известно, процесс борьбы Украины за получение новой автокефалии продолжился параллельно с изменением политики Фанара относительно этого вопроса. 7 сентября Константинопольский патриарх Варфоломей, продолжая процесс подготовки передачи Томоса, назначил экзархов на Украину: архиепископа Памфилийского Даниила (США) и епископа Эдмонтонского Илариона (Канада). Оба названных священника родились на Украине, но всю сознательную жизнь провели на Американском континенте, не только получив там образование и воспитание, но и став в культурном и идеологическом смысле представителями фактически другой культуры.

Экзархат в современном православном и католическом понимании это — отдельный церковный округ, находящийся за пределами страны, являющейся основной для юрисдикции данной поместной церкви

(патриархата). Экзархат преимущественно создается для окормления верующих данного обряда в другой стране. Т. е. экзархом в Православии и Католицизме становится глава данной административно-территориальной церковной единицы. Можно утверждать, что, не имея под собой соответствующей административно-территориальной церковной единицы, Варфоломей назначил туда глав — своих представителей.

В ответ на создание фактического Экзархата на канонических территориях Русской православной церкви Константинопольским патриархом 14 сентября Синод Русской православной церкви приостановил поминовение патриарха Варфоломея за богослужением, а также отменил сослужение с иерархами Константинопольского патриархата. Сами эти меры по-сути стали превентивными, поскольку не означают полного разрыва отношений между Церквями. Члены Синода отметили, что данное решение было принято Фанаром без согласования с Патриархом Кириллом и митрополитом Киевским Онуфрием — управляющими каноническими территориями Русской православной церкви и является «грубейшим попранием церковных канонов, воспрепятствующих епископам одной поместной церкви вмешиваться в дела другой поместной церкви» [4].

В ответ на предпринятые шаги Синод Украинской православной церкви 25 сентября потребовал от патриарха Константинопольского Варфоломея прекратить вмешательство во внутренние дела УПЦ, а его экзархов — покинуть каноническую территорию Украины. Синод УПЦ МП также отметил, что деятельность экзархов является «антиканонической и нарушает межконфессиональный мир на Украине» [5].

В заявлении Синода было предписано: «Епископату Украинской Православной Церкви приостановить сослужения с иерархами Константинопольского Патриар-

хата». При этом члены Священного Синода призвали священство, монашествующих и мирян Украинской православной церкви «усилить молитвы за сохранение единства Православия» [6].

Несомненным является факт разворачивающегося кризиса в мировом Православии, захватившем ряд поместных Церквей, включая Русскую православную, Вселенскую константинопольскую и Украинскую православную Церкви. Очевидна необоснованность претензий Вселенского патриарха Варфоломея на право единолично давать или не давать Томос на автокефалию, что не имеет под собой никакого источника, кроме собственной воли и собора Константинопольской церкви. Поскольку юридическое обоснования вопроса о провозглашении автокефалии в церковном праве не существует, как подтверждают эксперты [7]. А также укажем и на отсутствие договоренности других автокефальных Церквей, которые бы даровали такое право Вселенскому патриарху. Поэтому можем оценивать подобные действия Константинопольского патриарха в контексте межправославных отношений как произвол, а его правоприменение, как акт агрессии по отношению к другим субъектам церковного права.

Более того, рядом экспертов и представителей церковных кругов указывается на то, существующую возможность того, что в ближайшее будущее на повестке дня встанет вопрос о пересмотре диптиха Православных Церквей, с целью отнять у «Стамбульского патриарха» статус Вселенского и передать его Московскому патриарху. Данное деяние возможно в связи с существующим мнением в православном мире об экклезиологической ереси Константинопольской православной церкви, впавшей в (восточный папизм), поскольку она пытается распространять свою юрисдикцию и права на те территории, которые

не являются ей подчиненными, т. е. на канонические территории иных поместных Церквей, являющимися суверенными [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Факты и события, происходящие в Украине, России и мире в связи с развернувшимся процессом борьбы Украины за получение Томоса на создание единой православной церкви в Украине, указывают на крайнюю политизацию в настоящее время религии, государственно-конфессиональных, межцерковных и внутрицерковных отношений.

Процесс получения Томоса Украиной является органически включенным в контекст истории церковных расколов, особенно раскола в Украинской православной церкви 1992 г. Поэтому методологической базой для анализа происходящих событий может служить наметившаяся философия раскола, подтверждающая этнофилическую подоп-

леку в движении за национальную церковь на Украине и указывающая на последующее усиление поляризации в украинском обществе, а также и всей православной среде.

Действия Константинопольского патриарха Варфоломея по назначению своих экзархов в Украину можно расценивать, как попытку управлять на неподчиненных себе территориях, являющихся каноническими Русской православной и Украинской православной Церквей, что вызывает осуждение и сопротивление в большей части православного мира.

В настоящее время в православном мире существует мнение об ереси Константинопольской православной церкви, впавшей в восточный папизм, что может привести к пересмотру диптиха Православных Церквей, с целью отнять у «Стамбульского патриарха» статус Вселенского и передать его Московскому Патриарху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святейший Патриарх Алексий II, Речь на торжественном акте по случаю присвоения ему ученой степени доктора богословия *honoris causa* Тбилисской Духовной академии во время визита Его Святейшества в Грузию 27 апреля — 1 мая 1996 г. *Информационный бюллетень Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата от 1 июля*. 1996:3.
2. Порошенко захотел создания автокефальной церкви на Украине. 2018. 17 апреля. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/17/cerkov/> (дата обращения: 12.11.2019)
3. Слова Варфоломея Положение православной церкви на Украине. Досье. 2018. 27 июля. URL: <https://tass.ru/info/5408814> 2018. (дата обращения: 10.08.2019)
4. РПЦ заявила, что не признает верховенство юрисдикции Константинопольского патриархата. 2018. 16 сентября. URL: <https://www.newsru.com/religy/16sep2018/norecognition.html> (дата обращения: 23.10.2019)
5. УПЦ потребовала от Константинопольских экзархов покинуть каноническую территорию Украины. 2018. 25 сентября. URL: <https://www.newsru.com/religy/25sep2018/exarchconflict.html> (дата обращения: 28.11.2019)
6. Шишков А. В. 10 тезисов о ситуации вокруг провозглашения украинской автокефалии. Религиозная Жизнь. 2018. 16 сентября. URL: <https://religious.life/2018/09/shishkov-10-tezisev-o-situacii-vokrug-provozglasenija-ukrainskoj-avtokefalii/> (дата обращения: 14.10.2019)
7. Каверин Н. Кризис в русской церкви. Завтра. 2018. 27 сентября http://zavtra.ru/blogs/krizis_v_russkoj_tcerkvi (дата обращения: 05.02.2019)

REFERENCES

1. His Holiness Patriarch Alexy II, Speech at the ceremony on which he was awarded the degree of Doctor of Theology honoris causa of the Tbilisi Theological Academy during a visit of His Holiness to Georgia April 27 - May 1, 1996 *Newsletter of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate of July 1*. 1996:3. (In Russ).
2. Poroshenko wanted to create an autocephalous church in Ukraine. 2018.17 April. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/17/cerkov/> [Accessed: 12.11.2019] (In Russ).
3. Words by Bartholomew The situation of the Orthodox Church in Ukraine. Dossier. 2018.27 July. URL: <https://tass.ru/info/5408814> 2018. [Accessed: 08.10.2019] (In Russ).
4. The ROC stated that it does not recognize the supremacy of the jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople. 2018.16 September. URL: <https://www.newsru.com/religy/16sep2018/norecognition.html> [Accessed: 10.23.2019] (In Russ).
5. The UOC demanded that the Constantinople exarchs leave the canonical territory of Ukraine. 2018.25 September. URL: <https://www.newsru.com/religy/25sep2018/exarchconflict.html> [Accessed: 11.28.2019] (In Russ).
6. Shishkov A.V. 10 theses on the situation around the proclamation of Ukrainian autocephaly. Religious Life. 2018.16 September. URL: <https://religious.life/2018/09/shishkov-10-tezisev-o-situacii-vokrug-provozglasheniya-ukrainskoj-avtokefalii/> [Accessed: 10.14.2019] (In Russ).
7. Kaverin N. The crisis in the Russian church. Tomorrow. 2018. September 27. URL: http://zavtra.ru/blogs/krizis_v_russkoj_tcerkvi [Accessed: 02.05.2019] (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга А. Грива, Доктор философских наук, ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им. В.И.Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; ogriva@yandex.ru

Olga A. Griva, Doctor of Philosophy, the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia; ogriva@yandex.ru

Наталья В. Якса, Доктор педагогических наук, ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им. В.И.Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; jannsson@mail.ru

Natalia V. Yaksa, Doctor of Pedagogical Sciences, the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia; jannsson@mail.ru

